

ISSN 2304-4748

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны»

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ

Зборнік навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 5

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2016

Зборнік уключае навуковыя артыкулы, матэрыялы якіх адлюстроўваюць ўзаемаадносіны беларускага народа з яго суседзямі ў розныя гістарычныя эпохі, паказваюць ролю і месца беларускай зямлі ў міжнародных палітычных працэсах, што адбываліся ў Цэнтральна-Ўсходняй Еўропе, выяўляюць уплыў разнастайных фактараў на сацыяльна-культурныя і дзяржаўна-палітычныя працэсы на Беларусі.

Першы зборнік навуковых артыкулаў «Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны» быў выдадзены ў 2012 годзе. Зараз чытачам прапануецца ўжо пяты выпуск зборніка, у складанні якога прынялі ўдзел вядомыя прадстаўнікі акадэмічнай і ўніверсітэцкай навукі Беларусі, Украіны і Расійскай Федэрацыі. Выданне адрасавана спецыялістам-гісторыкам, настаўнікам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй.

Зборнік выдадзены ў адпаведнасці з арыгіналам, падрыхтаваным рэдакцыйнай калегіяй пры ўдзеле выдавецтва.

Рэдакцыйная калегія:

Р. Р. Лазько (галоўны рэдактар),
А. М. Вабішчэвіч, М. П. Касцюк, У. Е. Снапкоўскі,
С. А. Елізараў, Ю. А. Мыцык, М. М. Мязга, С. А. Чаропка

Рэцэнзенты:

доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Макушнікаў,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт Г. А. Аляксеічанка

Змест

Прадмова	5
Чаропка С.А.	Міжнароднае становішча Рэчы Паспалітай як каталізатар казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг.	6
Степанчук Ю.С.	Трансформацыя поглядаў Богдана Хмельніцкага стасовна Переяславска-москousькага догавору у сучаснай украінскай історыяграфіі.....	11
Кротов А.М.	Памятнікі уснога народнага творчства беларусов как источник по изучению белорусского стереотипа поляка.....	17
Касперавічюс А.П.	К вопросу о литовско-белорусских отношениях в 1915–1940 гг.....	23
Мігун Д.А.	Германо-советские отношения после подписания договора в Брест-Литовске.....	30
Змітровіч І.О.	Проблема будучага дзяржаўна-політычнага статусу Чэхіі і Славакіі ў гады Першай сусветнай вайны	36
Рубан А.О.	М.С. Грушевський і праблема нацыянальна-дзяржаўнага развіцця Украіны (1917–1918 роки).....	40
Бароўская В.М.	Балтыйскія канферэнцыі і беларускае пытанне (верасень 1919 г. – верасень 1920 г.).....	44
Мязга М.М.	Беларускае пытанне пад час польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. у савецкай міжваеннай гістарыяграфіі.....	50
Елізаров С.А.	Гомельская номенклатура: становленне (вторая половина 1920-х гг.).....	54
Янушевіч І.І.	Форміраванне антырэлігійнай агітацыйна-прапагандысцкай сістэмы ў БССР (1919–1923 гг.).....	59
Загідулін А.М.	Дзейнасць польскіх органаў прапаганды ў Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.).....	64
Горны А.С.	Культурна-асветніцкая дзейнасць “беларускай санацыі” ў міжваеннай Польшчы.....	69
Тугай В.В.	Особенности этнокультуры и повседневной жизни немцев белорусского Полесья. 1920–30-е гг.....	73
Старовойтов М.И.	Изменение брачной и семейной структуры сельского населения Белорусско-Российско-Украинского пограничья в 1920–1930-е годы.....	79

Толочко Д.М., Шестопапов Е.И.	Поход Красной Армии в Польшу осенью 1939 г. в восприятии населения БССР.....	85
Кононенко В.В.	Евакуація єврейського населення поділля під час Другої світної війни у червні – липні 1941 р.....	91
Ковальчук И.В.	Борьба между украинскими националистическими структурами и советскими подпольщиками и партизанами на территории Житомирской области в период нацистской оккупации: причины, характер, последствия (попытка источниковедческого анализа).....	98
Латышева В.А.	Жертвы нацистской программы умерщвления “Т-4” на оккупированных советских территориях: к вопросу о состоянии исследования проблемы.....	103
Гавриловец Л.В.	Гуманитарные аспекты белорусско-польского взаимодействия во второй половине 90-х гг. XX в. – начале XXI в.....	109
Звесткі аб аўтарах	114
Summary	116

ПРАДМОВА

Геапалітычнае становішча Беларусі прадвызначыла багатую, цікавую, а часам і драматычную гісторыю нашага народа. Гістарычны лёс і геаграфічнае становішча прымусалі беларусаў у розныя часы ўступаць ва ўзаемадзеянне з рознымі народамі, якія жылі побач. Менавіта гэтае ўзаемадзеянне, узаемаадносінны з суседзямі ў вялікай ступені паўплывалі на нацыятворчыя і дзяржаватворчыя працэсы на беларускіх землях. Беларуская культура узбагачалася, інтэгрвала каштоўнасці іншых народаў, атрымлівала новыя імпульсы для свайго развіцця. З іншага боку беларуская культура аказвала ўплыў на суседзяў, якія ўспрымалі духоўныя і матэрыяльныя каштоўнасці, створаныя беларускім народам.

На працягу сваёй гісторыі беларускі народ уваходзіў у склад некалькіх дзяржаўных утварэнняў. Гэты фактар вызначыў тое, што ў розныя эпохі беларусы мелі больш блізкія стасункі і адзіны гістарычны лёс з пэўнымі народамі. З цягам часу характар узаемадачынненняў з суседзямі змяняўся. Але нягледзячы на гэтую акалічнасць, які б з суседніх для беларусаў народаў мы не ўзялі, ва ўзаемаадносінах з ім знойдзем як часы плённых кантактаў у розных сферах, так і перыяды вострых канфліктаў. Гэты аб'ектыўны гістарычны працэс і яго розныя бакі заслугоўваюць увагі з боку гісторыкаў. У рамках працэсу міжнароднай, міждзяржаўнай і міжкультурнай камунікацыі, нягледзячы на ўсю яго складаннасць і супярэчнасць, Беларусь адыгрывала ролю моста паміж Усходняй і Заходняй Еўропай. У наш час сітуацыя не змянілася – Рэспубліка Беларусь працягвае знаходзіцца на стыку двух вялізных геапалітычных суб'ектаў – Еўрапейскага Саюза і Расійскай Федэрацыі. Зараз вельмі важна ўсвядоміць дадзенае становішча Беларусі для наладжвання ўзаемавыгадных сувязей, якія будуць узбагачаць і беларусаў, і суседнія народы ў духоўнай і матэрыяльнай сферах. На працягу гісторыі сфарміраваліся пэўныя стэрэатыпы ўспрыняцця беларусамі іншых народаў, якія часта носяць негатыўны характар. Важная роля ў іх пераадоленні, у фарміраванні атмасферы, спрыяльнай для развіцця добрасуседскіх адносін, належыць і гістарычнай навуцы. Аб'ектыўныя гістарычныя даследаванні могуць стаць важным падмуркам для фарміравання палітыкі незалежнай Беларусі, накіраванай на наладжванне плённага супрацоўніцтва з суседнімі народамі і краінамі.

Гэты зборнік навуковых прац, змяшчае артыкулы, якія прысвечаны гісторыі адносін беларусаў з суседнімі краінамі і народамі ў розных сферах жыцця ў перыяд Новага і Навейшага часу. Асноўны акцэнт у іх зроблены на вывучэнне праблем, якія звязаныя з фарміраваннем дзяржаўнасці на беларускіх і суседніх землях, а таксама тых міждзяржаўных і міжнацыянальных адносін, якія фарміраваліся і развіваліся ў сувязі з гэтым. Аўтарамі прац з'яўляюцца аўтарытэтныя гісторыкі, чые даследаванні вядомыя ў Беларусі, Літве, Польшчы, Расіі, Украіне і суседніх краінах. Матэрыялы зборніка прадстаўляюць цікавасць як для прафесійных гісторыкаў, так і для ўсіх, хто мае цікавасць да айчыннай мінуўшчыны. Яны з'яўляюцца адным з крокаў у справе даследавання актуальных праблем гісторыі Беларусі і суседніх краін, садзейнічаюць умацаванню паразумення паміж народамі-суседзямі на аснове стварэння аб'ектыўнай навуковай карціны іх гістарычнага мінулага.

Чаропка С.А.,
канд. гіст. навук, дацэнт,
член рэдакцыйнай калегіі

С.А. Чаропка
Гомельскі дзяржаўны
універсітэт імя Францыска Скарыны

МІЖНАРОДНАЕ СТАНОВІШЧА РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ ЯК КАТАЛІЗАТАР КАЗАЦКА-СЯЛЯНСКАЙ ВАЙНЫ 1648-1651 ГГ.

У прадстаўленым артыкуле праводзіцца даследаванне ўплыву знешнепалітычных фактараў на працэс разгортвання казацка-сялянскай вайны на беларускіх землях Вялікага княства Літоўскага. У артыкуле разглядаецца міжнароднае становішча Рэчы Паспалітай у 20–40-х гадах XVII ст., вылучаюцца асноўныя вузлы супярэчнасцяў паміж Рэччу Паспалітай і Швецыяй, Асманскай імперыяй і Расійскай дзяржавай. Аўтар прыходзіць да высновы, што складаная знешнепалітычная сітуацыя, у якой аказалася Рэч Паспалітая ў сярэдзіне XVII ст., стварыла спрыяльную кан'юктуру для актывізацыі апазіцыйных каралеўскаму ўраду сіл.

Казацка-сялянская вайна стала знакавай падзеяй ў беларускай гісторыі. Яна распачала адзін з найбольш трагічных эпізодаў гісторыі не толькі Рэчы Паспалітай (РП) як дзяржавы, якая ў наступным так і не здолела паправіцца, але і гісторыі беларускага народу ў цэлым. Напярэдадні казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг. сучасныя беларускія землі не выступалі ў якасці асобнага суб'екта міжнародных адносін. Аднак, як арганічная частка РП, палітычная эліта Вялікага княства Літоўскага (ВКЛ) прымала актыўны ўдзел у міжнародным жыцці, а падзеі ў Еўропе аказвалі ўплыў на ўнутранае жыццё перш за ўсё рускага грамадства. У сувязі з гэтым для даследавання перадумоў казацка-сялянскай вайны неабходна ўлічваць знешнія чыннікі, якія аказалі ўплыў на разгортванне сацыяльнай барацьбы на тэрыторыі сучаснай Беларусі, што і з'яўляецца мэтай прадстаўленага даследавання. Сярод знешнепалітычных праціўнікаў ВКЛ, як складовай часткі РП, у першай палове XVII ст. вызначыліся Швецыя на поўначы, Расійская дзяржава на ўсходзе і Крымскае ханства на поўдні.

Трэба адзначыць, што ў прадстаўленым артыкуле пад тэрмінам “русь” або “рускія” маецца на ўвазе ўсходнеславянскае насельніцтва ВКЛ, якое ў навуковай літаратуры прынята называць старабеларускай народнасцю. Рускае насельніцтва ВКЛ стала продкам сфарміраваўшайся пазней беларускай нацыі і не мае дачынення да рускага насельніцтва Рускай дзяржавы, якое стала продкам сучаснай рускай нацыі. Пад “рускімі” землямі ВКЛ разумеюцца землі, на якіх у XVII ст. пражывала пераважна рускае насельніцтва, якія зараз у асноўным уваходзяць у склад Рэспублікі Беларусь. Адзначым, што нягледзячы на супадзенне этноніма, рускае насельніцтва Літоўска-Рускай дзяржавы і рускія Расійскай дзяржавы ў XVII ст. належалі хаця і да родасных, але ўжо асобных этнасаў, што праяўлялася ў наяўнасці розных моў, рознай канфесійнай (уніяты) і царкоўнай (рознасць царкоўнай юрысдыкцыі і абраднасці ў праваслаўнага насельніцтва ВКЛ і Расіі) прыналежнасці, асобных гістарычных шляхах, якія яны прайшлі з XIII–XIV ст. Выбар тэрміну “рускі”, “рускія землі” ў адносінах да старабеларускага насельніцтва і беларускіх у сучасным разуменні зямель былога ВКЛ абумоўлены імкненнем аўтара да максімальнага выкарыстання прынцыпаў канкрэтнасці і апоры на гістарычныя крыніцы, якія дакладна паказваюць этнічную і геаграфічную тэрміналогію, якой аперывалі сучаснікі падзей.

Нягледзячы на ўзрастанне цікавасці да беларускай гісторыі XVII ст. значнай гістарыяграфічнай спадчыны па абзначанай у назве тэме гісторыкі яшчэ не пакінулі. Сур'ёзны задзел у гэтым накірунку беларускі гісторык У. Снапкоўскі [1]. Даследаванні замежных навукоўцаў дэманструюць або агульную карціну міжнародных адносін

вывучаемага часу, або тэма разгледжана праз прызму ўласнай нацыянальнай гісторыі [2]. Такім чынам, для вывучэння абазначанай тэмы існуе яшчэ вялікі патэнцыял.

У першай палове XVII ст. Заходняя Еўропа прадстаўляла сабой суцэльны тэатр баявых дзеянняў Трыццацігадовай вайны. У ходзе гэтай вайны аформіліся дзве палітычных групы: першую з якіх уяўляла Каталіцкая ліга, аснову якой складалі паўднёвагерманскія княствы Свяшчэннай Рымскай імперыі і Іспанія; другой групой з'яўлялася Евангелічная унія, прадстаўленая Даніяй, Швецыяй і Францыяй. Падчас Трыццацігадовай вайны РП, захоўваючы нейтралітэт, пайшла на збліжэнне з Габсбургамі, у той час калі Расійская дзяржава паспрабавала зблізіцца са Швецыяй. Такім чынам, напрыканцы 20-х гг. XVII ст. узнік праект руска-шведска-францускага саюза, накіраванага супраць РП. Менавіта ў цеснай сувязі з Трыццацігадовай вайной неабходна разглядаць Смаленскую вайну 1632–1634 гг. паміж Расіяй і РП, у выніку якой Варшава вымушана была пайсці на некаторыя саступкі Маскве [3, с. 44].

Актыўны ўдзел РП у Дзмітрыядзе, а таксама вяртанне ў склад ВКЛ і Польшчы страчаных раней Смаленшчыны і Севершчыны не мог пакінуць расійскае кіраўніцтва ў спакоі. Абсалютна заканамерна, што Масква, крыху ачуняўшы пасля Смуты, стала рыхтавацца да рэваншу. Для гэтага склаліся неабходныя ўмовы – няўдачны паход кароннай арміі на чале з каралевічам Уладзіславам 1617–1618 гг., зацягнуўшаяся вайна РП са Швецыяй і няпростыя ўзаемаадносіны РП з Асманскай імперыяй.

У прыватнасці, у 1620–1621 гг. разгарнулася г.зв. Хоцінская вайна паміж Польшка-Літоўскай дзяржавай і Асманскай імперыяй, якая была выклікана імкненнем кіраўніцтва РП уплываць на Малдову, якую асманы разглядалі як сферу свайго ўплыву. Хоцінскі мірны дагавор 1621 г. фактычна зафіксаваў адмову польска-літоўскага боку ад прэтэнзій ў адносінах да Малдовы [4]. Пры гэтым, як сведчаць крыніцы, польскім дыпламатам давялося шмат папарацаваць, каб асманскі бок выконваў пункты дагавору [5]. У вайне са Швецыяй удача таксама аказалася не на баку польска-літоўскага войска. Перамогі шведаў паставілі пытанне аб трываласці РП як федэратыўнай дзяржавы. Заключаны ў 1627 г. з боку ВКЛ сепаратны мір са шведамі паставіў Польшчу у цяжкую сітуацыю і садзейнічаў заключэнню ў 1629 г. Альтмаркскага замірэння, паводле якога Рэч Паспалітая пазбаўлялася значных уладанняў у Інфлянтах. У наступным, Л. Сапегу за заключэнне гэтага перамір'я даводзілася апраўдавацца перад каралём Жыгімонтам III, успамінаючы актыўны ўдзел ВКЛ у Хоцінскай вайне [6, с. 97].

Фармальна не ўдзельнічаючы ў Трыццацігадовай вайне РП, ваюючы з Швецыяй аказвала ўскосную дапамогу Габсбургам. У сувязі з гэтым, завяршэнне вайны са Швецыяй выклікала занепакоенасць у антыгабсбургскага блока. У лідэра французскай дыпламатыі кардынала А. Рышэль'е ў 1629 г. ўзнікла ідэя далучэння Расійскай дзяржавы да антыгабсбургскай кааліцыі для нанясення ўдара па РП, што цаклкам супадала з інтарэсамі Масквы. Ачуняўшая пасля перыяду Смуты Расійская дзяржава стала шукаць саюзнікаў, сярод якіх найбольш верагоднымі з'яўляліся Швецыя, Асманская імперыя і яе васал Трансільванія. Пасля перамогі пад Хоцінам асманы актыўна рыхтаваліся да працягу баявых дзеянняў і кааліцыя з Расійскай дзяржавай выглядала абсалютна заканамернай. Спробы польскай дыпламатыі утварыць антыасманскую кааліцыю ва ўмовах Трыццацігадовай вайны выглядалі фантастычнымі. Аднак смерць шведскага караля Густава Адольфа ў 1632 г. сарваў патэнцыяльны расійска-шведскі саюз і палепшылі становішча Польшка-літоўскай дзяржавы.

У 1632 г. Расія распачала г.зв. Смаленскую вайну, аднак польска-літоўскай дыпламатыі ўдалося схіліць на свой бок Крымскае ханства, што палепшыла становішча РП. Паспяхова баявыя дзеянні польска-літоўскага войска ў сукупнасці з набегам ардынцаў пад Маскву паставіла расійскае войска ў цяжкае становішча. Уступленне ў вайну Асманскай імперыі не прывяло да сур'ёзных змен. Польская армія разграміла

асманаў і нават абвяшчэнне султанам Мурадам IV джыхада супраць РП сітуацыі не змяніла. Разгром асманаў і капітуляцыя расійскай арміі прывялі да заключэння ў 1634 г. Палянаўскага міра, які фіксаваў узаемныя саступкі з боку РП і Расіі перш за ўсё у пытанні тэрытарыяльных і дынастычных прэтэнзій.

Расійскае кіраўніцтва праводзіла палітычную лінію, скіраваную на абгрунтаванне правоў Масквы на землі “Белай Русі”, у сувязі з чым любое аслабленне РП было на карысць Расійскай дзяржаве. Маскоўскі ўрад уважліва сачыў за ўнутранымі супярэчнасцямі паміж кальвінісцкай шляхтай ВКЛ і іх каталіцкімі праціўнікамі, якіх падтрымлівала Польша. У ліпені 1648 г. луцкі ваявода дакладваў цару, што “ў палякаў з літвой розні няма, акрамя чаркаскай вайны” [7, с. 222]. Кіруючыя колы ВКЛ разумелі, што нестабільнасць у рускіх землях РП была ў палітычных інтарэсах Масквы, што рускія паветы Польшчы і асабліва ВКЛ з’яўляліся сферай інтарэсаў Расійскай дзяржавы.

У 1635 г. скончыўся тэрмін Альтмаркскага перамір’я 1629 г. і фармальна вайна Швецыі з РП зноў пачалася. Шведам, якія ўжо адкрыта ўцягнуліся ў трыццацігадовую вайну і РП, якая імкнулася арганізаваць антыасманскую кааліцыю было выгадна працягнуць становішча міра. У сувязі з гэтым абодва бакі пры пасярэдніцтве французскага дыпламата К. д’Аво пайшлі на заключэнне Штурмсдорфскага перамір’я тэрмінам на 26 з паловай гадоў. Ахвяраванне Уладзіславам IV сваімі правамі на расійскі і шведскі трон даў яму магчымасць засяродзіцца на падрыхтоўцы барацьбы супраць Асманскай дзяржавы.

Паражэнне Габсбургаў у Трыццацігадовай вайне вымусіла кіраўніцтва РП пайсці на змены ў знешнепалітычным курсе і ў 1645 г. яна зрабіла крок да збліжэння з Францыяй, але на поўны разрыў з Габсбургамі, тым не менш, не пайшла. Не былі канчаткова ўрэгуляваны адносіны са Швецыяй, частка магнатаў якой на чале з канцлерам А. Аксеншэрнам выступала за працяг вайны. Швецыя ўжо ў 1646–1647 гг. была падрыхтавана да пачатку баявых дзеянняў супраць РП.

Неспрыяльная для РП сітуацыя склалася і на паўднёвых межах з Крымам і Асманскай імперыяй. Палітыка Уладзіслава IV, накіраваная на стварэнне антытурэцкай кааліцыі ўсходнееўрапейскіх дзяржаў, рабіла заканамернай варожасць Асманскай імперыі да РП, што асабліва карысна было для Крымскага ханства, кіраўнік якога хан Іслам-Гірэй III імкнуўся выкарыстаць любую магчымасць, каб скарыстаць аслабленне польска-літоўскай дзяржавы. Разам з тым прывал ідэі паходу РП на крымскіх татараў прывёў да незадавальнення значнай колькасці казацтва і, як вынік, узмацнення сацыяльных і этнаканфесійных супярэчнасцей у кароннай Украіне.

Трыццацігадовая вайна ў сукупнасці з названымі вышэй фактарамі аказала значны ўплыў на становішча ўласна запарожскага казацтва. На працягу ўсёй вайны тысячы запарожцаў прынялі ўдзел у баявых дзеяннях на тэрыторыі Еўропы – у Трансільваніі, Германіі, Аўстрыі, адзначыліся ў 1646 г. у бітве пад Дзюнкерам, прычым апошні эпізод звязваецца з імем Б. Хмяльніцкага [8, с. 570]. Набыты ў Еўропе досвед не мог быць не выкарыстаны запарожскім казацтвам, тым больш што да 40-х гг. XVII ст. Запарожская Сеч фактычна пераўтварылася ў самакіруючую і практычна незалежную ад цэнтральных польскіх улад тэрыторыю, якая стала пераўтварацца ў суб’екта міжнародных адносін рэгіянальнага ўзроўню, аб чым сведчыць спроба стварэння ў 1624 г. казацка-татарскага вайсковага саюзу [9, с. 68]. Узмацненне нацыянальнай свядомасці рускага насельніцтва кароннай Украіны напрыканцы XVI – у першай палове XVII ст. разам з замацаваннем казацтва як магутнай сацыяльнай сілы сталі галоўнымі фактарамі зараджэння вызваленчай барацьбы на Украіне.

Змест дзеянняў казацкіх правадыроў, скіраваных на барацьбу з царкоўнай уніяй, польскай і апалячанай шляхтай, вестэрнізацыяй жыцця адлюстроўваў інтарэсы шырокіх сацыяльных колаў, што ставіла казакаў у авангардзе іх барацьбы не толькі на Украіне, але і ў Літоўскай Русі. Менавіта казацтва з 20-х гг. XVII ст. стала апорай дызуніцкай

праваслаўнай царквы. У канцы XVI – пачатку XVII ст. на Украіне адбылося шэсць буйных казацкіх паўстанняў (1591–1593 гг., 1594–1596 гг., 1625 г., 1630 г., 1637 г., 1638 г.), адно з якіх, пад кіраўніцтвам С. Налівайкі было прынесена ў рускія паветы ВКЛ, дзе дзеянні казакаў былі актыўна падтрыманы часткаю мясцовага насельніцтва. У 1620 г. запарожскі гетман П. Сагайдачны дакладна абазначыў пазіцыю казацтва ў рэлігійным пытанні, уключыўшы ўсіх казакаў Запарожскага Войска ў склад Кіеўскага брацтва. Менавіта дзякуючы падтрымцы казакаў у 1633 г. быў адроджаны афіцыйны статус дызуніцкай праваслаўнай царквы ў РП. Аднак гэтая падзея не толькі не стабілізавала становішча ў РП, а наадварот прывяла да яе дэстабілізацыі. У 1637 г. падчас паўстання пад кіраўніцтвам П. Бута казакі дзейнічалі пад лозунгамі барацьбы з “ляхамі”, заклікаючы да змагання ўсіх дызунітаў [10, с. 147].

Запарожская Сеч з’яўлялася тым месцам, куды накіроўваліся найбольш актыўныя прадстаўнікі рускага дызуніцкага лагера ВКЛ з ліку шляхты, сялян і мяшчан. Шляхціцы з’яжджалі на Украіну, імкнучыся рэалізаваць тут сваю актыўнасць у барацьбе за права свабоды веравызнання. Сялян да ўцёкаў на Украіну да таго ж падштурхвала ўзмацненне феадальнай эксплуатацыі. Комплексны аналіз крыніц паказвае дастаткова значны кампанент выхадцаў з Літоўскай Русі не толькі сярод агульнай масы казакаў, але і сярод казацкай страшыны. Казацкія палкоўнікі П. Галавацкі, М. Крычэўскі, І. Бруяка, М. Крыванос, Я. Сакалоўскі, Ф. Гаркуша і іншыя з’яўляюцца выхадцамі з рускіх зямель ВКЛ [11; 12]. Даследаванне Рээстра Запарожскага войска 1649 г. паказвае наяўнасць прозвішчаў Літоўчанка, Літвін, Мазырэнка і іншых падобных, якія ўскосна сведчаць аб паходжанні іх носьбітаў з сучасных беларускіх зямель [13, с. 331–332]. Значную частку неўкраінскага элемента ў камандных органах казацкай арміі складалі менавіта выхадцы з ВКЛ [90, с. 9–10].

Казацка-сялянская вайна ў ВКЛ 1648–1651 гг. пачалася пад непасрэдным уплывам падзей у Запарожжы і на Левабярэжнай Украіне. Асноўныя праграмныя патрабаванні Б.Хмяльніцкага адпавядалі чаканням “праваслаўнага лагера” ў ВКЛ, што забяспечвала падтрымку ўкраінскім паўстанцам на зямлі сучаснай Беларусі. Хмяльніцкі пачаў пошук знешніх саюзнікаў – імі маглі быць натуральныя знешнепалітычныя праціўнікі РП – Расійская дзяржава і Крымскае ханства. Менавіта з апошнім новаабраны гетман найбольш актыўна вёў перамовы і, заручыўшыся падтрымкай Асманскай дзяржавы, да сярэдзіны сакавіка 1648 г у Бахчысараі быў заключаны дагавор аб саюзе з крымскім ханам Іслам-Гірэем аб вайсковай дапамозе татар ў барацьбе з РП. Паводле казацка-татарскай дамоўленасці, запарожцы абяцалі не дапускаць марскіх выпраў супраць татарскіх і турэцкіх населеных пунктаў, рэгулярна выплочваць памінкі, за што на дапамогу Хмяльніцкаму было накіравана 3–4 тыс. татар на чале з Тугай-беём.

Такім чынам, складаная знешнепалітычная сітуацыя, у якой аказалася РП ў сярэдзіне XVII ст., стварыла спрыяльную кан’юктуру для актывізацыі апазіцыйных каралеўскаму ўраду сіл, што выявілася ў шэрагу паўстанняў запарожскіх казакаў на Украіне ў першай палове XVII ст. Нявырашанасць унутраных праблем у РП прывяла да фарміравання на Украіне апазіцыйнага дзяржаўнага ўтварэння – Запарожскай Сечы, якая слаба кіравалася цэнтральнымі органамі ўлады. Немагчымасць супрацьстаяць вестэрнізацыі грамадскага жыцця ў ВКЛ вымушала частку рускай шляхты мігрыраваць на Украіну і далучацца да казакаў. Рост феадальнай эксплуатацыі сялянства спрыяў падобнаму працэсу, у выніку чаго ў Запарожскай Сечы быў значна прадстаўлены беларускі кампанент. Штуршком да разгортвання барацьбы на Беларусі летам 1648 г. стала знешняя падзея - нацыянальна-вызваленчая вайна ўкраінскага народа, асноўныя ідэі якой былі экспартаваны на беларускія землі ВКЛ. Аднак гэтыя ідэі не з’яўляліся чужароднымі для значнай часткі беларускага насельніцтва, таму што яны адпавядалі памкненням яго значнай часткі, а прапагандай гэтых ідэй займаліся казакі-выхадцы з Беларусі.

Спис крыніц і літаратуры

1. Снапкоўскі, У. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі : вуч. дапам. для студэнтаў: у 2 ч. – Мінск: БДУ, 2003. – Ч.1. Ад пачатку дзяржаўнасці да канца XVIII ст. – 281 с.
2. Алексеев, В.М. Тридцатилетняя война. – Л.: Учпедгиз, 1961. – 184 с.; Ивонина Л. И., Прокопьев А. Ю. Дипломатия Тридцатилетней войны. – Смоленск, 1996; История дипломатии / под ред. В.П. Потёмкина: в 3 т. Т. 1. – М.: ОГИЗ, 1941. – 567 с.; Поршнев, Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства / Вебер, В. Г. – М. : Наука, 1976. – 436 с.; The Thirty Years' War / G. Parker. – 2. – New York : Routledge, 1997. – 316 p.; Schmidt, G. Der Dreißigjährige Krieg. – 6. – München: Beck, 2003; Schormann, G. Der Dreißigjährige Krieg. – 3. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2004; Serczyk, W.A. Na płonącej Ukrainie. Dzieje Kozaczyzny 1648–1651, Warszawa 1998.
3. Поршнев, Б.Ф. К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648–1654 годов / Б.Ф. Поршнев // Вопросы истории. – 1954. – № 5. – С. 44 – 58.
4. Сас, П.М. Укладнення Хотинського мирного договору 1621 р. // УІЖ. – 2013. – № 2. – С. 38–73.
5. Донесение о посольстве князя К. Збаражского в Турцию. – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Zbarazskij/frame1.htm> – Дата доступу: 03.03.2016.
6. Kognowicki, K. Zywy Lwa Sapiehy/ К. Kognowicki. – Sanok: – 1856. – S. 97.
7. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссией (АЮЗР). – СПб.: тип. П.А. Кулиша, 1861. – Т. 3. – 604, 134, 22 с.
8. Полторацкі, В.М. Тридцатилітняя вайна / В.М. Полторацкі // Украінскае козацтва: малае энцыклапедыя. – Кіў, 2006. – С. 570–571.
9. Брехуненко, В. Московська держава і козацько-татарський віськовий союз 1624–1629 рр. / В. Брехуненко // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин: збірник наук. праць. – Кіў: Інститут історії України НАН України, 2003. – С. 66–84.
10. Історія України: нове бачення: у 2 т. / О.І. Гуржій, Я.Д. Ісаєвич, М.Ф. Котляр [та інш.]; редкол. В.А. Смолій (гол. ред.) [та інш.]. – Кіў: Вид-во “Україна”, 1995. – Т. 1. – 350 с.
11. Кривошея, В. Генеалогія українського козацтва: Нариси історії козацьких полків / В. Кривошея. – 2-е вид. – Кіў: «Стилос», 2004, – 391 с.
12. Lipiński, W. Stanisław Michał Krzyczewski. Z dziejów walki szlachty ukraińskiej w szeregach powstańczych pod wodzą Bohdana Chmielnickiego/ W. Lipiński. – Kraków, 1912. – VIII, 375 s.
13. Реестр всего войска Запорожского после Зборовского договора с королем польским Яном Казимером. – М.: Изд. Импер. об-ва истории и древностей Российских при Московском университете, 1875. – 338 с.

Stanislau Czaropka. The international situation of the Polish-Lithuanian Commonwealth as a catalyst for the Cossack peasant war 1648-1651. This article presents an analysis of the influence of foreign factors in the process of deploying the Cossack and peasant war in Belarusian part of the Grand Duchy of Lithuania. This article deals with the international position of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 20–40-ies of the 17 century, highlights the major nodes of contradictions between the Polish-Lithuanian Commonwealth and Sweden, the Ottoman Empire and the Russian State.

Ю.С. Степанчук

Вінницький державний педагогічний
університет імені ім. М. Коцюбинського

ТРАНСФОРМАЦІЯ ПОГЛЯДІВ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦЬКОГО СТОСОВНО ПЕРЕЯСЛАВСЬКО-МОСКОВСЬКОГО ДОГОВОРУ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ІСТОРИОГРАФІЇ

У працях артыкуле разглядаюцца прычыны і абставіны змены поглядаў казацкай старшыны на чале з гетаманам Запарожскай сечы Б. Хмяльніцкім на ўзаемаадносіны з Маскоўскай дзяржавай пасля Пераяслаўскай рады. Трансфармацыя поглядаў казацкага кіраўніцтва ў наступным прывяло да разгортвання ўкраінска-расійскай вайны 1658–1659 гг.

Істориографія радянскай эпохі надавала надзвычайнага ідэалагічнага значэння факту „еднання” Украіны з Расіяю. Стверджвалася, што весь украінскі народ адностаіно і з великою радзістою побажав буці у союзі із народом расійскім. Насправді, адностаінога схвалення та спрыяння украінскім суспільствам расійскай протекціі не існувало. Можна констатувати, што суспільствам розкололася на дві частіны. Перша – більша, не схвалила догвору з Масквою, друга – менша, до якої належалі й ініціаторы еднання, була впевнена у правільнасці такога політычнага выбору. Проте, чым дужче уряд Б.Хмельніцкага намагався співробітнічати із царскім урядом, тим більшае разумів, што Масковщина дбала ліше про своі, масковскі, інтересы.

Недовіра до новых союзніків спалахнула ще у ході Пераяслаўскай рады. Б. Хмельніцкі поставіў вимогу перед расійскім посламі, щоб вони склалі за цара прысягу про те, што Масква захищатіме Війска Запарозьке і збереже права та прывілеі козацкага стану. Боярын Бутурлін, які очолював делегацію, відмовіўся прысягати, бо „того, что за великаго государя веру учинити, николи не бывало и впредь не будет...” [1, с. 36].

Наштовхнувшись на непередбачену відмову росіян, зазначае історык В.С. Степанков, гетман і старшына постаілі перед дилемою: або прысягнуці масковскаму цареві, або відмовітиса від прысяги, а відтак і від протекціі масковскаго цара. Вони обраілі першы варіант [1, с. 37]. Врешті, як відзначав В. Липінскі, формальна сторона конфлікту була усунена обома сторонамі за дапамогаю недогвореных політычных абіцянок. На його переконання, це була перша дыпламатычна перемога росіян [2, с. 147].

Через два дні козацка старшына знову спробувала атрымаці грамоты на підтвердження своіх свобод і прывілеіў. Як і під час перагворів в Успенскій церкві Пераяслава, старшына абгрунтоувала своі вимогы тим, што рядові козаки без прысяги та грамоты будуть „сумніватиса”. У черговый раз старшына атрымала рішучу відмову від масковскых послів [3, с. 411–412].

Показовым є невдоволення неабхідністою прыносці прысягу цареві жitelів Пераяслава, Києва та Чорнобіля. Так, за данымі шляхтыча Семена Павші, після прысяги гетмана й старшыны „пераяславскых міщан гнали до прысяги, які вони дуже опіраліся. Місцевый віт (аж) захворів, та його, хоч і хвораго, було наказано прывесці до церкви, і він мусів виконати прысягу, але з розпачу помер на третій день після цієї прысяги”. Під час прысяги 27 січні у Києві вище православне духоуенство відмовілося її прыносці, а магістрат і поспільства „опіраліся і не хотілі йти, але їх козаки гнали як бідло” [4, с. 103]. Чорнобільскі протопоп повідомляв, што „в місті було крику й плачу, коли міщан погналі до прысяги”. Частина козаків брацлавскаго й уманскаго полків висловілася проти масковскай протекціі, а козаки Кропівнянскаго і Полтавскаго полків царскых урядніків «киямы побілі». Відомо, што не прысягали й запарожці [1, с. 37].

Стає очевидним, як зазначає Ю. Мицик, що багато хто з жителів України вороже зустрів навіть саму думку про присягу московському цареві і тому ухилявся від неї; що Хмельницькому доводилося силою змушувати людей до присяги; що люди часто називалися, присягаючи, не своїми іменами, а це, зазвичай, унеможливило присягу [4, с. 100].

У ході переяславських домовленостей відбулася прикра подія, що пізніше переросте у тенденційне явище, характерне для козацької еліти України-Гетьманщини. До Бутурліна, без відома гетьмана, прибула делегація старшини з проханням затвердити їх на різних державних посадах. Відома дослідниця Н. Полянська-Василенко називає цих людей: батько і брат І. Виговського, батько майбутнього гетьмана І. Мазепи, посол до Москви у 1649 та 1653 рр. Силуан Мужаловський зі своїми родичами та інші [5, с. 25].

Прийнявши цей факт до уваги, Москва і надалі вдало використовуватиме у своїх цілях меркантильну схильність окремих старшин, не жалючі для останніх маєтків, земель, чинів, посад тощо. У такий спосіб царський уряд намагався заручитися підтримкою і інших впливових високопосадовців. Так, відомий білоруський полковник І. Золотаренко двічі був запрошений на аудієнцію до Олексія Михайловича, одержав дарунки і маєтки. Також, за наказом царя, частина здобутої території Великого князівства Литовського лишилася під управлінням І. Золотаренка. Правда, Коли Золотаренко помер від рани, яку одержав при облозі Старого Бихова, Хмельницький призначив білоруським полковником Івана Нечая.

Метод задобрювання та надмірного вшанування Москва застосовувала не лише по відношенню до української еліти. В. Липинський у своїй праці «Україна на переломі. 1657–1659» наводить приклади як Москва деморалізувала білоруську шляхту. Так, за допомогою усіляких обіцянок, титулу полковника, маєтків вона перетягнула на свій бік харизматичного могилівського шляхтича, давнього знайомого і приятеля Б.Хмельницького – В'ячеслава Покловського. Разом з ним сторону Москви зайняли впливові білоруські шляхтичі, які до цього домагалися злуки з Україною [2, с. 147].

Зважаючи на те, пишуть історики В. Смолій та В. Степанков, що чимало представників козацької старшини через голову Б. Хмельницького спромоглися одержати від московського уряду царські грамоти на маєтки, нехтування нею на місцях соціально-економічних інтересів не лише селян, а й козаків зумовлювали загострення соціальних суперечностей в українському суспільстві [6, с. 99].

23 лютого 1654 р. до Києва прибули перші російські воєводи Федір Куракін і Федір Волконський з двотисячним військом. Російські війська спочатку зупинилися на Подолі, але незабаром збудували нову фортецю на Старому місті, біля Золотих воріт – з вежами, острогом, ровами і мостами. Перші російські воєводи в Києві виконували насамперед представницьку роль, як постійне російське посольство в Україні [7, с. 309].

Царське представництво в Україні у формі військових залог на чолі із воєводами – окрема сторінка в україно-російському протистоянні у 1654–1659 рр. Ще під час переговорів у Переяславі Хмельницький погодився, щоб царський воєвода був тільки у Києві, «...щоб всі окресні государі знали їх підданство під високу руку їх царської величності, що в стародавній столиці великих князів російських воєводи царської величності» [7, с. 309].

У Москві Зарудний і Тетеря погодилися на те, щоб воєводи були в Києві і Чернігові, але у затверджених „статтях” такого рішення не було прийнято. З деяких натяків видно, як пише І. Крип'якевич, що московський уряд мав намір посадити воєвод також і в інших містах, але бачачи негативне ставлення старшини, цього плану не здійснив, і навіть до Чернігова не прислав воєвод [7, с. 310].

Через декілька місяців перебування воєвод у Києві, Москва почала вимагати здійснити нове хрещення українців, заборонити їм користуватися одягом польського покрю, а простолюду – одягом з дорогого імпортного сукна та чоботами-сап'янцями, заборонити винокуріння та вживання тютюну. Все це викликало велике обурення серед

населення [4, с. 103]. Зворотним прикладом „любові” українського народу до московитів є колоритний факт про те, як російський посол Родіон Стрешнев повертався з України до Москви: щоб убезпечити своє життя на зворотному шляху, посол мусив поголити свою голову по-козацьки! [8, с. 74]

Отже, російський уряд зробив перші спроби зміцнити в Україні свою присутність, обмежуючи її внутрішній суверенітет.

Загальновідомо, що українське православне духовенство відмовилось присягати цареві. Митрополит і архімандрит печерський заявили, що „волять померти, чим присягнути цареві” [2, с. 149].

Після Переяслава розпочався шалений тиск царату на українську церкву з метою підпорядкувати її до Московського патріархату. Відомі конфлікти між митрополитом київським Сильвестром Косовим та царським воєводами з цього питання. Так, ще в січні 1654 р. митрополит, побоюючись, що відбудеться зміна церковного керівництва, вирядив на захід ченця Макарія Криницького, який вніс у луцькі гродські книги протест проти спроб московських воєвод змусити київське духовенство присягати цареві [3, с. 457].

У серпні 1654 р. під час переговорів депутації духовенства на чолі з ректором Києво-Могилянської академії Інокентієм Гізелем на неї було вчинено потужний (хоча безуспішний) тиск, намагаючись спонукати визнати підвладність московського патріархату [9, с. 25].

Конфлікти і постійні протистояння між царськими представниками та козацькою старшиною відбувалися на всіх ділянках їхнього співробітництва, зокрема й військового. Спільні воєнні дії, що розпочалися у квітні 1654 р. мали на меті нанесення головного удару по Литовському князівству, вздовж лінії Смоленська. Український театр військових дій проти Польщі, Росію все ще не турбував. На бажання російського уряду Хмельницький вислав на Білорусію і Литву 18 тис. козаків під командуванням ніжинського полковника Івана Золотаренка. Козацько-російські війська захопили Гомель, Бихівський, Кричевський і частину Могилівського повітів, а в липні 1655 р. – Вільну [7, с. 311].

Успішні спільні військові дії в Білорусії виявили серйозні проблеми українсько-московських відносин. Факти свідчать, що на звільнених від польських військ територіях виникло своєрідне двовладдя: українці створювали свою адміністрацію, росіяни – свою. На цьому ґрунті дві сторони вступали в гострі суперечки [10, с. 16].

Але поведінка московських військ на захоплених територіях відрізнялася від української і викликала антимосковські настрої. За наказом царського уряду із таких територій як Смоленщина, Вітебщина та ін. до Московщини було вивезено частину білоруської шляхти. Навіть великий прихильник царя, згаданий вище білоруський шляхтич В. Поклонський, дуже швидко розчарувався і писав до Золотаренка в листі, що замість допомоги мало населення від стрільців „таке ж грабування Божих домів, як і від татар... В кращій вільності жили ми перше під ляхами, ніж тепер... що моє око бачило..., які непотребства над нашими жінками й дівчатами чинили москалі..., скільки душ у неволю забрали..., а цю землю знищили...” [11, с. 60].

Як стверджує дослідник Ю. Мицик, збереглися джерела, які засвідчують насильства московських воєвод в Білорусі і над союзниками – українськими козаками. Зокрема, полковник Іван Нечай скаржився на те, що царські воєводи відрізають козакам «оселедці на головах» [8, с. 74].

Внаслідок військових дій велика частина білоруських територій увійшли до складу Війська Запорозького. Тут запроваджувався полково-сотенний устрій, відбувалося масове, і що характерно, добровільне «покозачення» білоруського населення. Проте, поширення гетьманської влади на Білорусію та Литву не відповідало планам московського уряду. Козацький контингент у Білорусії набув значної чисельності й заважав царському уряду в проведенні ним на цій території кріпосницької політики. Не добившись від Б. Хмельницького виведення козацьких військ з Білорусії, Москва вирішила це зробити

сама. Для цього в Смоленську було сформовано загін на чолі з воєводою Змеєвим, який змусив вивести українських козаків зі Смоленського, Дубровенського, Оршанського та Могильовського повітів [12, с. 3].

Що стосується гетьманської України, то лише на початку січня 1655 р. сюди для боротьби з поляками прийшло невелике (шеститисячне) російське військо під командуванням Василя Шереметьєва. Хмельницький разом із російськими військами вирушив на допомогу обложеної Умані, обороною якої керував І. Богун [7, с. 313].

Коли українсько-російські війська прямували через Поділля, вийшов указ царя про доповнення його титулу «всієї Великої і Малої Русі самодержця» новими словами: «Великий князь Литовський и Белья Руси, Волынский и Подольский». Принципова відмінність у підходах до майбутнього західноукраїнського регіону, наголошує історик В.С. Степанков, стала основною причиною непорозуміння і прихованого суперництва між українською старшиною й російськими воєводами під час спільного Західного походу восени 1655 р. [9, с. 25]

Після битви на Дрижиполі, на думку Романа Бжеського, Хмельницький вже побачив і чудово зрозумів, що Москва і не думає виконувати свої зобов'язання. У таємному листі до шведського короля він закликає останнього якнайшвидше вирушити з військом через Польщу у напрямку західноукраїнських земель. Це був превентивний крок, аби унеможливити росіянам залишити своїх військові залоги у захоплених містах [11, с. 69].

Показовий випадок трапився під Гусятином де козаки, за наказом гетьмана, силою розігнали московські війська, що рушили штурмом брати місто. Ось як описав ці події московський воєвода, звітуючись перед царем: „Коли царські люди приступили під город і на стіну вийшли..., велів цих людей від города відбивати, і, відбиваючи, багато людей порубано, а на тих людей, що на город вийшли, з гармат стріляно” [11, с. 60]. Цим пояснюється й те, що Хмельницький не захотів брати Львів у середині вересня 1655 р.

Під Любліном теж стався конфлікт між козацькою старшиною та командуючим московськими військами Потьомкіним, який змушував мешканців міста складати присягу на користь царя. Обурений Хмельницький склав угоду із татарами, наслідком якої стало оточення татарами війська воєводи Бутурліна під Озерною [11, с. 60].

Результати озернянських подій були катастрофічні для російського війська – загибель усієї артилерії та надзвичайне напруження у стосунках Хмельницького з Олексієм Михайловичем (нібито цар тричі безрезультатно викликав гетьмана до себе, погрожуючи в разі чергової відмови силоміць притягти його за шию, на що український достойник погрожував відповісти московському монархові вогнем і мечем) [13, с. 61].

В 1655 р. царський уряд не пропускає через Московщину українських послів до Швеції. У наказі Бутурліну від 3 липня 1655 р. уряд Олексія Михайловича наголошував на необхідності всілякими способами відмовляти гетьмана і старшину, насамперед Виговського, від дипломатичних контактів із шведським королем, але робити це рекомендувалося таким чином, аби «воно того собі в образі не ставили, що ми посланців в Свою відпустити не вказали» [14, с. 37].

Отже, перший рік союзницьких відносин переконливо демонстрував Чигирину, що російські інтереси далеко не завжди збігаються з українськими прагненнями. Досить прикметно, зазначає історик В. Горобець, що чутки про непорозуміння в стані союзників стали відомими і правителям сусідніх держав. Зокрема, вже 19 серпня 1655 р. трансільванський князь Дердь II Ракоці писав невідомому адресату, що «московіт твердо стискає Хмельницького, той кається зараз у своїй клятві; прагнучи свободи, отримав він ярмо – і більше, ніж було під Польщею». Інший придунайський правитель – молдавський господар Стефан Георгіна 23 серпня також повідомляв трансільванському князеві про те, що Хмельницький «...не радіє московському товариству, хотів би відійти і перейти на шведський бік...» [14, с. 37].

Навесні 1656 р. царський уряд намагається встановити повний контроль за діяльністю гетьмана та козацької старшини. Так, у посольському наказі Л. Лопухіна, датованому квітнем 1656 р., йшлося про введення воєводської форми правління в козацькій Україні: «...без воевод в черкаских городах быть непригоже...», причому це мали бути не лише начальники військових гарнізонів ратних людей, а і представники царської адміністрації, наділені певними розпорядчими функціями щодо місцевого некозацького населення. Наміри уряду Олексія Михайловича посилити вплив воєвод на суспільне життя в Україні переконливо засвідчила й нова інструкція київським воєводам, надіслана з Москви наприкінці квітня 1656 р. [15, с. 20]

На думку дослідника В. Горобця, офіційну позицію Москви щодо мирних переговорів із польським королем Б. Хмельницький вперше почув із уст царського посланця до Варшави стряпчого Ф. Зикова, котрий отримав у гетьмана аудієнцію 10 травня 1656 р. Невдовзі, на початку червня, до Хмельницького надійшла царська грамота, де офіційно викладалася позиція уряду Олексія Михайловича, щодо примирення з Річчю Посполитою [15, с. 20].

Загальновідомо, що Хмельницький не визнав Віленської угоди. Але не заявляв про це офіційно. Проте, коли вже хворому гетьманові дорікав московський посол Бутурлін за умову з Ракоцієм та за союз зі шведами, гетьман відповів: „Ніколи я не відстану від шведського короля, з яким маю дружбу вже шість років. Шведи – люди правдиві, уміють дотримати приязнь та обіцянки. А великий государ допустився наді мною та над військом Запорозьким немилосердного вчинку – погодився з поляками, бажаючи віддати нашу батьківщину.” [11, с. 63]

У гетьманській столиці Чигирині були стурбовані несподіваним зближенням Росії і Польщі. Великою неприємністю для гетьмана і старшини було те, що українську делегацію, яка прибула у Вільно у жовтні 1654 р. на чолі із сотником Германом Гапоненком, до переговорів не допустили. Демонстративно ігноруючи їх присутність, росіяни відмовлялися від спілкування з українськими послами й підкреслюючи їхню зайвість, навіть не сповістили про зміст укладеного перемир'я [9, с. 24].

Гетьман та козацька старшина справедливо вважали, що попередні домовленості України з Росією більше не мають політичної сили. На зібраній старшинській раді Хмельницький заявив: «Треба отступить от руки царского величества» [9, с. 25]. Приймається рішення про утворення нового військового союзу проти Польщі із Семиградським князем Юрієм Ракоцієм. 18 жовтня 1656 р. у Чигирині Хмельницький та представники Юрія Ракоці підписують договір про дружбу та військове співробітництво [7, с. 328].

Своєрідною відповіддю гетьманського уряду на Віленське перемир'я стало підписання ним у грудні того ж року багатосторонньої угоди у трансільванському містечку Раднот із Швецією, Трансільванією, Бранденбургом та литовським князем – «дисидентом» Богуславом Радзивиллом [16, с. 48].

Це свідчило про повне ігнорування урядом Хмельницького Віленського перемир'я. З цього часу пріоритетним напрямом гетьманської політики стає «унезалежнення» України від «агресивних планів і дій Москви» [15, с. 22].

У лютому 1657 р. розпочався знаменитий рейд по території Польщі об'єднаного козацького війська полковника Ждановича та війська князя Юрія Ракоці, внаслідок якого союзниками було взято Краків, Варшаву та низку інших міст [7, с. 218].

Проте, за словами дослідника Ф. Левітаса, одурені російською пропагандою українські полки підняли бунт, заявивши, що не підуть проти волі російського царя (похід козаків на Захід України викликав обурення в Москві) і повернулись в Гетьманщину [10, с. 17]. Як щойно зазначалося, самостійна політика Б. Хмельницького на зовнішньополітичній арені викликала різко негативну реакцію Москви. Протягом першої половини 1657 р. в Україні побувало п'ять московських посольств. Їхні офіційні

документи переконливо свідчили про зміну тональності політики Москви стосовно взаємин із Військом Запорозьким. Так, уже наказ стольникові В. Кініну, відрядженому в Україну в лютому 1657 р., на думку М. Грушевського, показав, що уряд Олексія Михайловича ще ніколи не брав такого «прикрого» тону у відносинах із гетьманом та його адміністрацією, закидаючи козацькій старшині порушення присяги, нелояльності щодо суверена, та відповідно, лякаючи карою божою за неправду і відступництво від даного цареві слова [15, с. 25].

Москва намагалася не лише збільшити кількість свого війська, а й усіляко впливати через своїх воєвод на суспільно-політичні справи в Україні. Так, царський представник окольничий Ф. Ртіщев висловив незадоволення свого уряду тим, що тритисячний російський гарнізон у Києві живе виключно коштом царської скарбниці, ратним людям не відведено місця під двори, і заявив, що необхідно „гетьману тим... ратним людям давати стацію, вибираючи з повіту, тому що вони живуть для оберігання їх же черкаських міст” [12, с. 3].

Згодом, Москва вже не приховувала свого незадоволення тим, що всіма королівськими, монастирськими і панськими містами, містечками та маєтками володіли гетьман і Військо Запорозьке, а всі доходи з них ішли гетьману, а не царю. Докоряли гетьманському уряду і за те, що Б. Хмельницький спілкується з іноземними послами, зокрема шведськими та угорськими, без царського на те указу. А московський посол Старков докоряв гетьманові за те, що він листи скріплював своєю печаткою, а не печаткою, надісланою йому царем [12, с. 4].

Правда, не менш різкими були і відповіді Б. Хмельницького на вимогу російської сторони стосовно перебування царських воєвод в українських містах і надходження з України податків до Москви. На переговорах 10 червня гетьман заявив Ф. Бутурліну, що «...судді де Самійлу і полковнику Тетері він, гетьман, не приказував і в нього на думці не було, щоб російська величність у великих містах: в Чернігові, в Переяславі, в Ніжині велів бути своєї царської величності воєводам» [15, с. 27].

Не гребуючи засобами та не зважаючи на чуже нещастя, Москва використала смерть Хмельницького у зміцненні своїх позицій в Україні. Ще у середині лютого 1657 р. одержавши інформацію про хворобу гетьмана, уряд Олексія Михайловича доручив стольнику В. Кікіну, будучи в Україні, «... провідувати, кого Військом Запорозьким хочуть вибирати на його, Богданове, місце гетьманом: чи писаря Івана Виговського, чи іншого кого, чи про гетьмана хочуть послати бити чолом до великого государя, кого їм государ пожалує, повелить вчинити гетьманом» [15, с. 27].

Таким чином, причини трансформації поглядів козацької старшини на характер українсько-російських відносин у 1654–1657 рр. пов’язані з тим, що Московська держава, всупереч Переяславським домовленостям 1654 р., розпочала інтенсивний наступ на обмеження політичної, економічної та військової самостійності України-Гетьманщини.

Список джерел та літератури

1. Степанков В.С. Переяславська присяга 1654 р.: зміст і наслідки // Український історичний журнал. – 2003. – № 6. – С. 28–39.
2. Липинський В. Україна на переломі. 1657–1659 рр. Замітки до історії українського державного будівництва в XVII-ім столітті // Український історичний журнал. – 1992. – № 2. – С. 144–157;
3. Плохій С. Наливайкові віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. – К., „Критика”, 2005. – 494 с.
4. Мицик Ю.А. З досліджень історії Переяславської ради 1654 р. // Український історичний журнал. – 2003. – № 6. – С. 98–106.
5. Полонська-Василенко Н. Історія України. – К., 1992. – Т. 2. – 502 с.

6. Смолій В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII – XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. – К.: „Альтернатива”, 1997. – 367 с.
7. Крип’якевич І. Богдан Хмельницький. – Львів, 1990. – Видавництво «Світ». – 406 с.
8. Мицик Ю.А. З досліджень історії Переяславської ради 1654 р. // Український історичний журнал. – 2004. – № 1. – С. 72–79.
9. Степанков В.С. Переяславська присяга 1654 р.: зміст і наслідки // Український історичний журнал. – 2004. – № 1. – С. 22–32.
10. Левітас Ф. Російський фактор в зовнішній політиці Богдана Хмельницького // Історія в школі. – 2004. – № 3. – С. 13–17.
11. Бжеський Р. Переяславська умова в планах Б. Хмельницького та „переяславська легенда” // Розбудова держави. – 2004. – № 1–3. – С. 45–66.
12. Бульвінський А. Експансіонізм Москви щодо України 1657 р. // Пам’ять століть. – 1997. – № 6. – С. 2–12.
13. Горобець В.М. Українська зовнішня політика після Переяслава: стратегічні цілі та тактичні відступи другої половини 1655 р. // Український історичний журнал. – 2000. – № 2. – С. 54–67.
14. Горобець В.М. Українська зовнішня політика після Переяслава: стратегічні цілі та тактичні відступи другої половини 1655 р. // Український історичний журнал. – 2000. – № 1. – С. 32–69.
15. Горобець В.М. Зовнішня політика Гетьманату другої половини 50-х рр. XVII ст. // Український історичний журнал. – 2005. – № 4. – С. 16–47.
16. Чухліб Т.В. Переяславська угода 1654 р. у контексті міжнародного утвердження ранньомодерної української держави: причини, укладення, наслідки // Український історичний журнал. – 2003. – № 4. – С. 46–61.

Yuriy Stepanchuk. The reasons of B. Khmelnytskyi view transformation concerning to the Pereiaslav and Moscow agreement in modern historiography. Considering the reasons and circumstances of the Cossacks’ foremen at the head with B. Khmelnytskyi view variation on relationships with Moscow after Pereiaslav, that eventually, has led to the Ukrainian - Russian war in 1658 - 1659.

УДК 398(=161.3):316.647.8=162.1

А.М. Кротов

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

ПАМ’ЯТНИКИ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА БЕЛОРУСОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ БЕЛОРУССКОГО СТЕРЕОТИПА ПОЛЯКА

В статье как источник по изучению белорусского стереотипа поляка характеризуются памятники устного народного творчества белорусов, а также называются основные их публикации. Делается вывод, что в них содержатся базовые элементы данного стереотипа, определившие его характер и вектор дальнейшего развития.

Изучение национальных стереотипов вообще и белорусского стереотипа поляка в частности входит в сферу компетенции такой молодой науки, как историческая имагология. В отличие от общей имагологии, историческое её ответвление источниковой базой своих исследований рассматривает традиционные исторические источники, в том числе и памятники устного народного творчества. Тематика взаимного восприятия представителей разных этносов, взаимных образов и стереотипов, в которых запечатлелись психоэмоциональные следы сложившихся межнациональных отношений,

требует от исследователя большой осторожности и деликатности. Потому доверие к источникам, на базе которых проводится исследование, должно быть полным. В первую очередь, не должна вызывать сомнений их национальная аутентичность. Фольклорные же материалы в силу своей национальной природы вызывают естественное доверие. Но работа с ними является непростым делом. Ещё сложнее ввести данные, обнаруживаемые в такого рода источниках, в научный оборот, поскольку из-за своего стилистического своеобразия они не всегда вписываются в рамки того, что называется научным стилем. Зачастую исследователю в научном изложении полученных данных сложно осуществлять отбор языковых средств, для того чтобы передать фактическую суть материалов источника, тяготеющего, например, к ненормативной речи. Ещё большие трудности возникают в цитировании такого источника, вплоть до полной невозможности такового.

При этом не надо забывать и о специфике самого предмета исследования. Любой национальный стереотип, в том числе и белорусский стереотип поляка, не является знанием носителя стереотипа об объекте стереотипизации. Это эрзац, заменяющий собой знание. Но именно он находится на вооружении каждого индивида, в оперативном его использовании. Общеизвестно, что люди склонны в своей повседневной жизни руководствоваться не научным знанием, которое даёт образование, а знанием «с улицы», так называемой «жизненной мудростью» – накопленным опытом, прежде всего общественным, имеющим исторические и культурные корни, и связанным с массовым сознанием с гнездящимися на его обыденном уровне национальными стереотипами. Говоря о массовом сознании, следует подчеркнуть, что оно иррационально по своей сути. Внушаемые им идеи, используемые им стереотипы, превосходят по своему влиянию любое подкрепляемое рациональными доводами теоретизирование, они способны заглушить любую трезвую мысль.

Говоря о времени возникновения интересующих нас фольклорных материалов, следует сказать, что нижнюю хронологическую границу провести трудно. Хотя нет сомнения, что процесс стереотипизации поляков начался задолго до того, как появился белорусский этнос. Восточнославянское население территории, ставшей впоследствии Беларусью, ещё не осознававшее себя как отдельный этнос, сталкиваясь с поляками (ляхами), по их языку, традициям и нравам, отчуждённому поведению к представителям других народов, в том числе и к себе, понимало, что это чужаки. В условиях неизбежной конфронтации с ними происходило постижение «своих» и осознание собственной принадлежности к отдельной национальной общности, не имевшей пока ещё своего определения.

Верхняя же граница приходится на рубеж XIX–XX вв. В условиях начавшегося разрушения устоев традиционного бытия белорусов важное дело стереотипотворчества взяли в свои руки профессионалы – учёные, литераторы, политики. Для них белорусский стереотип поляка явился важным средством идеологического воздействия на массы. В новых исторических условиях этот стереотип подвергся модернизации, однако его суть, выявляющаяся в памятниках устного народного творчества, осталась неизменной. В советское время, конечно, этнографы и филологи вели работу по поиску и введению в научный оборот новых фольклорных материалов. Однако то, что, по крайней мере, публиковалось, не представляет собой никакого интереса для изучения белорусского стереотипа поляка (равно как и для любого другого национального стереотипа), ибо публиковалось лишь то, что не шло вразрез с господствовавшими идеологическими принципами и установкой на пропаганду достижений социализма.

Таким образом, говоря о перспективах изучения белорусского стереотипа поляка, приходится констатировать, что полагаться можно только на те фольклорные материалы, которые были собраны и опубликованы в период существования Российской империи, а также после её распада в Польше.

Следы появления и оседания поляков на белорусских землях в период до начала формирования белорусского этноса обнаруживают себя в данных топонимики, археологии и в памятниках летописания. Хотя эти источники не дают исчерпывающей информации по вопросу инфильтрации белорусского элемента в польскую этническую среду и инфильтрации поляков в протобелорусскую, а потом уже и в белорусскую среду, ясно одно – процесс взаимопроникновения шёл, давая возможности взаимного наблюдения, изучения и, конечно же, появления на этой основе взаимных характеристик и стереотипов. В условиях сосуществования с поляками, взаимодействия с ними, в белорусской среде стал стихийно формироваться стереотипный взгляд на них. На дальнейший генезис белорусского стереотипа поляка стали оказывать воздействие также и другие факторы, но их роль, в данном случае, находится вне фокуса нашего интереса.

Информацию об особенностях национального характера белорусов, в частности – белорусов-полешуков, особенностях их мировосприятия и мышления, можно найти в исследовании польского этнографа и фольклориста Чеслава Петкевича (1856–1936 гг.) [1]. В собранных и опубликованных им материалах просматриваются и черты белорусского стереотипа поляка, хотя сам Петкевич на особенностях восприятия белорусами поляков внимания не заострял.

Продолжением исследования Ч. Петкевича является труд белорусского и польского фольклориста, этнографа и археолога Михала (Михаила Адольфовича) Федеровского (1853–1923 гг.). М. Федеровский собрал около 5 тыс. народных песен, около 10 тыс. пословиц, сотни сказок, загадок и других произведений устного народного творчества, 1,5 тыс. белорусских песенных и танцевальных мелодий, которые были изданы в его восьмитомном труде «Lud białoruski» [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. В этих материалах содержится множество свидетельств отношения белорусов к своим соседям-полякам, на основе которых можно судить об особенностях белорусского стереотипа поляка, по крайней мере – отдельных его элементах, что вкупе с данными других источников позволяет реконструировать этот стереотип во всей его полноте и многогранности. Особое внимание хотелось бы обратить на дополнение к шестому тому [8], в котором собраны фривольные и танцевальные песни, представляющие восприятие белорусами поляков в новом свете и демонстрирующие, казалось бы, уже хорошо известные черты стереотипа в совершенно неожиданных ракурсах.

Российские этнографы также не остались в стороне от дела этнографического изучения автохтонного населения Беларуси. В фокусе их внимания находилось и отношение этого населения к представителям инациональных групп, в том числе и к полякам. Подобного рода интерес был, помимо прочего, идеологически мотивирован – в Северо-Западном крае шла борьба между полонизаторскими и русификаторскими влияниями. Объектом приложения пропагандистских усилий как с одной, так и с другой стороны был простой белорус. И, как показали польские освободительные восстания, успех был явно на стороне царизма.

Первым из их числа российских учёных, которые внесли вклад в сбор и внедрение в научный оборот белорусских фольклорных материалов, в которых обнаруживает себя белорусский стереотип поляка, следует назвать Павла Михайловича Шпилевского (1823– 1861 гг.). Он активно публиковался в конце 40–50-х годов XIX в. под псевдонимом П. Древлянский. Стиль его трудов скорее «литературный», нежели научный. Важное место в них занимает описание народной поэзии, обрядности и верований, при этом чётко прослеживается мысль, что белорусы, в частности – белорусы-полешуки, в числе других исследованных им народностей, являются древнейшими в славянском мире. В наши дни академическая наука не признаёт достоверность и научность фактов, приведенных в первой работе П.М. Шпилевского «Белорусские народные предания» [11, 12, 13]. Доказано, что большая часть мифических персонажей, описанных П.М. Шпилевским, является плодом его воображения [14, 15].

Однако, учитывая специфику национальных стереотипов, являющихся эрзацем истинного знания, это даже усугубляет интерес к белорусскому стереотипу поляка. В период, когда П.М. Шпилевский занимался научной и публикаторской деятельностью, этот стереотип находился в состоянии своего развития и Шпилевский, уловив тенденцию этого развития или, точнее говоря – выражая общие настроения, мижвольно вносил в него свой вклад, хотя такой цели и преследовал. Важнейшее значение трудов Шпилевского состоит в том, что они пробуждали, как минимум, интерес к белорусам и белорусскости, содействуя процессу этнической самоидентификации последних. По этой причине эти труды не утратили своей актуальности и сегодня. Об этом свидетельствуют неиссякающий интерес к ним исследователей, вызывающий необходимость их переиздания [16, 17].

Трудно переоценить вклад, внесённый в сокровищницу белорусских фольклорных материалов Иваном Ивановичем Носовичем (1788–1877 гг.) – видным этнографом, фольклористом и лексикографом. Происходил он из семьи белорусского священника. Научной работой всерьёз занялся только в 55 лет, когда, выйдя в отставку, поселился в г. Мстиславле. С целью сбора фольклорно-этнографических материалов объехал Минскую, Гродненскую и Могилевскую губернии. На момент своего выхода в свет его этнографические работы не имели себе аналогов. Да и сегодня они остаются ценным материалом для исследователей, в том числе и изучающих белорусский стереотип поляка [18, 19].

Ещё одной крупной фигурой в деле накопления и изучения белорусских фольклорных материалов являлся Павел Васильевич Шейн (1826–1900 гг.), который ныне считается русским этнографом, лингвистом, фольклористом, знатоком быта и говоров Северо-Западного края. Родился он в семье могилёвского купца-еврея, но с иудаизмом порвал, приняв лютеранство. С 1871 г. Шейн работал в Русском географическом обществе, интересуясь, прежде всего, народным творчеством белорусов. Собирая белорусские материалы он начал в 1870-е годы, во время своей жизни в Витебске. В 1873 г. за эти материалы П.В. Шейн получил от Русского географического общества малую золотую медаль, а в следующем году они были напечатаны под заглавием: «Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний» [20].

В 1890-х годах П.В. Шейн имел возможность собирать этнографические материалы не только лично, но и при посредстве нескольких корреспондентов, в основном учителей, обученных им приёмам записывания и действовавших по составленной им программе. Среди них были: Адам Богданович (в будущем – белорусский этнограф, фольклорист, мемуарист, историк культуры и, кроме того, – отец Максима Богдановича), Евфимий Карский (в будущем – известный русский филолог-славист с взглядами, близкими идеологии «западноруссизма»), этнограф, исследователь языка, литературы и культуры белорусского народа, древнерусской палеографии и памятников письменности), Юлиан Крачковский (фольклорист, этнограф, историк, педагог, краевед, археограф, председатель Виленской археографической комиссии и музея в 1888–1902 гг.), белорусский поэт Янка Лучина (Иван Люцианович Неслуховский).

В 1887 г. П.В. Шейн начал издавать «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края», которые продолжают знакомить с этнокультурной средой, в которой шёл процесс формирования белорусского стереотипа поляка, раскрывают особенности восприятия белорусами поляков, как эмоционально-психологической основы данного стереотипа, а также представляют отдельные его черты [21, 22, 23, 24].

Нельзя не отметить важность для изучения белорусского стереотипа поляка материалов, собранных и опубликованных белорусским этнографом и фольклористом Александром Казимировичем Сержпутовским (1864–1940 гг.). Долгое время (1906–1930 гг.) он являлся служащим этнографического отдела Русского музея и по его поручению

занимался сбором этнографического и фольклорного материала в Беларуси. В числе изданных им трудов особо следует назвать сборники «Сказки и рассказы белорусов-полешуков» (впервые издан в 1911 г.) [25], «Казкі і апавяданні беларусаў з Слуцкага павету» (впервые издан в 1926 г.) [26], «Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў» (впервые издан в 1930 г.) [27]. Опубликованные А.К. Сержпутовским материалы позволяют составить яркое представление о мировоззрении белорусов-полешуков, а также дают возможность дополнить сведения об особенностях восприятия ими поляков, полученные из других источников.

Материалы, собранные и опубликованные польскими, русскими и белорусскими этнографами и фольклористами, содержат, по большому счёту, не так много информации, позволяющей проводить реконструкцию белорусского стереотипа поляка. К тому же не всегда можно чётко провести грань между поляком – подлинным объектом интереса белорусского наблюдателя и тем, кто себя за такового выдавал или пытался выдать. Однако можно с уверенностью судить о том, что поляки не являлись главной целью стереотипизации и образотворчества белорусов. Общие славянские корни, долгое сосуществование на одной земле и необходимость приспособления друг к другу, культурная диффузия, а также многое из совместно пережитого способствовали стиранию грани между белорусами и поляками, лишая взаимное восприятие оснований для ненависти и вражды. Однако это вовсе не означало, что белорусы и поляки воспринимали друг друга в позитивном свете. Памятники устного творчества белорусов убеждают в том, что белорусский стереотип поляка строился на негативной основе и во многом стал реакцией белорусского обывателя, не чувствовавшего себя хозяином в своей стране, на того, кто эту роль выполнял.

Список источников и литературы

1. Pietkiewicz, Cz. *Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego: Materiały etnograficzne* / Cz. Pietkiewicz. – Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1938. – 459 s.
2. Federowski, M. *Lud białoruski na Rusi Litewskiej : materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891: w 8 t. T. 1: Wiara, wierzenia i przesady z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki* / M. Federowski. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności; skład główny w księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1897. – 509 s.
3. Federowski, M. *Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1893: w 8 t. T. 2: Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Cz.1: Baśnie fantastyczno-mityczne* / M. Federowski. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności; skład główny w księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1902. – 358 s.
4. Federowski, M. *Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1894: w 8 t. T.3: Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy, Nowogródka i Sokółki. Część II: Tradycje historyczno-miejscowe, oraz powieści obyczajowo-moralne* / M. Federowski. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności; skład główny w księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1903. – 312 s.
5. Federowski, M. *Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905: w 8 t. T. 4: Przysłowia, żarciki, wyrażenia stałe oraz zagadki ludu, mieszczan i zagrodowców z okolic Grodna, Sokółki, Białegostoku, Bielska, Wołkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Lidy, Wilejki, Święcian i Oszmiany* / M. Federowski. – Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. – 490 s.
6. Federowski, M. *Lud białoruski: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905: w 8 t. T.5, Pieśni miłosne, weselne, rodzinne, doroczne i inne z okolic Wołkowyska, lidy, Grodna, Słonima, Białegostoku, Sokółki, Prużany, Nowogródka i Słucka* / M. Federowski / Zakład Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk: kom. red. Antonina

- Obrębska-Jabłońska (przewodn.) et al. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. – 917 s.
7. Federowski, M. Lud białoruski: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905: w 8 t. T.6, Pieśni frywolne i tańce, pieśni różne, pieśni polskie oraz dumy i pieśni obrzędowe / M. Federowski / Zakład Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk: kom. red. Antonina Obrębska-Jabłońska (przewodn.) et al. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960. – 595 s.
8. Federowski, M. Lud białoruski: w 8 t. Uzupełnienie do T.VI: Pieśni frywolne i taneczne / M. Federowski. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960. – 75 s.
9. Federowski, M. Lud białoruski: w 8 t. T.7: Suplement do tomu V i VI / M. Federowski / kom. red. A. Obrębska-Jabłońska (przewodn.) et al. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969. – 487 s.
10. Federowski, M. Lud białoruski: w 8 t. T.8: Inedita, pieśni z archiwum zbieracza / M. Federowski / Zakład Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk: oprac. Maria Czurak; red. nauk. A. Obrębska-Jabłońska; – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981. – 337 s.
11. Древлянский. Белорусские народные предания / Древлянский // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. – 1846. – Кн. 1. – С. 3–25.
12. Древлянский, П. Белорусские народные поверья. Статья вторая / П. Древлянский // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. – 1846. – Кн. 3. – С. 85–125.
13. Шпилевский, П.М. Белорусские народные поверья. Статья третья / П.М. Шпилевский // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. – 1852. – Кн. 3. – С. 37–68.
14. Левкиевская, Е.Е. Механизмы создания мифологических фантомов в Белорусских народных преданиях" П. Древлянского [Электронный ресурс] / Е.Е. Левкиевская. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya3.htm>. – Дата доступа: 05.03.2016;
15. Топорков, А.Л. О «Белорусских народных преданиях» и их авторе [Электронный ресурс]. / А.Л. Топорков. – Режим доступа: http://kapija.narod.ru/Ethnoslavistics/top_belorus.htm. – Дата доступа: 05.03.2016.
16. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. М. Шпилевский. – 2-е изд. – Минск: Полымя, 2004. – 251 с.
17. Шпілеўскі, П. М. Беларусь у абрадах і казках / П. М. Шпілеўскі. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2010. – 304 с.
18. Белорусские песни, собранные И.И. Носовичем // Записки Императорского Русского географического общества. По отделению этнографии. – СПб.: Типография Майкова, 1873. – С. 45–280.
19. Сборник белорусских пословиц, составленный И.И. Носовичем // Записки Императорского Русского географического общества. По отделению этнографии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1874. – Т. XII. – Ч.2. – 232 с.
20. Шейн, П.В. Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний / П.В. Шейн. – СПб.: Типография Майкова, 1874. – 566 с.
21. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3 т. Т.1. Ч.1: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях / П.В. Шейн // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. – 585 с.
22. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3 т. Т. 1. Ч. 2: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях / П.В. Шейн // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. – 708 с.

23. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3 т. Т. 2: Сказки, анекдоты, легенды, предания, воспоминания, пословицы, загадки, приветствия, пожелания, божба, проклятия, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. / П.В. Шейн // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Т.LVII (57). – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. – 715 с.

24. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3 т. Т.3: Игры, верования, обычное право, чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средство от напастей, поверья, суеверия, приметы / П.В. Шейн // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Т. 72. – № 4. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902. – 535 с.

25. Сержпутоўскі, А.К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў / А.К. Сержпутоўскі. – Мн.: Універсітэцкае, 1999. – 191 с.

26. Сержпутоўскі, А.К. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета / А.К. Сержпутоўскі. – Мн.: Універсітэцкае, 2000. – 270 с.

27. Сержпутоўскі, А.К. Русальная нядзеля. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А.К. Сержпутоўскі. – Мн.: Выш. шк., 2009. – 478 с.

Andrey Krotau. Monuments of oral national creativity of Belarusians as the source on studying the Belarusian stereotype of the Pole. Monuments of oral national creativity of Belarusians as a source on studying the Belarusian stereotype of the Pole are characterized in article, and is listed the basic publications of them. The conclusions are drawn, that these sources comprise the basic elements of the given stereotype that defined its character and the vector of its further evolution.

УДК 94:327(474.5+476)«1915–1940»

А. П. Касперавичюс

Вильнюсский университет (Литва)

К ВОПРОСУ О ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1915–1940 ГГ.

Проблема литовско-белорусских отношений в названный период связана с обретением государственности обеими народами и установлением границ. В статье рассматривается, прежде всего, литовско-белорусские отношения в 1915–1922 и 1938–1940 годах, когда возникли первые серьезные противоречия по вопросам границ и этнической принадлежности населения приграничных районов. Представлена точка зрения на проблему литовских историков в их новейших работах.

Начало связей предков современных литовцев и белорусов уходит в глубину первого тысячелетия н.э. Почти 6 веков оба народа жили в одном государстве – Великом княжестве Литовском (ВКЛ). Парадокс истории в том, что даже в конце ее существования, в XVIII веке, процесс становления литовской и белоруской нации не развивался. Напротив, именно тогда большинство дворянства ВКЛ окончательно переняло польскую культуру и стало частью польскоязычной политической нации Речи Посполитой. Литовцы и белорусы оставались крестьянскими народами, письменность на их родных языках была скудной.

Формирование обеих наций происходило уже в составе Российской империи. Ее воздействие на такой процесс являлось противоречивым. С одной стороны, царские власти тормозили развитие просвещения на территории бывшего ВКЛ и зажимали общественную активность немногочисленной интеллигенции ее коренных народов. С другой – мерами, после восстания 1863 г., по ослаблению (в принципе до полного

исключения) польского культурного доминирования непреднамеренно благоприятствовало национальному возрождению обоих народов. В большой мере литовского, в незначительной – белорусского. В обстоятельном исследовании литовский историк Д. Сталюнас отметил, что в т.н. Северо-Западном крае Империи: «самое узкое пространство для самостоятельного этнокультурного развития было оставлено белорусам, которых считали составной частью трехчленного русского народа». [1, р. 466] Тем не менее, Д. Сталюнас сделал вывод, что его исследование опровергает историографические концепции, представляющие национальную политику Российской империи как монолитную, настроенную на неизменные цели – ассимиляции инородцев. [1, р. 468]

Вывод правомерен по отношению к литовцам, национальному возрождению которых «больше угрожала полонизация, чем хаотичные меры российских властей, определенные как русификация». [2, с. 384] В то же время слабое белорусское национальное движение не считало полонизацию главной опасностью, искала союзников среди поляков и литовцев. Белорусские интеллигенты в начале XX века сотрудничали в общественной деятельности с литовцами, иногда дружили и создавали семьи. Так белорусская писательница Ализа Пашкевич-Циотка стала женой одного из творцов независимой Литвы и социал-демократии С. Кайриса, видный деятель белорусского национального движения Вацлав Ластовский женился на литовской писательнице дворянского происхождения Марии Иванаускайте – Лаздину Пеледа. До I-ой мировой войны, точнее – немецкой оккупации в 1915 г., в этнической Литве и части Беларуси разногласия обоими национальными движениями не акцентировались.

А разногласия объективно существовали. Прежде всего, по поводу Вильны – древней столицы ВКЛ и крупнейшего города Северо-Западного края. С начала XX в. он стал главным очагом литовской культуры и центром национального движения, которое еще в 1905 году выдвинуло идею автономии этнографической Литвы, со столицей в Вильнюсе. Однако литовцы были незначительным меньшинством в городе, среди населения которого преобладали поляки и евреи. По данным всеобщей переписи населения Российской империи с 1897 г., в Вильне только около 3 тысяч жителей указали родным языком литовский. В некоторых городах империи литовцев проживало намного больше: в Риге – свыше 35 тысяч, в Санкт-Петербурге – 30 тысяч и в Либаве – около 15 тысяч. [3, р. 47–48]

В начале XX в. Вильно стало центром национального возрождения также и белорусов. Тут выходили первые белорусские газеты, активно действовала организация Белорусская Социалистическая громада. Само по себе такое положение не беспокоило литовских деятелей, но иначе выглядел факт, что все белорусские политические партии считали Вильно и Виленский край этнографической территорией белорусского народа. [4, р. 291] Основным критерием для них служил язык – белорусскими были объявлены территории, где жители повседневно пользовались белорусским языком, хотя большая часть их называли себя «тутейшами», т.е. местными.

Такая установка не принималась литовскими политиками, которые «тутейшов», прежде всего католического вероисповедания, считали славянизированным литовцами. Процесс славянизации литовцев действительно происходил, языковые границы в не их пользу менялись еще перед Кревской унией 1385 года. Между XIII в. и концом XVI века ареал распространения литовского языка сократился в пользу белорусского и в меньшей степени польского языка почти на 20 тыс. км². Литовский язык отступил со всего побережья верхнего Немана. Вне пределов его компактного ареала в конце XVI в. находились Василишки, Лида, Крево, Сморгонь и озеро Нарочь – отметил в 1939 г. литовский географ К. Пакштас. [5, р. 411] Во второй половине и в конце XIX века процесс славянизации литовцев в Виленской губернии ускорился. Литовское национальное движение считало, что в этом повинно в основном «полонизаторство» католического духовенства, пропитанного польским национализмом. Все же происки «полонизаторов» не являлись главным двигателем названного процесса.

Литовским патриотам почти невозможно тогда было признать факт, который известный археологическими исследованиями помещик Лидского уезда В. Шукевич определил так: «Литовский язык имеет особенность слабо сопротивляться чужим влияниям, что доказывает его отступление по всей этнографической границе без всякого давления с чьей-либо стороны. На этой границе целые деревни переходят на польский или белорусский в таком темпе, что положение существенно меняется в течение лишь десятилетия <...> я имел возможность наблюдать это явление и могу свидетельствовать, что целые литовские деревни стали белорусскими. Еще сорок лет назад во многих селах Радуня и Начи не было слышно иной речи, кроме литовской, а сегодня большинство из них стали полностью белорусскими. В. Шукевич указал и решающую, по его мнению, причину такого явления: «Преимущество одного языка над другими определяются ролью, которую они играют в общественной жизни. Белорусский, польский или русский языки необходимы литовским крестьянам из практических соображений, в то же время, белорусу знание литовского языка никакой пользы принести не может». [6, с. 1–2] Вдумчивый наблюдатель схватил суть процесса, происходившего на его глазах.

Вполне естественным было стремление литовских общественных и политических деятелей сохранить ареал своего языка, но они мечтали также о релитуанизации «тутейшов». До 1915 года разные оценки языковой и этнической ситуации в Виленской губернии не являлась предметом полемики между литовской и белорусской прессой и политиками. Молодой выпускник Московского университета П. Климас, который занялся определением границ этнографической Литвы, писал в 1917 году: «До тех пор года литовцы проживали в чужом государстве, не имели никакого самоуправления, территория проживания являлась для них только наследием прошлого. <...> Мы были литовцами в государстве чужого народа как будто без собственной земли» [7, р. 3]

Обстоятельства изменились в связи с Первой мировой войной. Появилась перспектива обретения государственности или автономии литовским и белорусским народами, тем более польским. Злободневным стала задача определения этнических и предполагаемых государственных границ. Естественно, представители каждого народа не были беспристрастными объективными экспертами. Разный подход к определению территории проживания своего народа ложился тенью на контакты и переговоры литовских и белорусских представителей о возможных государственных связях.

Литовский историк Э. Гимжаускас основательно исследовал т.н. белорусский фактор в формирование государственности Литвы, хотя не выделил отдельно влияния различного подхода в определении этнографической территории и границ. Литовские политики в конце 1915 г. вместе с белорусами признали «плюралистическую мультикультурную модель литовского государства. <...> Однако, когда немцы в 1917 г. изъявили согласие на создание этнографического литовского государства, литовцы на переговорах с белорусами предложили им статус национального меньшинства, с чем белорусы не согласились». [8, р. 190] Если в конце 1915 г. и 1916 году литовские и белорусские представители в оккупированном немцами Вильне обсуждали вопрос о воссоздании какого-то подобия ВКЛ и достигали согласия, то это не имело прочной основы. И тогда, и тем более позднее, и одни, и другие считали Вильню своим, хотя в свете итогов переписи населения 1916 г. претензии обоих выглядели не очень обоснованными. Даже учитывая мощную польскую агитацию перед переписью населения и злоупотребления при ее проведении. По данным переписи «родным польским» язык указали 70269 жителей Вильны (50,15 %), идиш – 61265 (43,5 %), литовский – 3699 (2,6 %), русский – 2030 (1,46 %) и белорусский – 1917 (1,36 %). [9, р. 76] Вряд ли значительное количество литовцев указали родным языком польский, но несомненно, что так поступили многие белорусы.

Такое положение свидетельствовало, как об относительной слабости белорусского национального движения, так и о неопределенной самоидентичности «тутейшев»

Виленской губернии, включая и Вильно. Литовские же политики считали их потерявшими родной язык соотечественниками. Уже упомянутый П. Климас в своей работе предлагал безоговорочную релитуанизацию «тутейшов» не спрашивая их согласия, поскольку: «Нигде в Литве не находим таких темных, обнищавших и необразованных людей, как в области процветания польской культуры в Виленской губернии» и делал вывод, что «одно только употребление населением наречия и «свободное» волеизъявление не может быть в Литве решающим при определениях этнографической и национальной принадлежности. Не следует говорящих на польском или полу-польском считать поляками, а также людьми какого-нибудь другого народа (например, белорусского).» [7, с. 33] Основным критерием определения национальной принадлежности П. Климас, как и многие другие литовские деятели, считал вероисповедание и происхождение.

Исходя из таких критериев он включил в этнографическую Литву всю территорию 5 уездов бывшей Виленской губернии, исключив лишь двух – Вилейского и Дисненского, а также правобережье Немана с городом Гродно из бывшей Гродненской губернии. Предполагаемая граница Литвы должна была проходить мимо озера и реки Нарочь, восточнее Сморгони, Крево, а тем более Ошмяны и Лиды. Между прочим, П. Климас считал белорусов, православного вероисповедания, частью русского народа и называл их просто русскими.

На конференции литовской общественности, которая проходила с разрешения оккупационных властей в сентябре 1917 г. в Вильне, также обсуждался вопрос о границах. Докладчик по нему – тот же П. Климас, вновь подчеркнул, что при установлении границ нельзя полагаться на принцип самоопределения населения, поскольку для успешного его применения требуется сознательные люди. Участники конференции в основном согласились с таким подходом, однако в принятой резолюции содержался только термин «этнографические границы» без подробностей. [10, р. 73, 76] Образованный на конференции представительный орган Литовская Тариба (совет) 16 февраля декларировал независимость Литвы, хотя до ноября 1918 года немецкие оккупационные власти не позволяли создавать ей свою администрацию.

В первое правительство независимой Литвы был включен известный белорусский политик Язэп Воронко в качестве министра без портфеля по делам белорусов. Такому шагу предшествовала кооптация в Тарибу 6 белорусских представителей, среди них И. Луцкевича, В. Ластовского и Я. Воронки. Белорусские политики согласились участвовать в «строительстве» литовской государственности, за обещание точно не определенной автономии. Все же соглашение не могло быть прочным по целому ряду причин.

О территориальных претензиях литовской стороны уже шла речь, но они ограничивались лишь небольшой частью белорусских земель, жителей которой считали славянизированными литовцами. Для белорусских деятелей это означало маргинализацию в литовском государстве, поскольку как бы исчезала их массовая база. Более слабое, чем литовское, белорусское национальное движение также «вчувствовалось в формулу этнографической государственности (на основе Белорусской Народной Республики – БНР)». [8, р. 89] В декларации Рады БНР была объявлена «Независимой свободной Державой», но ее территория обозначена без деталей. Зато в меморандуме канцлеру Германской империи точка зрения на границу представлена весьма конкретно. Почти вся Виленская губерния, якобы, населена белорусами, а «Вильно стоит на белорусской земле, которое окружает его со всех сторон. Граница литовской этнической территории проходит на расстоянии 20 или даже 40 км от Вильна». [11, с. 30]

Разумеется, подобные претензии были совершенно неприемлемы для литовцев, но их реализация также совершенно невозможна. Даже российские большевики, провозгласившие лозунг самоопределения нации и способствующие созданию целого ряда республик и коммун, пренебрежительно относились к идее белорусской государственности. Политбюро Российской коммунистической партии (большевиков)

19 января 1919 г. принял решение присоединить территорию Минской и Гродненской губерний к только что образованной Литовской Советской Республике. Спустя месяц 27 февраля в Вильне была провозглашена Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика (Литбел) со столицей в Вильне. Литовские большевики преобладали в ее руководстве, на жалобы белорусов Москва не обращала внимания. [12, р. 123–124]

Странным образом, именно большевики осуществили замысел воссоздания какого-то подобия ВКЛ. Правда, лишь на короткое время. После занятия Вильна польскими войсками в апреле 1919 г. Литбел скоро прекратил свое существование. До сентября 1919 г. поляки заняли Беларусь по линии Березина–Динабург, Красная армия была вытеснена также из Литвы. Последнее обстоятельство привело к переговорам о мире между Советской Россией и Литовской Республикой. Инициативы исходила из Москвы, являлась одной из мер, направленных на преодоление международной изоляции Советской России.

На переговорах, которые начались 7 мая 1920 г., основным был вопрос о восточных и юго-восточных границах Литовской Республики. Ее делегация добивалась даже более обширных территорий, чем определенные в 1917 г. на основе происхождения и вероисповедания населения. В самом начале переговоров она предложила признать Литве территорию бывших губерний Российской империи: Ковенской, Виленской, Сувалкской, Гродненской и Новогрудский уезд Минской. [13, р. 56] Это были максимальные требования литовской стороны, их удовлетворения она вряд ли ожидала. Более интересным выглядело настаивание министров по делам евреев и белорусов – С. Розенбаума и Д. Семашко – на включение в Литовскую Республику всей Гродненской области с городом Белостоком и даже Беловежской пущей. Главным их аргументом были заверения о нежелании евреев и белорусов принять польскую власть, которая угнетала белорусов и устраивала погромы евреев. [13, р. 179–185]

По мирному договору, подписанному в Москве 12 июля 1920 г., Литве должна была отойти только северная часть Гродненской губернии на правом берегу Немана, но в основном ее территориальные претензии были удовлетворены. Граница Литвы шла у Молодечно, в ее границах находились озеро Нарочь, Сморгонь, Крево, Ошмяна, Лида, Островец. Не удивительно, что многие белорусские политики и руководители БНР на эмиграции выражали несогласие и протест. Еще 16 мая Рада министров БНР направила председателю Парижской мирной конференции ноту протеста в связи с началом переговоров между Советской Россией и Литвой. В ноте было заявлено: «Белорусский народ и его Правительство никогда не признают законным отторжение от Белорусской Народной Республики Виленщины и Гродненщины и всякие договоры и соглашения по этому вопросу Литвы и Советской России не считают и впредь не будут считать для себя обязательными». [11, с. 116]

Из признанных Литве территорий Красная армия в июле 1920 г. изгнала польские войска. 14 июля она заняла Вильно, но не спешила передать управление городом властям Литвы. В Вильно прибыли руководители литовских коммунистов. В многочисленных прокламациях коммунисты призывали трудящихся и солдат Литвы восстать, свергнуть буржуазное правительство и установить советскую власть. В прокламациях подчеркивалось, что на помощь восставшим придет Красная армия. Например, в одной прокламации, датированной июлем 1920 г., выражена уверенность, что: «Если восставшие рабочие Литвы не смогут одолеть своих врагов, то им в любое время придут на помощь рабочие других стран и, прежде всего, Советской России. Об этом нельзя забывать». [14, р. 238] Однако в середине августа 1920 г. Красная армия потерпела поражение в т.н. Варшавской битве с польскими войсками и начала отступление. Советизация Литвы стала неактуальной, Вильно 25 августа было передано литовской администрации. Отходила Красная армия из всей территории признанной Литве по договору 12 июля 1920 года. Только радость литовцев была

иллюзорной и кратковременной. Вильно 9 октября 1920 г. заняли войска генерала Л. Желиговского. Скоро поляки захватили всю восточную Литву, которая 6 апреля 1922 г. официально была включена в состав Польской Республики. В независимой Литве проживало совсем мало белорусов и белорусский фактор потерял актуальность.

Позволю себе некоторые соображения о том, что могло быть, но не стало реальностью в бурном 1920 году. В случае захвата в Литве власти с помощью Красной армии коммунистами, ее территория, вероятно, осталась бы в пределах признанных договором от 12 июля 1920 г. Литовцы стали титульной нацией, белорусы были литуанизированы или русифицированы. Если восточная и юго-восточная Литва остались бы за «буржуазной» Литовской Республикой, литовско-белорусские отношения могли развиваться в плане сотрудничества или конфронтации. Более вероятной могла стать конфронтация. Представление о славянизированных литовцах чревато было принятием мер по их «релитуанизации». Как известно, польская власть считала «тутейшов» поляками и довольно успешно проводила их полонизацию. П. Климас, будучи послом Литвы во Франции, сообщил в 1928 г. премьеру А. Вольдемарасу о своей беседе с Г. С. Гибсоном, бывшим послом США в Варшаве. Американский дипломат, говоря о своих поездках по Виленскому краю, отметил, что его жители «еще не обладают национальным самосознанием», и делал вывод: «нужно лишь чтобы литовское правительство в Вильне располагало необходимыми средствами – край через пару лет стал бы литовским, но и поляки такими же средствами могут его превратить в польский». [15, 1. 39] П. Климас не возражал против совета американца, но «тутейши» находились под властью Польши, а не Литвы, которая неизменно требовала возвращения Вильна и Виленщины. Там при польской власти ассимиляция продолжалась. Любопытно в связи с этим явление замечание И. В. Сталина, сделанное им в октябре 1939 г. в беседе с литовской делегацией в Кремле: «Он никак не мог понять, что литовцы, имеющие столь богатую событиями историю, оказались необычайно способными к ассимиляции, больше чем любой другой народ. Даже белорусы ассимилировали литовцев, не говоря уже о поляках, немцах или русских». [16, с. 234]

По договору от 10 октября 1939 г. СССР передала Литве Вильно с частью Виленщины, в которой часть населения составляли литовцы. Москва не приняла во внимание соображения о присоединении Вильна к Белорусской ССР. С таким решением руководство Белорусской ССР, разумеется, согласилось. Протест в письме президенту Литовской Республики А. Сметоне зато выразил председатель БНР В. Захарка из Праги. Он писал: «Заклучив новый договор с СССР о захвате Вильна и Виленской области, Литва взяла на себя не только ответственность, но и ту ненависть белорусского народа, которую до сих пор он испытывал к Польше». [17, с. 73]

В Литве понимали, сто в подавляющей части территории признанной в 1920 году нет говорящих по-литовски. Иначе обстояло дело в многих приграничных местностях, присоединенных к Белорусской ССР. При ратификации договора 1939 г. в Сейме Литвы депутат М. Квиклис выразил по этому поводу сожаление и уверенность, что произошло недоразумение из-за недостаточного знания состава населения приграничья или просто поспешного определения границы. [18, р. 2] Обозреватель еженедельника Национального союза (таутининков) – опоры власти президента А. Сметоны – выразил пожелание и надежду, что в будущем литовцы с другой стороны границы смогут воссоединиться с Родиной и это только укрепит дружественные отношения между СССР и Литвой. [19, р. 800]

Несколько забегаая вперед отметим, что пожелание осуществилось скоро, но при особых обстоятельствах – включение Литвы в состав СССР. В соответствующем законе, формально одобренном Верховным Советом СССР, была статья: «Принять предложение Верховного Совета Белорусской ССР о передаче Союзной Литовской Советской Социалистической Республике Свенцянского района и части территории с преобладающим литовским населением <...> районов Белорусской ССР». [16, с. 716]

Несомненно, что предложение белорусского руководства было исполнением указания из Москвы, данного с ведома И. В. Сталина.

Литовская Республика владела Вильно лишь с конца 1939 г. по июнь 1940 г. Перед передачей ей Вильна НКВД провело аресты и вывезло в глубь СССР ряд видных белорусских деятелей. По словам белорусского эмиграционного историка, эта репрессия означала «ликвидацию главного и единственного интеллектуального независимого центра белорусской культуры». [20, s. 91] Уцелевшие виленские общественники решили присоединиться к «Центру действий белорусов в Литве», существовавшему в Каунасе, и считать своим 15 октября 1939 г. принятый его план расширения его работы с учетом присоединения Вильна. [21, l. 265] Однако в документе литовского департамента государственной безопасности, со ссылкой на мнение белорусских интеллигентов, отмечалось что «В Вильнюсском крае массы бедных белорусов настроены очень про-советски, а интеллигенты как будто чего-то боятся и нерешительны. Среди белорусов распространяются слухи, что в скором времени вся Прибалтика будет присоединена к России. Опасения интеллигентов усиливало обстоятельство, что советы вывезли из Вильна некоторых белорусских деятелей». [23, l. 424]

Т.н. боязнь и нерешительность белорусских общественников служила и предлогом для литовских властей не обращать должного внимания на пожелания и просьбы. «Центра действия белорусов в Литве». Тем не менее конфликтная ситуация за восемь последних месяцев, существования Литовской Республике, в литовско-белорусских отношениях не возникла. После Второй мировой войны и белорусы в Литве, и немногочисленный литовцы в Белоруссии как бы перестали существовать. Никакие территориальные претензии не могли быть озвучены в СССР. Мало они проявились и после 1991 года.

Список источников и литературы

1. Staliūnas D. Rusinimas: Lietuva ir Baltarusija po 1863 metų. – Vilnius: LII leidykla, 2009. – 539 p. Имеется англоязычное издание книги: Staliūnas D. Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus. – Amsterdam – New York: Editions Rodopi, 2007.
2. Касперавичюс А. Первая мировая война и литовское общество // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы международной научной конференции / Москва, 30 сентября – 30 октября 2014 г. – Москва: ИРИ РАН, 2014, с. 382–388.
3. Mačiulis D., Staliūnas D. Vilnius – Lietuvos sostinė: problema tautinės valstybės projekte (XIX a. pabaiga – 1940 m.). – Vilnius: LII leidykla, 2009. – 324 p.
4. Мазько Э. Tautinio sąmonėjimo ir valstybingumo link. Vilnius ideologinėse baltarusių koncepcijose // Darbai ir dienos – Kaunas: VDU leidinys, 2004, T. 40, p. 289–300.
5. Pakštas K. Lietuvos ribų problema. // Lietuvos Katalikų Mokslo akademija. Suvažiavimo darbai. 1939. T. III. – Kaunas: LMK leidinys, 1940, p. 383–417.
6. Szukiewicz W. Słówo w kwestii litewskiej // Dziennik Wilenski. 1906.11.07, s. 1–2.
7. Klimas P. Lietuva, jos gyventojai ir sienos. – Vilnius: Autoriaus išleidimas, 1917. – 63 p.
8. Gimžauskas E. Baltarusių veiksnys formuojantis Lietuvos valstybei 1915–1923 m. – Vilnius: LII leidykla, 2003. – 192 p.
9. Lopata R. Lietuvos valstybingumo raida 1914–1918 metais. – Vilnius: „Mintis“, 1996. – 224 p.
10. Lietuvos Valstybės Tarybos protokolai (1917–1918). – Vilnius: „Mintis“, 1991. – 539 p.
11. Государственные границы Беларуси. Сборник документов и материалов: в 2 т. / сост. В. Е. Снапковский, А. Ф. Великий и др. – Минск: БГУ, 2012. – т. 1 (март 1917 – ноябрь 1926). – 495 с.
12. Lietuvos istorija. – Vilnius: „Baltos lankos“, 2013. – т. X, d. I, Nepriklausomybė (1918–1940 m.). – 634 p.

13. Rusijos ir Lietuvos taikos derybų stenogramos // Liekis A. Lietuvos sienų raida, t. I, Vilnius: žurnalo „Lietuvos mokslas“ leidinys, 1997, p. 141 – 299.
14. Lietuvos komunistų partijos atsišaukimai. – T. I: 1918–1923. – Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1962. – 672 p.
15. P. Klimo laiškas A. Voldemarui // Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA) – Fondas 383 – Apr. 7 – Byla 795.
16. СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Сборник документов, т. I: СССР и Литовская Республика (март 1939 – август 1940 г.) – Vilnius: LII leidykla, 2006, 776 p.
17. Государственные границы Беларуси. Сборник документов и материалов в 2 т. / состав. В. Е. Снапковский, В. А. Тихомиров, А. В. Шорапо. – Минск: БГУ, 2013. – т. 2 / ноябрь 1926 – декабрь 2010. – 333 с.
18. „Lietuvos aidas“ – 1939 10 15, Nr. 616.
19. Raila B. Lietuvos sutartis su SSSR // „Vairas“ 1939 10 19, Nr. 40.
20. Iwanow M. Sprawa przynależności Wilna i problemy narodowościowe na Białorusi // – Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno – wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939 – 1941. – Warszawa: Wyd. Instytutu Studiów politycznych PAN, 1995. – s. 85–92.
21. VSD Biuletėnis Nr. 236 // LCVA. Fondas 378. – Apr. 10. – B. 187.
22. VSD Biuletėnis Nr. 277 // Ibidem.

Algis Kasperavičius. To the question of the Lithuanian-Belarusian relations in 1915-1940 GG. The problem of the Lithuanian-Belarusian relations in the period named associated statehood by both peoples and the establishment of borders. The article is, first and foremost, the Lithuanian-Belarusian relations in 1915-1922 and 1938-1940, when the first serious contradictions on borders and ethnicity of the peoples in the border areas. Presented point of view on the problem of Lithuanian historians in their latest works.

УДК 327 (476: 430) (091) (043.3)

Д.А. Мигун

Республиканский Институт Высшей Школы

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ ДОГОВОРА В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

В статье подробно исследуются политические и военные последствия для Беларуси проведения большевистским руководством Советской России и кайзеровской Германии переговоров в Бресте-Литовском весной 1918 г. Объектом исследования автора стали планы большевистского и немецкого руководства в отношении территории Беларуси. На основании тщательного анализа программных документов и теоретических концепций сторон, автор приходит к выводу, что на выработку их концепции оказали влияние многочисленные факторы.

Хотя ССРБ 1 января 1919 г. и была провозглашена суверенным и независимым государством, но военно-политические и социально-экономические обстоятельства не способствовали укреплению ее независимости.

Хотя начавшиеся в январе 1918 г. переговоры в Брест-Литовске напрямую затрагивали дальнейшую судьбу белорусского народа. Германия и Россия, решая судьбу Беларуси, не пригласили на них ее представителей. Белорусский вопрос на переговорах в Брест-Литовске самостоятельного значения не приобрел. Белорусский вопрос не принимался во внимание ни одной из сторон, принимавших участие в переговорах.

А. В. Тихомиров считает, что ход переговоров в Бресте и их результаты радикализовали позицию сторонников белорусской государственности [1].

Продолжавшиеся военные действия на территории Беларуси не позволили широко развернуть дипломатическую деятельность нового правительства. Ее территория еще не была целиком освобождена от войск Германии, а уже вполне реальной становилась угроза со стороны Польши.

Нарастающий экономический, социальный и политический кризис, а также относительная слабость власти вынуждали большевиков искать примирения с Германией. Во второй половине апреля 1918 г. РСФСР и Германия обменялись посольствами. Советским послом в Германии стал А. А. Иоффе, германским послом в Советской России – В. фон Мирбах. Руководство РСФСР выражало готовность оформить договорно-правовые отношения не только с державами Четверного союза, но и со странами, находившимися в положении сателлитов Германии.

В начале мая 1918 г. правительство РСФСР обратилось к германскому правительству с предложением начать переговоры по политическим, экономическим и финансовым вопросам. Были созданы комиссии для ведения переговоров по финансовым вопросам и по вопросам компенсации за содержание русских военнопленных. Соответствующие переговоры проходили в Москве и Берлине. Стремясь нейтрализовать деятельность «партии войны» в Германии, советское руководство заинтересовывало германские деловые круги перспективами торгово-экономического взаимодействия. В июне 1918 г. советское правительство согласилось передать Германии суда Черноморского флота, распорядившись перевести их в Севастополь (требование было выполнено не в полном объеме, поскольку часть судов Черноморского флота была затоплена по решению их экипажей).

В конечном итоге такая тактика увенчалась успехом. В условиях, когда желанная победа на Западном фронте была совсем близка, Германия стремилась сохранить стабильность в отношениях с Советской Россией. В памятной записке германского МИД, составленной в начале мая 1918 г., говорилось: «Сейчас наша основная задача в России – помогать разлагающим силам и как можно дольше держать страну слабой, подобно тому, как вел себя князь Бисмарк по отношению к Франции после 1871 г., выступая против восстановления монархии. Далее наша политика должна состоять в налаживании связей с отколовшимися самостоятельными государствами, особенно Украиной, Финляндией и новым кавказским правительством, в закреплении там нашего влияния и подавлении федералистских тенденций по отношению к России» [2].

Любопытно то, что о Беларуси речь не идет вообще. Мирбаху было дано указание оказывать поддержку большевикам и ни в коем случае не вступать в сношения с российской оппозицией. «Небольшая кучка крайне правых русских (вокруг Дурново, Маркова, Сабурова) еще до войны не имела в стране никакого значения, не будет иметь его и в дальнейшем, после того как вся страна, особенно крестьянство, пропиталась демократическими идеями и ожидает, что они спасут ее. Кроме того, эти круги, встав у руля с помощью немцев, будут думать точно так же, как сейчас кадеты и социалисты. Как и любой русский патриот, они понимают, что Брест-Литовский мир, точнее, последствия этого мира, проявляющиеся в нашей балтийской политике, в наших действиях в Финляндии и в Крыму, означают разрушение России. Этому они противопоставят попытку вновь организовать страну и мобилизовать ее на сопротивление Германии. Ожидать благодарности от этих кругов, которые могут держаться только за счет широкой поддержки демократической буржуазии, мы не можем. Кроме того, их в самое ближайшее время сменят либеральные кадеты, наши заклятые враги в России, и получится, что мы сами помогли снова подняться на ноги собственным врагам» [2].

В начале июня 1918 г. германское посольство в Москве получило от своего правительства около 9 млн марок; примерно половина предоставленной суммы была

потрачена на поддержку советского правительства, остальная часть была направлена правительству Краснова на Дону и Временному правительству Сибири в Омске. 23 июня Вильгельм II запретил проведение военных операций в России и распорядился сообщить советскому правительству, что оно может отвести свои войска от Петрограда и использовать их против чехословаков. Германские компании разрабатывали планы активного проникновения в Россию.

Белорусский историк С. А. Третьяк отмечает, что «...в Германии Брестский мир рассматривался как временный. Правящие круги вынашивали планы задушения Советской России после победоносного наступления на Париж в мае 1918 г. Кроме того, разведка и дипломаты Германии заранее подбирали кадры будущих марионеточных правительств, устанавливали связи с антибольшевистским подпольем на неоккупированной советской территории» [3, с. 80].

Во второй половине 1918 г. советско-германские отношения стали ухудшаться. Германия не смогла развить успех на Западном фронте. Войска Антанты оказывали ожесточенное сопротивление. Во Францию прибыли крупные контингенты американских войск и техники, впервые обеспечившие союзникам ощутимый перевес над врагом. 15 июля германское верховное командование предприняло еще одну отчаянную попытку продвинуться в направлении Парижа, но на этот раз немецкое наступление продолжалось всего лишь два дня. После контрнаступления французской армии, предпринятого 18 июля, немцы впервые с весны 1918 г. были вынуждены оставить занимаемые позиции. Бои на Марне обозначили перелом в военных действиях на Западном фронте. 8 августа войска Антанты под командованием маршала Ф. Фоша нанесли германской армии жестокое поражение, от которого она не смогла оправиться. В течение нескольких дней Германия утратила все, что приобрела в ходе весеннего наступления 1918 г. Моральный дух немцев был подорван. 13 августа на совещании руководства Германии в Спа Людендорф заявил, что войну выиграть невозможно. 14 августа Вильгельм II выразил желание начать мирные переговоры с Антантой при посредничестве королевы Нидерландов.

Германское верховное командование считало, что снижение боеспособности армии было вызвано ее внутренним разложением, спровоцированным Советской Россией. Основания для такого утверждения имелись. Немецкие солдаты, находившиеся на Восточном фронте, не понимали, ради чего ведется война. Все чаще в их среде раздавались требования вернуться на родину. Летом 1918 г. были отмечены первые случаи массового неповиновения солдат немецких частей в Двинске и Пскове. Укрепив свое положение, советское руководство содействовало развертыванию движения сопротивления на Украине, в Беларуси и Прибалтике. Особо тяжелые последствия для Германии имели крестьянские партизанские действия и саботаж рабочих на Украине, поскольку они привели к срыву поставок продовольствия в страны Четверного союза. Так, в Германию вместо запланированных 60 млн пудов украинского хлеба поступило всего лишь 9 млн. Советское руководство не ограничило организацией выступлений населения на оккупированных немцами территориях и перенесло подрывную деятельность непосредственно на территорию Германии. Очагом «разжигания революционного пожара» на немецкой территории стало советское дипломатическое представительство в Берлине, установившее тесный контакт с немецкими социалистами.

В сложившихся условиях верховное командование Германии пришло к выводу, что однозначная ставка на большевиков не оправдала себя. Уже в июне 1918 г. началась подготовка к изменению восточной политики Германии. Суть новой политики в трактовке пресс-атташе германского посольства в Москве Штадтлера сводилась к следующему: «Германское правительство ни при каких обстоятельствах не должно строить свои отношения с Россией в духе подлинной лояльности... Было бы гораздо правильнее постепенно ликвидировать отношения с советским режимом, стимулировать мощные национальные силы России и оказывать этим силам даже военную и дипломатическую

помощь, с тем чтобы дать им возможность окрепнуть и затем отказаться от... Брест-Литовского мира» [2]. Германские дипломаты в Москве и Киеве вступили в переговоры с представителями российских партий и движений, которые выступали против большевиков (предпочтение отдавалось сторонникам монархии и кадетам).

Первое открытое дипломатическое столкновение Германии и Советской России произошло в июле 1918 г. 14 июля 1918 г. после убийства Мирбаха германский посланник в РСФСР Рицлер обратился к советскому правительству с требованием допустить в Москву батальон немецких солдат для охраны германской миссии. Однако требование немцев было решительно отклонено советской стороной, расценившей его как «начало оккупации России чужеземными войсками». После отклонения ультиматума о вводе немецких войск в столицу РСФСР германская дипломатическая миссия была переведена из Москвы в Петроград, а затем вообще перенесла свою деятельность за линию расположения немецких войск – первоначально в Псков, позднее в Ревель (Таллин).

В июле 1918 г. германское командование стало серьезно готовиться к проведению военных операций на Восточном фронте. К концу августа 1918 г. был разработан план, по которому немецкие войска должны были нанести удар по Петрограду, а затем с помощью донских казаков провести наступательную операцию в направлении Москвы.

1 августа на заседании СНК РСФСР был рассмотрен вопрос о состоянии советско-германских отношений. После заседания Г. В. Чичерин принял в Москве нового германского посланника в РСФСР К. Гельфериха и, указав на возможность продвижения войск Антанты в Центральную Россию, предложил Германии установить оборонительные линии вокруг Петрограда и провести наступление на Мурманск и Архангельск. Кроме того, глава внешнеполитического ведомства РСФСР предложил немцам прекратить оказание поддержки Краснову и провести совместные наступательные операции против Добровольческой армии на Кубани.

27 августа в Москве был подписан советско-германский Добавочный договор, состоявший из политического, финансового и частноправового соглашений [4, с. 437]. Договор предусматривал немедленное создание русско-германских комиссий для установления демаркационных линий с нейтральными зонами между русскими и немецкими войсками. Россия признавала независимость Эстляндии и Лифляндии и должна была заключить с ними, а также с Литвой торговое соглашение. Советское правительство обязалось поставлять немцам 1/4 часть добытой в Баку нефти в обмен на уголь из Донбасса, а германское – принять меры к тому, чтобы Советская Россия получала марганцевую руду из Грузии [4, с. 443–444]. Германия обязалась «действовать в том направлении, чтобы Россия по мирному договору с Украиной получила соразмерную с экономическими потребностями часть Донецкого бассейна и чтобы Украина предоставила для вывоза в Россию часть своей железнорудной продукции...» [4, с. 443–444]. Германия обязалась также очистить часть российской территории, в том числе Ростов-на-Дону, предоставить РСФСР для торговых целей право транзита через Прибалтику и «свободные гавани» в портах Ревеля, Риги, Виндавы, не допускать нападения на русскую территорию со стороны Украины и Финляндии, воздействовать на Турцию с целью вывода турецких войск за пределы Баку [4, с. 443–444]. Крупным достижением советской дипломатии стало обязательство Германии прекратить вмешательство в отношения между русским Советским государством и его отдельными областями и не поддерживать образование самостоятельных государственных организмов на этих территориях [4, с. 439]. Однако, как отмечает немецкий исследователь Ф. Круммахер, «советско-германский Дополнительный договор, подписанный 27 августа 1918 г. в Москве, оставался „мертвой буквой" и никогда не выполнялся» [5, с. 51].

Как указывает немецкий историк В. Баумгарт, в соответствии с Дополнительным договором РСФСР обязалась выплатить Германии 6 млрд марок в несколько сроков [6, с. 298–299]. В эту сумму входили оплата содержания военнопленных, а также

возмещение убытков, понесенных Германией и ее гражданами в результате аннулирования займов и национализации германской собственности в России. Первый взнос в 1,5 млрд марок (245 564 кг золотом и 545 млн кредитными билетами) Россия должна была выплатить немедленно, последний – 31 декабря 1918 г. [6, s. 298–299] Германия обязалась воздействовать на правительства Украины и Финляндии, с тем чтобы они приняли на себя часть русских финансовых обязательств в отношении Германии. С выплатой Россией платежей увязывался вывод германских войск с территории Беларуси восточнее Березины (войска должны были отводиться на запад по мере поступления платежей из России).

В начале сентября 1918 г. Добавочный договор был ратифицирован германским рейхстагом и Всероссийским ЦИК. Пойдя на подписание Добавочного договора, советское правительство смогло в очередной раз нейтрализовать Германию и упрочить свои позиции на мировой арене. В новых условиях о выступлении германских войск против Советской России не могло быть и речи. Более того, в октябре 1918 г. Германия поставляла в Советскую Россию уголь и кокс, которые отправлялись на заводы, производившие оружие для Красной Армии. Как указывает В. Баумгарт, «во второй половине октября примерно 25 кораблей с 100 000 т. угля были отправлены в Петербург» [6, s. 319]. 9 сентября 1918 г. дипломатический представитель Советской Республики при Императорском Германском правительстве А. А. Иоффе просил у немецких властей поставить в Россию 200 000 винтовок, 500 млн патронов и 20 000 пулеметов [6, s. 321]. В августе 1918 г. Красная Армия перешла в контрнаступление на Восточном фронте. К ноябрю 1918 г. советские войска овладели Казанью, Симбирском и Самарой.

Что касается Германии, то Добавочный договор, в отличие от Брест-Литовского мирного договора, не улучшил ее положения. В сентябре 1918 г. началось наступление войск Антанты на всем протяжении 400-километрового фронта от Северного моря до реки Маас, в результате которого германская армия в Бельгии и Франции оказалась на грани полного разгрома. В конце сентября 1918 г. после прорыва линии Зигфрида на Западном фронте войска Антанты получили возможность доступа на территорию Германии.

Ослабление Германии и ее союзников изменяло баланс сил, сложившийся в Восточной Европе после заключения Брестского мира 1918 г. В октябре 1918 г. германское руководство стало менять восточную политику. Изменения проявились в отходе от линии на сотрудничество с Советской Россией, которая являлась доминантой германской восточной политики на протяжении всего 1918 г., и в большей готовности к поддержке сил, находившихся в оппозиции к большевикам. Осенью 1918 г. повышенное внимание уделялось укреплению позиций в Прибалтике, которая рассматривалась в качестве буфера между Германией и Советской Россией. В октябре 1918 г. немцы прекратили попытки установить в Литве монархию во главе с германским принцем и разрешили литовской Тарибе образовать правительство. Одновременно правительство Германии выразило готовность предоставить Литве вооруженную помощь. В то же время немцы заключили в Пскове соглашение с русскими белогвардейцами, которое предусматривало оказание содействия формированию «северной» армии в оккупированных областях северо-западной части России.

В декабре 1918 г. Юзефом Пилсудским было открыто заявлено, что польское государство будет восстановлено в границах Речи Посполитой 1772 г., куда на тот момент входили и белорусские земли [7, с. 99]. 5 февраля 1919 г. между Польшей и Германией было заключено соглашение, в котором оговаривались планы по захвату польскими войсками территории Беларуси, т. е. той территории, которая была занята ранее немецкими войсками. В ст. 1 польские полномочные представители дали свое согласие обеспечить отход германских войск 10-й армии без каких-либо враждебных действий в отношении них [8, с. 106]. В этом документе очень четко просматривается враждебное отношение со стороны Германии к большевистскому движению на территории Беларуси. Как явствует из ст. 7 вышеназванного соглашения, немецкие военные власти обязывались

подавлять на территории Беларуси, которую они оставляли, все местное большевистское движение и вообще не допускать и не терпеть никаких большевистских организаций [8, с. 107]. Далее в ст. 11 данного соглашения германским имперским представителем было заявлено, что, допуская на основе данного соглашения польские войска на спорную между Польшей и Литвой территорию (территорию Беларуси. – Д. М.), германская империя ни в коей мере не выражает этим своего отношения к вопросу об окончательной принадлежности данной территории. И далее подчеркивалось, что замена здесь войск германских на войска польские проводится лишь в целях защиты страны от большевиков [8, с. 108]. Далее указывалось, что вопрос об окончательной границе между Польшей и Литвой будет решен самими народами, обладающими правом на самоопределение, в данном случае – это дело мирной конференции [8, с. 109].

Как отмечал Ллойд Джордж, уход немецких войск был встречен крестьянами Беларуси с полным удовлетворением, потому что они не питали нежных чувств к тевтонам, которые вмешивались в их дела и указывали им, что делать и что не делать, и занимались реквизированием плодов их труда [9, с. 277].

Как отмечает С. А. Третьяк, Дополнительный договор непосредственным образом отразился на ситуации в Беларуси [3, с. 92]. В начале сентября 1918 г. германские оккупанты обязались отвести свои войска за Березину, а 16 сентября 1918 г. в Вильно было подписано советско-германское соглашение, которое определяло сроки и порядок оставления немцами и территории на запад от Березины. 28 февраля 1919 г. последний германский солдат должен был отойти за российско-германскую границу, определенную Брестским миром. Уже в середине сентября 1918 г. германские войска начали эвакуацию Полоцкого уезда. На освобожденной территории под руководством Облесполкомзапа и при участии губернских властей и военного командования создавалась сеть военных Советов, военно-революционных комитетов и комитетов бедноты, которые восстанавливали политическую и хозяйственную жизнь на новых началах.

Список источников и литературы

1. Тихомиров А. В. Брестский мир 1918 г. и Беларусь // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1999. № 2. С. 57–77.
2. Хронос. Всемирная история в интернете. Памятная записка МИД [Электронный ресурс]. 2012. URL: www.hrono.ru/dokum/191_dok/191805mid_ge.html (дата обращения: 02.28.2016).
3. Трацяк, С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапад 1917 – студзень 1919 г. / С. А. Трацяк. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 208 с.
4. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / А. А. Громыко [и др.]. – М.: Госполитиздат: Междунар. отношения, 1959–2000. – Т. 1: 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. / И. Н. Деев [и др.]. – 1957. – 771 с.
5. Krummacher, F. Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen / F. Krummacher, H. Lange. – München: Bechtle Verlag, 1970. – 564 S.
6. Baumgart, W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges / W. Baumgart. – Wien: Oldenbourg Verlag, 1966. – 462 S.
7. Наленч, Д. Юзеф Пилсудский – легенды и факты / Д. Наленч, Т. Наленч. – М.: Политиздат, 1990. – 399 с.
8. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў: у 3 т. / Пастаян. каміс. Савета Рэсп. Нац. сходу Рэсп. Беларусь па міжнар. справах і нац. бяспецы, М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь. – Мінск: БелНДІАС, 1997–2001. – Т. 1: 1917–1922 гг. – 1997. – 398 с.
9. Ллойд Джордж, Д. Правда о мирных договорах: в 2 т.: пер. с англ. / Д. Ллойд Джордж; под ред. В. Г. Трухановского. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – Т. 1. – 1957. – 656 с.

Dzmitry Mihun. The German-Soviet relations after the signing of the treaty in Brest-Litovsk. The paper examines in detail the political and military implications for Belarus of the Bolshevik leadership of Soviet Russia and Imperial Germany negotiations in Brest-Litovsk the spring of 1918. The object of the author's research plans become Bolshevik and German guidance on the territory of Belarus. Based on a thorough analysis of policy documents and theoretical concepts of the parties, the author concludes that the concept of the production was influenced by numerous factors.

УДК 194 (437) 1914-1918

И.О. Змитрович
Гродненский государственный
университет имени Я. Купалы

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА ЧЕХИИ И СЛОВАКИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются содержание и динамика в период Первой мировой войны вопроса о будущем государственно-политическом статусе чешских и словацких земель. Основное внимание уделяется анализу позиций ведущих национальных политических сил в эмиграции и на родине, их сложного движения к принятию решения о создании объединенного чехословацкого государства после войны.

С началом войны чешские и частично словацкие политические силы оказались перед необходимостью сделать выбор между возможными вариантами решения национального вопроса – в рамках Австро-Венгерской империи или путем создания независимого государства, национального или объединенного.

В первые месяцы войны некоторые чешские политики попытались установить контакт с австрийскими деятелями, известными своей склонностью к компромиссному решению национального кризиса монархии. Но результаты этих попыток оказались малоутешительными. Лидер чешских реалистов Т. Масарик следующим образом изложил мнение австрийской политической элиты: «Победа усилит старый режим. После победоносной войны решающий голос приобретут военные, а они будут централизовать и германизировать, создавая абсолютизм с парламентским украшением» [1, с. 64].

Такая перспектива усиливала стремление значительной части чешских политиков к тому, чтобы установить более тесные связи с правящими кругами Антанты и попытаться обеспечить себе их поддержку. Уже в сентябре 1914 г. для установления связей с чехословацкими эмигрантскими организациями в странах Антанты в Швейцарию выехал Л. Сыхрава, деятель Государственно-правовой прогрессивной партии, выступившей еще накануне войны с программой создания самостоятельного чешского государства. Однако деятельность этой группы, пользовавшейся небольшим влиянием в стране, была очень ограниченной.

То, что возможная победа Центральных держав нанесла бы тяжелейший удар национально-политическому движению, понимали и лидеры ведущей партии младочехов. К. Крамарж прямо писал, что эта победа привела бы к триумфу великогерманской идеи и поставила бы под угрозу существование чехов как нации. Осенью 1914 г. К. Крамаржу и его соратникам удалось установить секретные контакты с представителями русской дипломатии и разведки в нейтральных странах. Они начали зондировать возможность осуществления плана создания чешского королевства в рамках «Славянской империи», возглавляемой русским царем. В качестве альтернативного варианта, на случай если Австро-Венгрия переживет войну, они настаивали на предоставлении Чехии «широкой автономии, которая могла бы спасти их, т. е. чехов, от подавления немцами и венграми» [1, с.75].

Вскоре после начала войны связи с державами Антанты установила и другая группа, возглавляемая Т. Масариком. В отличие от К. Крамаржа довоенные тактические планы Т. Масарика не выходили за пределы внутренней реорганизации Австро-Венгрии. Однако война заставила его изменить свою позицию. В своих воспоминаниях Т. Масарик отмечает, что многочисленные встречи с различными государственными деятелями Австрии убедили его в нереальности надежд на достижение компромисса с правящими кругами монархии. В начале осени 1914 г. Т. Масарик установил связь с некоторыми близкими к Форин-офису знакомыми в Англии, начал пересылать им сведения о внутреннем положении в Австро-Венгрии. Вокруг идеолога стали группироваться чешские политики, разделявшие его новую ориентацию.

Политические планы Т. Масарика были впервые подробно сформулированы им во второй половине октября 1914 г. в беседе с Р. Ситоном-Уотсоном, который передал ее запись правительствам союзных держав. Т. Масарик отмечал, что при наиболее благоприятном стечении обстоятельств могут возникнуть условия для создания самостоятельной Чехии, включающей наряду с чешскими землями в их исторических границах также и словацкие районы Венгрии. Обязательным условием создания чешского государства он считал полный военный разгром Германии. Выдвижение подобной оговорки свидетельствовало, что образование самостоятельного государства рассматривалось им лишь как одна из альтернатив возможного решения «чешского вопроса». Говоря о будущем характере чешского государства, Т. Масарик подчеркивал, что это может быть только королевство, возглавляемое по возможности одним из западных принцев [2, с. 114].

В отличие от К. Крамаржа, ориентировавшегося на Россию, план Т. Масарика характеризовался скорее прозападной направленностью. Несомненно, что либералу Т. Масарику была более близкой демократия западного типа, чем царское самодержавие. Не исключено, что определенную роль в формировании позиции Т. Масарика сыграло и его многолетнее соперничество с К. Крамаржем. Осуществление «русского» варианта неизбежно привело бы к дальнейшему укреплению позиций К. Крамаржа и отодвинуло бы Т. Масарика на задний план. Этот фактор, видимо, также повлиял на его внешнеполитические планы.

Однако эмиграция Т. Масарика в конце 1914 г. и более близкое знакомство с настроениями, преобладавшими в политических кругах Антанты, вызвали у него определенное разочарование. Ни в Англии, ни во Франции не проявляли особого интереса к решению чешского вопроса. Более реальной, хотя и не очень обнадеживающей, выглядела этих условиях прорусская ориентация. «Я жду, – писал в феврале в Прагу политик, – что русские оккупируют чешские земли, и тогда – решающий момент» [3, с. 137].

На этой основе в начале 1915 г. произошло сближение двух конкурирующих друг с другом политических группировок и создание так называемой «Маффии» – своеобразного секретного консультативного клуба, в деятельности которого участвовали представители большинства чешских либеральных партий, а также отдельные социал-демократические деятели.

Вскоре после начала войны представители ряда чешских, частично и словацких организаций в России, США, Франции и Англии выступили с лозунгом создания самостоятельного чешского или чехословацкого государства при поддержке той или иной державы Антанты. С весны 1915 г. активную деятельность в рядах чешской эмиграции развернул Т. Масарик. В результате ряда политических маневров и столкновений ему постепенно удалось подчинить деятельность большинства этих организаций контролю возглавляемого им Чешского заграничного комитета, преобразованного позднее в Чешский национальный совет в Париже.

Одновременно он продолжал предпринимать попытки по установлению более тесных связей с правящими кругами держав Антанты, выступая с различными проектами

решения чешского вопроса. В мае 1915 г. Т. Масарик подготовил и направил министру иностранных дел Великобритании конфиденциальную записку, в которой излагал программу создания Чешского королевства, включающего чешские земли и словацкие районы Венгрии. В этом документе подчеркивалось, что наиболее популярной династией в Чехии была бы русская династия. «В любом случае, – говорилось в ней, – чешские политики хотят, чтобы чешское королевство создавалось в полном согласии с Россией. Желания и намерения России будут играть решающую роль» [3, с. 143].

В конце декабря 1916 г., в статье, опубликованной в газете «Русская воля», он вновь подчеркивал, что наиболее приемлемым, по его мнению, решением чешского вопроса было бы воцарение в Чехии династии Романовых или хотя бы установление персональной унии Чехии с Россией. Анализ планов, выдвигаемых Т. Масариком, дает основания считать, что главной целью его деятельности в тот период было стремление доказать правящим кругам держав Антанты, что именно он и его сторонники могут стать наиболее последовательными защитниками их политических интересов в Центральной Европе и, таким образом, обеспечить себе их поддержку [4, с. 148].

Чешская политическая элита, находившаяся в эмиграции, не могла оказать принципиального влияния на перспективы решения чехословацкого вопроса, определявшегося прежде всего результатами борьбы реальных сил. Весьма второстепенную роль, особенно в первые годы войны, она сыграла и в формировании позиции великих держав Антанты по чехословацкому вопросу. И лишь когда внутреннее развитие Австро-Венгрии и глубокие изменения в международной обстановке поставили на повестку дня вопрос о создании Чехословакии, политическая роль чехословацкой эмиграции возросла. Но и тогда ее влияние распространялось не столько на решение вопроса о том, быть или не быть чехословацкому государству, сколько на то, каким будет это государство [4, с. 149].

Наметившийся во второй половине 1916 г. поворот в мировой политике от войны к миру, а также нарастание внутреннего кризиса монархии Габсбургов способствовали активизации политической деятельности чешских политических сил на родине. В ноябре 1916 г. по инициативе младочехов и аграриев между крупнейшими чешскими политическими партиями было достигнуто соглашение о координации их деятельности и о создании «надпартийного» органа – Чешского союза, объединявшего парламентариев всех чешских партий [5, с. 85].

Первоначально цели Чешского союза носили более чем умеренный характер и сводились к тому, чтобы оттянуть осуществление внутренней перестройки Австрии в соответствии с идеями немецких шовинистов и в обмен за поддержку целостности монархии добиться у нового императора Карла скорейшего восстановления парламентского режима. Бурное развитие событий, а также растущая непопулярность политики Чешского союза заставили представителей ведущих чешских партий заговорить более решительным голосом. 30 мая 1917 г. на первом заседании рейхсрата председатель Чешского союза аграрий Станек зачитал декларацию, в которой, в частности, говорилось, что «только преобразование габсбургско-лотарингской державы в федеральное государство свободных и равноправных национальных государств устранил все формы национального господства и обеспечит всестороннее развитие каждой нации в интересах всей империи и династии». Далее декларация содержала требование «объединить все ветви чехославянской нации в чешское демократическое государство, включая и словацкую ветвь нации, живущую в неразрывном единстве с чешской исторической родиной» [6, с. 261].

На основе декларации Чешского союза в июле – августе 1917 г. было подготовлено несколько проектов конституции будущего чешского государства. В них предусматривалось создание суверенного чешского королевства, включающего Чехию, Моравию, Силезию и Словакию. Королевство должно было стать неотъемлемой частью

федерации придунайских государств, являющейся наследственной конституционной монархией Габсбургской династии. Рассматривая вопрос о границах Чешского королевства, авторы проекта конституции не исключали возможность отказа от чисто немецких районов Чехии, но считали необходимым сохранить в ее пределах районы со смешанным населением, чтобы обеспечить жизнеспособность проектируемого государства [5, с. 87].

Программа превращения Австро-Венгрии в федерацию национальных государств, пользующихся суверенитетом в решении внутренних вопросов и объединенных под скипетром Габсбургов, по существу не выходила за рамки довоенных австро-славистских планов чешской политической элиты. Тем не менее, ее принятие значительно укрепило позиции Чешского национального совета в Париже, который теперь уже мог выступать не только от имени эмигрантских организаций, но и от имени чешских политических партий на родине [7, с. 24].

Обстановка весной и летом 1918 г. складывалась для чешской политической элиты довольно благоприятно. Широкое развитие социального движения в различных частях монархии, приковывавшее к себе основное внимание правящих кругов, обеспечивало ей значительную свободу действий. С весны 1918 г. идея создания чехословацкого государства начинает открыто обсуждаться в печати. Чешские политические группировки уже могли позволить себе без особого риска занять более решительную позицию по отношению к Вене. К этому их толкала не только борьба с австро-немецкими конкурентами, но и стремление укрепить авторитет в массах.

Хотя большинство групп чешских политических сил вплоть до момента провозглашения чехословацкого государства и даже в первые дни после него открыто не выдвигало тезис о полном разрыве с Габсбургской монархией, по существу к весне 1918 г. оно окончательно переходит на платформу чешской эмиграции, возглавляемой Т. Масариком, т. е. на платформу выхода из состава Австро-Венгрии [5, с. 113].

Если в политических кругах чешской эмиграции активно обсуждалась идея объединенного государства чехов и словаков как один их вариантов выхода из состава Австро-Венгрии, то словаки не были настроены так решительно.

Окончательно идея объединения чехов и словаков в единое государство была выработана на совместном съезде представителей чешских и словацких организаций в США – Словацкой лигой, Чешским национальным союзом и Союзом чешских католиков в Питтсбурге. Совместное заявление съезда, проходившего 30 мая 1918 г. под старшинством Т. Масарика, акцентировало внимание на следующем: «Одобрить политическую программу, добивающуюся объединения чехов и словаков в самостоятельном государстве из Чешских земель и Словакии; Словакия будет иметь свою собственную администрацию, парламент и юстицию; словацкий язык будет официальным в школах, учреждениях и в общественной жизни в целом; чешско-словацкое государство будет республикой, его Конституция – демократической; ... подробные постановления об устройстве чешско-словацкого государства остаются за освобожденными чехами и словаками и их полноправными представителями» [8, с. 18].

Таким образом, в 1914–1918 гг. на чешских землях и в среде чешской (частично и словацкой) эмиграции существовали различные политические силы, так или иначе связывавшие будущее национально-государственное устройство с западными державами и Россией после окончания войны. Первоначально их планы не шли дальше широкой политической автономии Чехии в составе Австро-Венгрии, но постепенно они развились до задачи выделения из империи и создания независимого чешского государства. Идея же государственного объединения Чехии со Словакией появилась только в конце войны.

Список источников и литературы

1. Ненашева, З.С. Общественно-политическая мысль в чешских землях в конце XIX– начале XX в. / З.С. Ненашева. – М.: Изд-во МГУ, 1994. –151 с.

2. Лаврик, Э.Г. Социологическая теория и политическая практика Т.Г. Масарика / Э.Г. Лаврик // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 112–120.
3. Масарик, Т.: философия- социология- политика: избранные тексты / Т. Масарик. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 486 с.
4. Ненашева, З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. / З.С. Ненашева. – М.: Наука, 1984. – 240 с.
5. Шмераль, Я.Б. Образование Чехословацкой республики в 1918 году. / Я.Б. Шмераль. – М.: Наука, 1967. – 339 с.
6. Хрестоматия по истории южных и западных славян: в 3 т. – Минск: Университетское, 1987- 1990. – Т.2. – 1989. – 295 с.
7. Исламов, Т.М. Освободительное движение славянских народов и национальные программы социал-демократии России и Австро- Венгрии / Т.М. Исламов, А.К. Клеванский // Советское славяноведение. – 1977. – №1. – С.16–30.
8. Хрестоматия по истории южных и западных славян: в 3 т. – Минск: Университетское, 1987–1990. – Т. 3. – 1990.

Ihar Zmitrovich. The Problem of Future State and Political Status of Czechia and Slovakia during World War I. The paper deals with the essence and dynamics of the issue on the future state and political status of Czech and Slovakian lands during the years of the World War I. Main importance is given to the analysis of the leading national political forces positions, both in emigration and at home country, as well as their complicated way to taking decision on creation of the united Czechoslovakian state after the war.

УДК 94:323.1(477)

А.О. Рубан

Гомельський державний
університет імені Франциска Скорини

М.С. ГРУШЕВСЬКИЙ І ПРОБЛЕМИ НАЦІОНАЛЬНО-ДЕРЖАВНОГО РОЗВИТКУ УКРАЇНИ (1917–1918 РОКИ)

У представленим артыкуле разгледжана ўкраінская палітычная праграма М.С. Грушэўскага, якую ён распрацаваў падчас рэвалюцыі 1917 года. Зроблены аналіз асноўных практычных мерапрыемстваў, якія ён ажыццявіў да канца красавіка 1918 года, калі з'яўляўся галоўным ідэолагам, ініцыятарам, аўтарам усіх найбольш значных дакументаў Украінскай Цэнтральнай Рады.

В 2016 році 17(29) вересня виповнюється 150 років з дня народження видатного українського історика, політичного і громадського діяча М.С. Грушевського. Михайло Сергійович народився в місті Холмі (тепер у Польщі) у родині педагога. Середню освіту він здобув на Кавказі (у Тифліській гімназії), куди перевели на службу його батька. Після закінчення гімназії М. Грушевський у 1886 році вступив на історико-філологічний факультет Київського університету, де він навчався у видатного українського історика Володимира Антоновича і повністю пройшов курс його документалістичної школи.

Після закінчення університету в 1894 році він захистив магістерську дисертацію і за рекомендацією свого учителя отримав посаду ординарного професора кафедри історії України у Львівському університеті. Тут він заснував наукову школу українських істориків (кафедра в університеті, Наукове Товариство імені Шевченка), створив свій загальний курс української історії та видав перший том «Історії України-Руси».

Його наукові і суспільно-політичні погляди найбільш повно відображені в 10-томній «Історії України-Руси» (1898–1936 роки), першому фундаментальному викладі історії

українського народу з найдавніших часів до середини сімнадцятого століття, та в сотнях інших наукових праць. В них вчений переконливо довів, що українська ідея, спочатку як окремішня етнічна самосвідомість, формувалася в українського народу від часів Київської Русі та литовсько-польської доби, через козацьку епоху до нових часів, коли вона викристалізувалась як українська національна ідея. Історик на основі власної схеми та періодизації створив узагальнюючий систематичний курс історії України.

На відміну від пануючої в офіційній історіографії схеми розвитку історичного процесу на східнослов'янських землях (по Карамзину, Ключевському, Погодіну) М. Грушевський розробив свої власні підходи для висвітлення цього питання. В узагальнюючій формі вони викладені в статті «Звичайна схема «руської» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства». Квінтесенцією авторських роздумів являється висновок про те, що «общерусской» історії не може бути, як нема «общерусской народности». Може бути історія східного слов'янства. Вона і повинна стати на місце сучасної російської історії [1, с. 353].

Надзвичайно актуальним для сьогодення являється те, що у своїй теоретичній і практичній діяльності М.Грушевський був справжнім символом всеукраїнського єднання, послідовним борцем за єдину соборну Україну. Звичайно, з суттєвими змінами в історичному процесі змінювались його погляди. Але головне полягало в тому, що Грушевський писав історію України.

Восени 1913 року він переселяється до Києва, але царський уряд веде нещадну боротьбу проти українського національного руху і в 1914 році його було заарештовано, а потім вислано спочатку в Симбірськ, потім в Казань, і, врешті в Москву.

Революція 1917 року відкрила широку дорогу для українського заслуженого діяча, хоча він був прихильником не революційного, а еволюційного і мирного шляху розвитку суспільства. Джерелом своїх ідеологічних поглядів Грушевський сам визначив таким чином: «Я був вихований в старих традиціях радикального українського народництва, яке вело свою ідеологію від кирило-мефодіївських братчиків і твердо стояв на тім, що в конфліктах народу і влади вина лежить на стороні влади, бо інтерес трудового народу се найвищий закон всякої громадянської організації [2, с. 12].

З початком Лютневої революції у Росії М.Грушевський був обраний Головою Української Центральної Ради. Понад рік (з березня 1917 до кінця квітня 1918 року) очолювана ним Центральна Рада еволюціонувала від представниці інтересів українського народу перед російським урядом до загальноукраїнського парламенту незалежної Української Народної Республіки. Це був один з найкращих періодів активної діяльності М. Грушевського як політичного діяча. Один з його соратників по роботі Д. Дорошенко у своїй ґрунтовній історичній праці про добу Центральної Ради писав, що ніхто в даний момент не підходив більше до ролі національного вождя, як Грушевський, ніхто навіть і рівнятися не міг із ним щодо загального признаного авторитету і тої поваги, якою оточувало його все українське громадянство [3, с. 44].

Відомий сучасний український філософ Мирослав Попович підкреслює, що з тих, хто в захваті називали Грушевського «батьком», переважна більшість, не читала його академічних творів, для них при поясненні національної генеалогії достатньо було віри в те, що «батько» все описав і пояснив.

Про його високий авторитет серед інтелігенції, а потім і широких українських мас засвідчує і те, що в 1917 році не було ні одного випадку, коли б той чи інший український з'їзд (військовий, селянський, кооперативний) не приділяли уваги Голові Центральної Ради. В 1917 році Грушевський став членом партії українських есерів. Він погодився з огляду на те, що есери орієнтувалися на селянство, а це збігалось з його власними настановами. Насправді М. Грушевський був і залишається класичним націонал-демократом лівого народницького напрямку [4, с. 492].

Михайло Сергійович розробив українську політичну програму в революції. Для цього він в кінці березня – в першій половині квітня 1917 року підготував ряд публікацій, починаючи з програмної статті «Велика хвиля», в якій заявив: – «Нічого більш помилкового не може бути тепер, як витягнути старі українські петиції й подавати їх наново правительству як наші сучасні вимоги [5, с. 96]. Він робив наголос на необхідності скорішого переходу від культурно-освітницьких вимог до політичних, центральне місце серед яких було відведено вимозі національно-територіальної автономії України в демократичній федеративній республіці Росії. Остаточо завершити політичну програму Центральної Ради повинен був Всеукраїнський національний конгрес, який відкрився 6 квітня 1917 року у Києві. Уже в перший день своєї роботи делегати одногосно постановили, що «тільки широка національно-територіальна автономія України забезпечить потреби нашого народу і всіх других народностей, які живуть на українській землі [6, с. 54].

Поставивши основним стратегічним завданням Центральної Ради досягнення національно-територіальної автономії, М.Грушевський приклав немало зусиль, щоб роз'яснити його глибокий внутрішній зміст. Для цього він опублікував декілька брошур: «Вільна Україна», «Якої ми хочемо автономії і федерації», «Хто такі українці і чого вони хочуть», «Звідкіля пішло українство і до чого воно йде». В брошурі «Якої ми хочемо автономії і федерації» мова йшла про національно-територіальну автономію, перш за все, як про територіальне об'єднання всіх етнічних українських земель. «Вся українська територія, – зазначає Грушевський, – повинна бути організована на основах широкого демократичного суспільного самоуправління (дрібною земельною одиницею) аж до верху – до Українського сейму. Вона повинна вершити у себе дома різні свої справи – економічні, культурні, політичні, утримувати свою армію, розпоряджатися своїми дорогами, своїми доходами, землями й великими натуральними багатствами, мати своє законодавство, адміністрацію і суд».

Разом з тим, Грушевський добре розумів деспотичний, гибельний для суспільства характер «єдиной и неделимой» Росії, несумісництво демократії з такою формою держави: «Ми всі втомлені і знеохочені страшним і прикрим централізмом старого російського режиму і не хочемо, щоб він жив далі, хоч би окремо під республіканським червоним стягом. Ми хочемо, щоб місцеве життя своє могли будувати місцеві люди і ним порядкували без втручання центральної власті [7, с.125–126].

В федерації він бачив об'єднання в одній державі декілька національностей (білоруси, литовці, латиші, естонці, грузини і інші). «Ми думаємо якраз, що Україна не тільки для українців, - говорить Грушевський, – а для всіх, хто живе на Україні, а живучи, любить її, а люблячи хоче працювати для добра краю і його людності, служити їй, а не обирати, не експлуатувати для себе» [8, с.106].

Можна вважати, що Грушевський в той час розумів федерацію не як повну відмову незалежної української державності, а як важливу справу їй назустріч. В квітні 1917 року йому здавалося можливим і реальним налагодити національне-державне життя в Україні, не розриваючи зв'язків з Російською республікою і її революційною демократією.

Жовтневе повстання в Петрограді відкрило нову сторінку в історії революції і в українсько-російських відносинах. Українська більшість Центральної Ради не виразила співчуття Тимчасовому уряду, але й не підтримала більшовиків. «Ленінська революція 1917 року, – вважає професор Гарвардського університету Роман Шпорлюк, – була катастрофою як для російської демократії, так і для української. М.Грушевський був геніальним істориком, але він не був політологом ХХ століття і через несприйняття усього польського думав, що вже краще хай буде Ленін, Дзержинський. Але він мусів знати, коли в 1920 році підтримував советов, а в 1924 році їхав на радянську Україну подалі від Петлюри і Пилсудського, що існує така річ, як ГПУ. Грушевський не міг собі навіть уявити, що більшовикам вдасться зліквідувати селянство як клас».

На подальший розвиток українсько-російських відносин вплинула політика більшовицького уряду, який намагався збройною силою підкорити Україну. Все це внесло суттєві зміни в політичну програму Грушевського. «Перше, що я вважаю пережитим і віджитим се наша орієнтація на Московщину, на Росію». Михайло Сергійович розкриває при цьому суть більшовизму: «Старий московський централізм, – пише він, – виступає тут ще раз перед нами під маскою більшовизму [9, с. 58].

«Не розриваючи федералістської традиції, – говорить М.Грушевський, – ми мусимо твердо сказати, що тепер наше гасло – самостійність і незалежність нашої селянсько-робітничої Трудової Народної Республіки» [10, с. 75]. Повна самостійність України була проголошена 9(22) січня 1918 року Четвертим універсалом, проект якого був розроблений М.Грушевським. Цей історичний документ переважною більшістю голосів Центральної Ради було затверджено і він вступив в дію.

Політична діяльність М.Грушевського – неоцінений досвід розбудови Української незалежної держави саме як демократичної парламентської Республіки. Цей досвід і його повчальні уроки мають велике значення для розбудови сучасної незалежної демократичної України. Що ж до причин поразки Центральної Ради, то «провина» в цьому не може лягти на одну людину, а скоріше на все тодішнє неструктуроване українське суспільство, яке в той час ще не було в змозі протидіяти негативним внутрішнім і зовнішнім чинникам. При цьому слід наголосити, що М.Грушевський за своїми поглядами був переконаним демократом. Він зовсім не сприймав тоталітарних методів управління.

В переважній же більшості праць до 1989 року подавалася негативна характеристика творчої діяльності Грушевського, а його історичні концепції оцінювались як «буржуазно-націоналістичні». Так, в висновках на книгу «Українська культура» за редакцією історика К.Гуслистого зазначалось, що вона побудована на антинауковій буржуазно-націоналістичній схемі Грушевського, в ній має місце підкреслення впливу культури Заходу, що являється проявом «раболепія і низькопоклонства» [11, с.192-193]. «Кримінал» Михайла Сергійовича полягав у тому, що він очолював Центральну Раду, яка протистояла більшовикам у 1917–1918 роках. В лютому 1925 року вченого вже назвали українським «шовіністом» і зроблено висновок, що він повернувся в Україну для ведення боротьби проти більшовицького режиму зсередини. З 1929 року було розпочато атаку на його наукову школу [11, с. 283, 294].

Після проголошення незалежності України провідною установою науково-дослідної роботи у вивченні спадщини М. Грушевського став створений у 1991 році Інститут української археографії та джерелознавства НАН України імені М. Грушевського. Інститутом у співпраці з іншими науковими установами видана «Історія України-Руси» в десяти томах, а також повне зібрання творчої спадщини видатного вченого і громадського діяча у 50 томах [12, с. 590]. Лише тепер, коли відкрився доступ до раніш таємних архівів, завдяки плідній праці ряду вчених видано кілька ґрунтовних досліджень, присвячених життю і творчості історика. Разом з тим, не може не вражати колосальний обсяг зробленого Грушевським для України у надзвичайно складних умовах його епохи.

Ну, а початок грушевськознавства пов'язаний з українською зарубіжною історіографією, в першу чергу з діяльністю Українського Історичного Товариства, та його журналу «Український історик», головним редактором якого являється професор Любомир Винар. «Коли ми в 1966 році далеко поза Україною відзначали 100-ліття з дня народження М. Грушевського, – зазначає професор, – ми сподівалися, що прийде час, коли розпадеться Советський Союз, і українська історична наука зможе розвиватися спільними силами українських істориків без огляду на те, де б вони жили і працювали. Подібно ми думали і про науку грушевськознавство» [13, с. 14].

Також науковими установами, що досліджують творчість та діяльність М. Грушевського в діаспорі являються: Наукове Товариство імені Шевченка в Америці,

Канаді та Європі; Канадський Інститут Українських Студій; Українська Вільна Академія Наук у США та Канаді; Світова Наукова Рада Світового Конгресу Українців та інші. Без М. Грушевського світові важко пізнати українську історію. Це добре розуміє українська діаспора, яка на свої кошти видала «Історію України-Руси» англійською мовою.

Список джерел та літератури

1. Статті по славяноведению. Вып.1. – СПб – 1904. – 468 с.
2. Грушевський, М. Українська партія соціалістів-революціонерів та її завдання / М. Грушевський // Борітеся – поборете. – 1920. – № 1. – С. 8–16.
3. Дорошенко, Д. Історія України 1917–1923 / Д. Дорошенко. – Нью-Йорк. – 1954. – Т. 1. – 345 с.
4. Попович, М. Нарис історії культури України./ М Попович. – Київ: «АртЕк». – 2001. – 727 с.
5. Грушевський, М. Велика хвиля / М. Грушевський // Хто такі українці і чого вони хочуть. – Київ: «Знання», 1991. – С. 91–105.
6. Українська Центральна Рада: Документи і матеріали в двох томах. – Київ: «Наукова думка». 1996. – Т. 1. – 637 с.
7. Грушевський, М. Якої ми хочемо автономії і федерації / М. Грушевський // Хто такі українці і чого вони хочуть. – Київ: «Знання». – 1991. – С. 109–120.
8. Грушевський, М. Чи Україна тільки для українців? / М. Грушевський // Хто такі українці і чого вони хочуть. – Київ: «Знання», 1991. – С.105–109.
9. Національні процеси в Україні. Документи і матеріали у двох частинах. Ч. 1. – Київ: «Вища школа». – 1997. – С. 491–494.
10. Грушевський, М. На порозі нової України / М. Грушевський // Хто такі українці і чого вони хочуть. – Київ: «Знання», 1991. – С.133–138.
11. Шаповал, Ю. Україна ХХ століття: особи та події в контексті важкої історії / Ю. Шаповал. – Київ: «Генеза». – 2001. – 557 с.
12. Грушевський, М. Твори у 50 томах. – Т. 1. – Львів: «Світ». – 2002. – 590 с.
13. Винар, Л. У 140-ліття народження Михайла Грушевського./ Л.Винар// Український історик. – 2006–2007. – Т. XLIII–XLIV. – С. 9–14.

Anatoly Ruban. M.S. Hrushevsky and the problems of the nation-state development of Ukraine (1917-1918). The Ukrainian political program by M.S. Hrushevsky, which he developed in the course of the revolution of 1917, was considered. It was analyzed the main practical activities that he carried out until the end of April 1918, being the chief ideologist, initiator, author of the basic documents of the Central Rada.

УДК [94(476) + 327(438:47+57)(091)]”1919/1920”

В.М. Бароўская

Інстытут гісторыі
Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі

БАЛТЫЙСКІЯ КАНФЕРЭНЦЫІ І БЕЛАРУСКАЕ ПЫТАННЕ (ВЕРАСЕНЬ 1919 г. – ВЕРАСЕНЬ 1920 г.)

У артыкуле зварочваецца ўвага на асаблівасці склікання і правядзення Балтыйскіх канферэнцый у верасні 1919 г. – верасні 1920 г. Адзначаныя сустрэчы праходзілі ў надзвычай складанай знешнепалітычнай і ўнутранапалітычнай атмасферы. Нацыянальныя дзяржаўныя ўтварэнні, якія ўзніклі на тэрыторыі былой Расійскай імперыі, імкнуліся забяспечыць сваю

суверэннасць і самастойнасць, вырашыць тэрытарыяльныя спрэчкі, наладзіць спрыяльныя міждзяржаўныя адносіны з суседзямі. Стварэнне Саюза балтыйскіх дзяржаў магло паспрыяць у дасягненні гэтых задач. Аднак існаванне шматлікіх супярэчнасцей паміж краінамі-ўдзельніцамі не дазволілі прыйсці да кампрамісу, ажыццявіць на практыцы ідэю Балтыйскай Антанты.

Супадзенне палітычных, эканамічных, культурных, ваенных інтарэсаў штурхала краіны Балтыйскага басейна (Польшча, Латвія, Літва, Эстонія, Фінляндыя) да наладжання канструктыўнага дыялога. Агульным для гэтых краін была не толькі іх блізасць да Балтыйскага мора, але іх супольная гістарычная спадчына, звязаная з лёсам былой Расійскай імперыі. Амаль усе ўдзельніцы Саюза балтыйскіх краін падкрэслівалі сваю антысавецкую накіраванасць. Кожная з іх у той або іншай форме вяла змаганне з Савецкай Расіяй. Ужо з першых сустрэч дзяржавы балтыйскага рэгіёна намагаліся павялічыць колькасны склад удзельнікаў, жадаючы такім чынам стварыць своеасаблівы антыбальшавіцкі ланцуг. Краіны Антанты, у першую чаргу Вялікабрытанія і Францыя, непасрэдным чынам былі зацікаўлены ў супрацоўніцтве балтыйскіх дзяржаў. Не без іх уплыву адбылася першая Балтыйская канферэнцыя. Галоўнай перашкодай на шляху стварэння Саюза балтыйскіх дзяржаў былі шматлікія тэрытарыяльныя прэтэнзіі паміж бакамі. Калі частку з іх (польска-латвійскія) удалося паспяхова вырашыць, то спрэчкі за валоданне землямі Віленшчыны і Гродзеншчыны паміж Польшчай і Літвой набылі абвостраны характар, сталі асноўнай прычынай няўдач пры заключэнні ваеннай канвенцыі. Актыўная антыбеларуская пазіцыя літоўскай дэлегацыі, адсутнасць прэм'ер-міністра або міністра замежных спраў БНР на першых пасяджэннях Балтыйскіх канферэнцый, блакіравалі пазітыўнае вырашэнне беларускага пытання.

Першая Балтыйская канферэнцыя праходзіла на тэрыторыі Эстоніі ў старажытным горадзе Юр'еве (Тарту) 29 верасня 1919 г. Асноўнай мэтай склікання канферэнцыі было не толькі ўсталяванне спрыяльных міждзяржаўных адносін паміж дзяржавамі Балтыйскага рэгіёна, а і заключэнне ваеннай канвенцыі, стварэнне Саюза балтыйскіх дзяржаў, правобразы Балтыйскай Антанты. Напярэдадні адкрыцця гэтага міжнароднага форума адбылося прызнанне de facto Літвы з боку Вялікабрытаніі, што пэўным чынам змяніла растаноўку сіл у Прыбалтыцы. Нефармальна падтрымка англійскага дыпламатычнага корпуса на чале з С. Талентсам надавала Літве яшчэ большую ўпэўненасць; яе прэтэнзіі на Вільню, Віленскі край і амаль усю Гродзенскую губернію гучалі з кожным днём усё грамчэй. Калі ў рамках Парыжскай мірнай канферэнцыі тэрытарыяльная праграма “Вялікай Літвы” не атрымала падтрымкі з боку краін Антанты і ЗША з-за яе неабгрунтавай празмернасці, то на Балтыйскай сустрэчы, нягледзячы на супярэчанні з боку Польшчы і, магчыма, БНР, яна магла загучаць зусім іншым тонам. Канферэнцыя стала добрым шансам прадставіць свае інтарэсы і атрымаць міжнароднае прызнанне не толькі для Літвы, але і для прадстаўнікоў Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР). Прыняць удзел у яе працы дзяржавы-ўдзельніцы запрасілі і беларускага прэм'ер-міністра. Аднак, з-за ад'езда А. І. Луцкевіча ў Варшаву для паляпшэння польска-беларускіх узаемаадносін, а пасля яго затрымкі польскім бокам, беларускія землі былі прадстаўлены паўнамоцным прадстаўніком БНР у краінах Прыбалтыкі К. Б. Езавітавым. Першыя пасяджэнні канферэнцыі насілі хутчэй дэкларатывы характар, разгляд асноўных праблемных момантаў было вырашана перанесці на сустрэчу 25 кастрычніка 1919 г. у Рызе (Латвія).

Амаль цэлы месяц (з 25 кастрычніка па 27 лістапада 1919 г.) адбываліся пасяджэнні Балтыйскай канферэнцыі. Сярод іншых пытанняў, у тым ліку справа стварэння Саюза балтыйскіх дзяржаў, пытанне аб прыналежнасці Вільні і Віленскага краю, разглядаліся і дастаткова фантастычныя. Цікавым для беларускіх зямель з'яўляўся праект аб пачатку перагавораў аб перамір'і з Савецкай Расіяй і стварэнні нейтральнай зоны, куды ўвайшла не толькі заходняя частка тэрыторыі Беларусі, але і ўсходняя. Кіраванне на гэтым абшары было б аддадзена Радзе Народных Міністраў БНР, якая абавязвалася “вызваляць сваю

Бацькаўшчыну, і ад польскай акупацыі” [1, с. 450]. Згодна з данясеннем К. Б. Езавітава да А. І. Луцкевіча з Рыгі ад 25 лістапада 1919 г., падчас працы Балтыйскай канферэнцыі адбылося прызнанне de facto урада БНР з боку Фінляндыі.

Расстаноўку ў балтыйскім рэгіёне моцным чынам змяніла збліжэнне паміж Латвіяй і Польшчай, якое адбылося ў канцы лістапада 1919 г. Польскі бок, які жадаў адыгрываць ключавую ролю ў будучым Саюзе балтыйскіх дзяржаў, заклікаў да супольнага ваеннага выступлення супраць Савецкай Расіі. У выніку польска-латвійскага ваеннага супрацоўніцтва сумеснымі сіламі была занята частка тэрыторыі Латгаліі, ацясніўшы войскі Чырвонай Арміі. Акрамя ваеннай часткі, прадугледжвалася афіцыйнае прызнанне незалежнасці Латвіі. У сваю чаргу апошняя выказала сваю незацікаўленнасць у справе адносін Польшчы да Літвы, Беларусі, Украіны, Эстоніі, Фінляндыі, Румыніі і заходніх краін [5, с. 415].

31 снежня 1919 г. Ю. Пілсудскі ў лісце да Л. Васілеўскага пісаў: “На поўначы – павінен быць створаны супольны фронт Польшчы з Фінляндыяй, Эстоніяй і Латвіяй. Фактычна гэта будзе азначаць падтрымку незалежніцкіх тэндэнцый балтыйскіх дзяржаў. Што датычыцца літоўцаў, то імі можна грэбаваць, адносіцца да іх або ахайна, або спакойна. Мір з Расіяй можа быць заключаны толькі разам, адначасова (г.зн. сумесна з прыбалтыйскімі краінамі і Фінляндыяй). Патрэбна стварыць неабходныя перадумовы (асновы) і чакаць кан’юнктуры” [6, с.76]. Гэты ліст фактычна стаў інструкцыяй для польскай дэлегацыі на чале з Л. Васілеўскім на канферэнцыі балтыйскіх краін у Хельсінсках 15–22 студзеня 1920 г. Ю. Пілсудскі намераваўся аб’яднаць балтыйскія краіны вакол Польшчы на супольнай платформе збройнай акцыі супраць Савецкай Расіі. Галоўнай задачай польскіх дыпламатаў стала ўстрыманне балтыйскіх урадаў ад заключэння міру з Савецкай Расіяй і заключэнне з імі абарончай ваеннай канвенцыі, з прызнаннем дэ-юре незалежнасці гэтых краін.

Аднак палітычная кан’юнктура складвалася для Польшчы вельмі неспрыяльна. Так 11 верасня 1919 г. урад РСФСР звярнуўся да ўрада Літвы, Латвіі і Эстоніі з прапановай заключыць мір на аснове прызнання незалежнасці літоўскай дзяржавы. 2 снежня 1919 г. СНК РСФСР упаўнаважыў А.А. Іофе на вядзенне перагавораў аб заключэнні перамір’я і міра з урадамі Эстоніі, Літвы, Латвіі. З пункта гледжання прыбалтыйскіх дзяржаў прапанова была вельмі цікавай. Асабліва для Літвы. Становішча Літвы восенню 1919 г. не адрознівалася стабільнасцю. Версальскі дагавор фактычна не даваў літоўцам ніякіх гарантый на афіцыйнае прызнанне і існаванне ў жаданых для яе межах. Абвастранне геапалітычнага становішча ва Усходняй Еўропе, і перш за ўсё, пагроза, якая сыходзіла з боку Польшчы, штурхала літоўцаў у бок савецкай прапановы. Мірны дагавор з РСФСР даваў Літве шанс пазбегнуць нападу Польшчы, і адначасова дасягнуць фактычнага прызнання літоўскай дзяржавы як суб’екта міжнароднай палітыкі. Са студзеня 1920 г. знешняе становішча Літвы было такім, што яна павінна была паспяшацца з мірнымі перагаворамі з РСФСР. Над Літвой навісла пагроза акупацыі польскімі войскамі. Падпісанне міру з Савецкай Расіяй давала Літве надзею на паляпшэнне свайго палітычнага і эканамічнага становішча. Негатыўнай была і пазіцыя Вялікабрытаніі, якая настойвала на заключэнні мірных дагавораў Савецкай Расіі з прыбалтыйскімі краінамі.

Першапачаткова планавалася, што канферэнцыя балтыйскіх краін павінна пачаць сваю працу 4 студзеня 1920 г. у Таліне (Эстонія). Аднак, 24 снежня 1919 г. эстонскі ўрад звярнуўся да фінскага кіраўніцтва з просьбай аб перанясенні месца пасяджэнняў у фінскую сталіцу [7, с.2]. Такім чынам Эстонія жадала ўхіліцца ад ролі гаспадара канферэнцыі, тым самым не ставіць крыж на сваіх перагаворах з Савецкай Расіяй. Жаданне аб адтэрміноўцы часу пачатку канферэнцыі сыходзіла і ад польскага кіраўніцтва, якое намеравалася выступіць там у якасці пераможцы. Справа ў тым, што 3 студзеня 1920 г. Войска Польскае разам з узброенымі сіламі Латвіі ажыццявілі паспяхова для Польшчы ваенную аперацыю “Зіма” ў раёне Віцебск–Дынабург, што прывяло да заняцця

апошняга. Менавіта таму палякі жадалі пачаць канферэнцыю 15 студзеня 1920 г. Фактычна такім чынам яны хацелі выкарыстаць факт перамогі для заключэння ваеннага саюза з Фінляндыяй, Эстоніяй і Латвіяй. 13 студзеня 1920 г. Г. В. Чычэрын да А. А. Іофе (падчас яго знаходжанні на савецка-эстонскіх перагаворах): “Гельсінгдорфская канферэнцыя наводзіць на думку, не збіраецца ці польскі ўрад падбухторваць іншыя балтыйскія ўрады да барацьбы супраць нас” [3, с. 324].

Гэтай дзесяцідзённай адтэрміноўкай скарысталася Эстонія, якая 31 снежня 1919 г. заключыла перамір’е і распрацавала тэкст мірнага дагавора з Савецкай Расіяй. У сваю чаргу Латвія 2 студзеня 1920 г. выслала сваю дэлегацыю на перагаворы ў Маскву пад прыкрыццём місіі Таварыства Чырвонага крыжа. Згодна з тэкстам савецка-латвійскага перамір’я, савецкі бок адмаўляўся ад тэрыторыі Латгаліі. Аднак, як і Эстонія, латвійскі ўрад устрымаўся ад заключэння канчатковага тэкста мірнага дагавора, пры гэтым не адклікаючы сваёй мірнай дэлегацыі з Масквы.

У склад польскай дэлегацыі, акрамя Л. Васілеўскага (старшыня), уваходзілі консул Польшчы ў Фінляндыі М. Хімельштэйн, С. Прус-Багуслаўскі, М. Сакальніцкі, А. Пажарскі. Фінляндыя была прадстаўлена дэлегацыяй на чале з Х. Венолай, Эстонія – Я. Танінсанам Латвія – З. Мееровіцам, Літва – Ю. Шаулісам. На першым пленарным пасяджэнні канферэнцыі 15 студзеня 1920 г. прэм’ер-міністр Фінляндыі Я. Венола фактычна агучыў асноўныя мэты ўдзелу балтыйскіх краін: 1) міжнароднае прызнанне; 2) падпісанне ваеннай канвенцыі. Нават быў прадстаўлены праект прызнання незалежнасці краін, утвораных на тэрыторыі былой Расійскай імперыі (Латвіі, Літвы, Эстоніі). Ён быў перададзены для падрабязнай распрацоўкі ў палітычную камісію. Для паскарэння хода былі створаны палітычная, нацыянальна-пагранічная, ваенная і гаспадарчая камісіі. Вынікі працы камісій павінны былі прадстаўляцца на пленарных пасяджэннях. Рабочымі мовамі прызнаваліся французская (пленарныя пасяджэнні), нямецкая (праца камісій), руская (ваенная камісія). На другім пленарным пасяджэнні – 16 студзеня 1920 г. – было абмеркавана пытанне выпрацоўкі адзінай лініі паводзін да Савецкай Расіі. Аднак, з-за схілення большай часткі ўдзельнікаў на карысць савецкага боку, намеры іх заключыць мірныя дагаворы і дагаворы аб перамір’і паставілі пытанне стварэння антысавецкага саюза, на што асабліва разлічваў польскі бок, па-за сталом перагавораў.

Наступная балтыйская канферэнцыя праходзіла з 5 жніўня па 6 верасня 1920 г. у курортным гарадку Булдуры (Білдерлінгшоф), у некалькіх кіламетрах ад Рыгі. У ёй прымалі ўдзел дэлегацыі з Польшчы (В. Камянецкі, Л. Васілеўскі), Латвіі (З. Мееровіц, К. Ульманіс), Літвы (Ю. Шауліс, Т. Нарушавічюс), Эстоніі (К. Пуста), Фінляндыі (Х. Венола). Да афіцыйнага адкрыцця Рыжскай канферэнцыі, 5 жніўня 1920 г. адбылося пасяджэнне Савета старэйшын (старшынь). На ім знайшлі свае абмеркаванне найбольш праблемныя пытанні: ваенная канвенцыя і міждзяржаўныя адносіны Прыбалтыйскіх краін. Першапачаткова прадугледжвалася, што бакі будуць прымаць да ўвагі меркаванні беларусаў і ўкраінцаў. Аднак, у выніку папярэдняга абмеркавання ўдзельнікі, не без прымусу літоўскай дэлегацыі, былі вымушаны адмовіцца ад закранання беларускага і ўкраінскага пытанняў. Адносна заключэння ваеннай канвенцыі, Ю. Шауліс, старшыня літоўскай дэлегацыі, прапанаваў зняць гэту праблему з парадка дня. Астатнія ж старшыні дэлегацыі выказаліся за тое, каб падрабязней гэта пытанне разгледзіць падчас першага пленарнага пасяджэння.

Справа заключэння ваеннай канвенцыі з’яўлялася дастаткова важнай і надзённай, асабліва для тых краін, якія адчувалі небяспеку з боку Савецкай Расіі. Аднак, так як Эстонія (31 снежня 1919 г.), Літва (12 ліпеня 1920 г.), Латвія (11 жніўня 1920 г.) ужо заключылі з РСФСР дагаворы аб перамір’і і міры, а Фінляндыя ўжо распачала перагаворы з савецкім бокам, то ў канвенцыі была непасрэдна зацікаўлена толькі Польшча. Тым больш гэтае пытанне ўскладнялася ў сувязі з існаваннем польска-літоўскага канфлікта з-за прэтэнзій на Вільню, Віленскі край і частку Гродзенскай губерніі. Зменлівае становішча на польска-

савецкім фронце: актыўнае і паспяховае наступленне войск Чырвонай Арміі (канец ліпеня – сярэдзіна жніўня 1920 г.) змянілася контрнаступленнем польскіх войскаў. Польшка-літоўская канфрантацыя магла перайсці ў ваенную фазу. Пры гэтым ні Латвія, ні Эстонія ці Фінляндыя не жадалі быць уцягнутымі ў гэтае супрацьстаянне. Менавіта таму гэтыя дзяржавы настойліва рэкамендавалі як польскаму, так і літоўскаму бакам адаць перавагу мірным сродкам, прыцягнуць краіны Антанты, органы Лігі Нацый у якасці арбітра.

Інтарэсы літоўскага ўрада сутыкаліся не толькі з Польшчай, але і з беларускімі прадстаўнікамі. У дадзеным выпадку БНР не разглядалася ў якасці дзяржаўнай арганізацыі, члены Рады Народных Міністраў прадставалі ў выглядзе прадстаўнікоў палітычных групавак. Менавіта па гэтай прычыне ў інструкцыі літоўскай дэлегацыі змяшчалася настойлівая рэкамендацыя аб недапушчэнні беларускіх палітыкаў да ўдзелу ў працах Рыжскай канферэнцыі. Такі ж лёс павінен быў напаткаць і прадстаўнікоў УНР. Такая антыбеларуская і антыўкраінская пазіцыя Літвы вынікае з тайных перагавораў А.А. Іофе з старшынёй літоўскай дэлегацыі Ю. Шаўлісам і Т. Нарушавічусам. Так, прадстаўнік Народнага камісарыята замежных спраў РСФСР, які ў пачатку жніўня 1920 г. знаходзіўся ў Рызе з афіцыйным візітам звярнуўся з просьбай да літоўскага боку: зняць з парадка дня канферэнцыі пытанне аб ваеннай канвенцыі, “матывуючы неабходнасцю ўзнікнення канфлікту з Савецкай Расіі”, таксама не дапускаць да ўдзелу ўкраінскіх і беларускіх прадстаўнікоў. Інфармацыя аб факце адзначаных сустрэч маецца як у данясенні польскага прадстаўніка Л. Васілеўскага да Ю. Пілсудскага ад 25 жніўня 1920 г. [8, s.15–19.], таксама ў тэлеграме А.А. Іофе да Г.В. Чычэрына [2, арк.18–19], справаздачы Ю. Шаўліса ў Міністэрства замежных спраў ад 2 жніўня 1920 г. [4, арк.59].

Абвостраную ўвагу да працы Рыжскай канферэнцыі звярталі замежныя дыпламатычныя прадстаўнікі. Так, адбылося шэраг сустрэч французскага ўпаўнаважанага Ф. де Сарці з членамі дэлегацыі. Трэба заўважыць, што Францыя на Рыжскай канферэнцыі прытрымлівалася прапольскай пазіцыі, найстойвала на знаходжанні кампрамісу паміж Літвой і Польшчай. Лічыла, што заключэнне ваеннай абарончай канвенцыі з’яўляецца надзейным сродкам барацьбы супраць Савецкай Расіі. Павышаную цікавасць праяўлялі да ходу перагавораў і англійскі прадстаўнік Д. Талентс, дыпламаты ЗША – Д. Юнг, Японіі – А. Махіора. Неаднаразова адбываліся сустрэчы А. Нарушавічуса з А. А. Іофе. Савецкі прадстаўнік сачыў, каб умовы савецка-літоўскага дагавора ад 12 ліпеня 1920 г. выконваліся, не адбылося якога-небудзь збліжэння Літвы з Польшчай. Пры гэтым польска-літоўскія перагаворы пачаліся амаль адразу, як польскія войскі пачалі контрнаступленне і падыходзілі да Віленскага краю.

6 жніўня 1920 г. літоўская дэлегацыя атрымала новую інструкцыю ад Міністэрства замежных спраў. У ёй прапанавалася пераарыентаваць сваю ўвагу на заключэнне абарончай канвенцыі Прыбалтыйскіх краін, але без Польшчы. Гэта канвенцыя павінна была спрыяць справе распаду Расіі на шэраг нацыянальных дзяржаў. Пры гэтым указвалася, што Польшча падчас канферэнцыі ў Спа афіцыйна адмовілася ад сваіх прэтэнзій на Віленскую і Гродзенскую губерніі. Каб пазбегнуць тэрытарыяльных спрэчак з беларусамі неабходна як і раней ігнараваць іх прысутнасць на Рыжскай канферэнцыі.

29 ліпеня 1920 г. Я. Чарапук атрымаў пасведчанне Рады Народных Міністраў БНР аб тым, што ён з’яўляецца паўнамоцным прадстаўніком БНР на Балтыйскай канферэнцыі ў Рызе. У той жа дзень быў накіраваны Мемарандум Урада БНР Прэзідыуму Балтыйскіх дзяржаў у Рызе з просьбай дапусціць да ўдзелу беларускую дэлегацыю (Я. Чарапук – старшыня, члены – У. Пігулеўскі, А. Галавінскі, С. Мінц). Праз некалькі дзён (1 жніўня 1920 г.) быў складзены і дасланы Мемарандум Урада БНР на адрас Міністэрства замежных спраў Польшчы, Фінляндыі, Эстоніі, Латвіі, Літвы з аналагічнай просьбай. У гэтым дакуменце беларускія землі разглядаліся, як “арганічна звязаныя з балтыйскім рэгіёнам, якія ўтвараюць з прыбрэжнай паласой адно эканамічнае, геаграфічнае і гістарычна-палітычнае цэлае” [1, с. 829–830]. Нягледзячы на адмоўнае стаўленне

літоўскага боку да справы прысутнасці беларускіх прадстаўнікоў на Рыжскай канферэнцыі, дзеячы БНР працягвалі настойваць на рэалізацыі свайго права ўдзелу. Так, у Мемарандуме ад 12 жніўня 1920 г. прыводзілі лагічныя доказы таго, што Беларусь не толькі прадстаўляе сабой самастойную, суверэнную тэрытарыяльную адзінку, але і можа быць карысна з палітычнага, эканамічнага, ваеннага пунктаў гледжання для будучага саюза балтыйскіх краін.

Акрамя накіравання афіцыйных дакументаў, члены беларускай дэлегацыі ажыццяўлялі спробы атрымаць права ўдзелу ў працах канферэнцыі шляхам асабістых сувязей, знаёмстваў з членамі іншых дэлегацый. Так, Я. Чарапук, старшыня дэлегацыі, і А. Галавінскі сустрэліся з Л. Васілеўскім і В. Камянецкім (Польшча), З. Мееровіцам (Латвія), К. Пуста (Эстонія), Ю. Шаулісам (Літва). Вынікам гэтых сустрэч стала разуменне адкрытай антыбеларускай кампаніі Літвы. Так як згодна са статутам Балтыйскай канферэнцыі, прынятым у Гельсінгдорфе ў студзені 1920 г., удзел любой іншай замежнай краіны можа мець месца толькі ў выпадку згоды ўсіх удзельнікаў канферэнцыі. Фактычна нязгода літоўскага боку было дастаткова, каб беларускія прадстаўнікі атрымалі адказ і не былі дапушчаны за стол перагавораў. Нават уздыманне беларускага пытання на трэцім пленарным пасяджэнні Рыжскай канферэнцыі, падрабязнага вывучэння становішча БНР, яе палітычнай і міжнароднай значнасці не змяніла сітуацыі. На чацвёртым пленарным пасяджэнні адбылося галасаванне па справе ўдзелу беларускай і ўкраінскай дэлегацый. У выніку, беларуская і ўкраінская дэлегацыі з-за пратэста Літвы не змагла сесці за стол перагавораў [1, с. 855–857].

Нарастаючы польска-літоўскі канфлікт, немагчымасць прыйсці да кампрамісу адносна ваеннай канвенцыі, прыводзілі да згортвання працы Балтыйскай канферэнцыі. Старшыні дэлегацый адзін за адным пачалі пакідаць латвійскую сталіцу. Першымі выехалі міністр замежных спраў Фінляндыі (3 верасня) і Эстоніі (4 верасня). У выніку 6 верасня 1920 г. працы Рыжскай канферэнцыі былі скончаны. Нягледзячы на заключаныя ў выніку працы дагавораў па розным аспектам міждзяржаўнай, гаспадарчай, культурнай дзейнасці, а таксама па пытанням прававога забеспячэння міждзяржаўных адносін Прыбалтыйскіх краін, канферэнцыя не дасягнула сваёй асноўнай мэты. Асноўная ідэя, дзеля якой яна і збіралася – стварэнне антысавецкага ваеннага блока, з пачаткам контрнаступлення польскіх войск, перастала быць актуальнай. Польска-літоўскі тэрытарыяльны канфлікт, які з кожным днём усе набываў сваю моц, амаль цалкам перакрэсліла і далейшую любую магчымасць якога-небудзь ваеннага, ці любога іншага збліжэння і супрацоўніцтва паміж Каунасам і Варшавай.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі : у 2 кн.: / склад. С. Шупа. – Вільня–Нью-Ёрк–Менск–Прага, 1998. – Кн. 1 : 1917–1925 гг. – Ч. 1 : 1917–1920. – 870 с.
2. Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (АЗП РФ). – Ф. 151. Воп. 3. Спр. 5.
3. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол.: Г.К. Деев [и др.]. – М., 1958. – Т. 2 : 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. – 803 с.
4. Літоўскі цэнтральны дзяржаўны архіў (ЛЦДА). – Ф. 383. Воп. 7. Спр. 76.
5. Міхалюк, Д. Беларуская Народная Рэспубліка ў 1918–1920 гг. Ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці / Д. Міхалюк. – Смаленск : Інбелкульт, 2015. – 496 с.
6. Archiwum aktów nowych (AAN). – Zespół. 322. Ministerstwa zagranicznych spraw. Sygn. 4760. K. 12.
7. AAN. – Zespół. 322. Ministerstwa zagranicznych spraw. Sygn. 5195.
8. Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce. – Zespół 707/1. Archiwum Józefa Piłsudskiego. Sygn. 33.

Volha Barouskaya. Baltic conference and the Belarusian issue (September 1919 – September 1920). The article draws attention to the peculiarities of convening and holding of the Baltic conferences September 1919 – September 1920. Reported meetings were held in extremely difficult foreign policy and internal political atmosphere. National state education incurred in the territory of the former Russian Empire, sought to secure its sovereignty and independence, to solve territorial disputes and establish bilateral relations with its neighbors. Creation of the Union of the Baltic States could contribute in achieving these objectives. However, the existence of numerous conflicts between member states are not allowed to come to a compromise, to put into practice the idea of the Baltic Entente.

УДК 930(47+57):321.011(476):327.5(438+(47+57))"1919-1920"

М.М. Мязга

Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Францыска Скарыны

БЕЛАРУСКАЕ ПЫТАННЕ ПАД ЧАС ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ 1919–1920 ГГ. У САВЕЦКАЙ МІЖВАЕННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ¹

У артыкуле раскрыты змест савецкай міжваеннай гістарыяграфіі, якая займалася вывучэннем беларускага пытання ў сувязі з падзеямі польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. Выяўлены тыя аспекты гэтага пытання, якія аказаліся ў цэнтры ўвагі даследчыкаў, устаноўлены і ахарактарызаваныя распрацаваныя імі канцэпцыі.

Польска-савецкая вайна 1919–1920 гг. аказала велізарны ўплыў на лёс беларускага народа. Яна стала падзей, якая ў рашаючай ступені вызначыла характар савецка-польскіх адносін на ўвесь міжваенны перыяд. Гістарычная значымасць польска-савецкай вайны выклікала вялікую цікавасць да гэтай падзеі савецкай гістарыяграфіі ўжо ў міжваенны час. У тым ліку па-за яе ўвагай не засталіся і падзеі вайны, якія ўплывалі на лёс Беларусі.

Савецкая гістарыяграфія, па-першае, закранула беларускае пытанне пры вывучэнні прычын і аспектаў польскай экспансіі ва ўсходнім напрамку, у тым ліку і на беларускія землі. У. І. Ленін адзначыў, што Польшчу да такой палітыкі штурхала “старая векавая барацьба” супраць Расіі [1, с. 18, 19]. Даследчыкі М. Е. Какурын і В. А. Мельнікаў акцэнтуюць увагу на польскую экспансію ва ўсходнім напрамку з мэтай аслаблення Расіі. Для гэтага Ю. Пілсудскі імкнуўся адарваць ад яе заходнія ўскраіны, у тым ліку і Беларусь, і стварыць з імі федэрацыю [2, с. 6–8]. Я. Іофе абгрунтоўвае тэзіс аб планах “польскай буржуазіі” стварыць “вялікую Польшчу ад мора да мора” з уключэннем у яе склад “Літвы, Беларусі і ўсёй Правабярэжнай Украіны” [3, с. 146, 152]. К. Радэк адзначаў, што Ю. Пілсудскі не давяраў Савецкай Расіі, і з-за гэтага нараджаецца яго план стварэння ланцуга буферных дзяржаў паміж ёй і Польшчай. У той жа час нацыянальная дэмакратыя хацела далучыць да Польшчы тыя часткі Заходняй Беларусі і Літвы, на якіх мелася значная колькасць каталіцкага насельніцтва [4, с. 17]. Такім чынам, савецкая гістарыяграфія міжваеннага часу вызначыла Беларусь як адзін з аб’ектаў польскай экспансіі.

Разглядаючы польскія планы захопу зямель на ўсходзе, савецкая гістарыяграфія адзначала імкненне польскай палітыкі аднавіць “панаванне памешчыкаў” на землях Украіны, Літвы і Беларусі. К. Радэк яшчэ ў час вайны пісаў на гэты конт: “Зыходным пунктам палітыкі польскага ўрада ў адносінах да Расіі з’яўляецца жаданне вырваць з рук сялян, якіх вызваліла руская рэвалюцыя, землі і вярнуць іх буйным польскім памешчыкам” [5, с. 6]. У 1930-я гг. тэзіс аб эканамічных інтарэсах польскай буржуазіі і

¹ Стаття подготовлена в ходе выполнения задания в рамках программы «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», подпрограмма «История и культура».

памешчыкаў як прычыне польскай экспансіі на беларускія землі атрымаў далейшае развіццё. П. В. Суслаў пісаў аб інтарэсах польскіх памешчыкаў, якія да рэвалюцыі валодалі $\frac{3}{4}$ усіх буйных маёнткаў [6, с. 19]. Як бачна, класавы аспект пры даследаванні польскай усходняй палітыкі небезпадстаўна выходзіць для савецкіх гісторыкаў на першы план. Тэзіс аб імкненні польскіх памешчыкаў вярнуць свае маёнткі знаходзіць пацверджанне і ў дакументах. Так, член польскай дэлегацыі на Парыжскай канферэнцыі Е. Ромер заўважаў, што некаторыя яе прадстаўнікі пры вызначэнні ўсходняй граніцы Польшчы кіраваліся імкненнем вярнуць сваю ўласнасць [7, с. 11].

Савецкая гістарыяграфія закранае беларускае пытанне ў кантэксце вызвалення Чырвонай Арміяй беларускіх працоўных. І. Ф. Лочмель пісаў у гэтай сувязі: “У асобе наступаўшай Чырвонай Арміі беларускі народ меў брацкую дапамогу вялікага рускага народа, з якім беларускі народ на працягу сваёй гісторыі быў звязаны кроўнымі вузамі братэрства і садружнасці” [8, с. 43]. Са свайго боку, Д. Дудкоў адзначаў: “Рабочыя і сяляне Беларусі пры дапамозе Чырвонай арміі і ўсяго рускага пралетарыята сапраўды хутка пакончылі як з акупантамі, так і з іх памагатымі – нацдэмамі”. Пры ацэнцы ролі рускага народа ў вызваленні беларусаў ён спасылася на заяву І. В. Сталіна, які казаў, што ў нацыянальных рэспублік ёсць два шляхі: разам з Расіяй, і тады вызваленне ад імперыялістычнага гнёта, ці разам з Антантай, і тады немінучае імперыялістычнае ярмо [9, с. 124, 126]. Як бачна, гаворка ідзе аб ролі рускага народа і рускага пралетарыята ў вызваленні Беларусі. Тут выразна праяўляецца палітычны фактар. У 1930-я гады сталінскае кіраўніцтва ў многім вяртаецца да расійскай імперскай палітыкі. У сувязі з гэтым у гістарычнай навуцы шырокае распаўсюджванне атрымоўвае тэзіс аб гістарычнай ролі рускага народа як стваральніка вялікай рускай дзяржавы, на аснове якой сфарміраваўся СССР.

Інтарэсы Беларусі непасрэдна закранала пытанне тэрытарыяльных саступак з боку Савецкай Расіі на карысць Польшчы. К. Радэк адзначаў, што савецкі бок, каб дасягнуць мірнага ўрэгулявання з Польшчай, ужо ў канцы 1919 – пачатку 1920 г. гатовы быў пайсці на вялікія тэрытарыяльныя саступкі. Тлумачачы прычыны гэтай гатоўнасці, К. Радэк пісаў: “Гэта мы рабілі таму, што ведалі, што ў Польшчы нарастае рэвалюцыя рабочых, што ў Польшчы, магчыма праз паўгода ці год рабочыя возьмуць уладу, вызваляць сялян Літвы і Беларусі” [5, с. 17]. Ю. Мархлеўскі далучэнне беларускіх зямель да Польшчы разглядаў як фактар, які павінен паспрыць рэвалюцыі, таму што панаванне польскіх памешчыкаў прывядзе да рэвалюцыянізацыі беларускага сялянства [10, с. 13]. Савецкая гістарыяграфія справядліва адзначыла малую значымасць для савецкага кіраўніцтва пытання аб граніцах з Польшчай у сувязі са спадзяваннямі на хуткую сусветную рэвалюцыю.

Савецкія даследчыкі звярнуліся да праблемы беларускага нацыянальнага руху ў час вайны толькі 1930-я гг. У пачатку гэтага дзесяцігоддзя разгортваецца кампанія супраць “нацдэмаў”. У рабоце П. Суслава, якая была выдадзена ў 1930 г., яшчэ не прыпісвалася адназначна дзеячам беларускага нацыянальнага руху “зрадніцкае супрацоўніцтва” з Польшчай. Аўтар адзначаў актыўныя пратэсты беларускіх нацыянальных арганізацый супраць уключэння Беларусі ў склад польскай дзяржавы з прадастаўленнем ёй самакіравання. Яны патрабавалі поўнай незалежнасці для Беларускай Рэспублікі. У той жа час ён адзначаў, што Ю. Пілсудскі ў 1920 г. змог стварыць сваю агентуру ў Беларусі [6, с. 16, 17]. У тым жа годзе ў часопісе “Маладняк” быў надрукаваны артыкул З. Жалуновіча, у якім дзеячы беларускага нацыянальнага руху ўжо адназначна прадстаўляюцца як марыянеткі Пілсудскага [11, с. 63].

У 1930-я гг. у савецкай гістарыяграфіі з’яўляецца цэлая серыя работ, аўтары якіх ацэніваюць палітыку беларускіх нацыяналістаў у час польска-савецкай вайны як, безумоўна, здрадніцкую. В. К. Щарбакоў абвінавачваў беларускіх нацыянал-дэмакратаў у імкненні аб’яднаць Беларусь з Польшчай на федэралісцкай аснове, у тым, што яны “ішлі побач з польскай контррэвалюцыяй, актыўна дапамагаючы ёй у справе барацьбы з

працоўнымі Беларусі”. Але пры гэтым ён звярнуў увагу, што сярод беларускіх нацыянальных дзеячаў знайшліся і тыя, хто не падтрымаў заклікі Пілсудскага ісці “вызваляць застаўшуюся частку Беларусі”, у выніку чаго адбыўся раскол рады БНР 13 снежня 1919 г. [12, с. 101–102]. Д. Дудкоў наступным чынам ацэньваў узаемадзеянне беларускіх нацыянальных дзеячаў і польскіх улад: “Белапольскія акупанты ... знайшлі ў асобе беларускіх нацыянал-дэмакратаў, якія не ігнаравалі ніякай подлай і гразнай контррэвалюцыйнай работай”, сваіх надзейных памочнікаў. Па яго словах, “пасля ўрачыстай сустрэчы Пілсудскага, беларускія нацыянал-дэмакраты разгарнулі ў сваім друку прапаганду за захоп белапалякамі ўсёй Беларусі». Была пачата работа па стварэнню “беларускага войска” разам з акупантамі [9, с. 118, 119]. У сваіх ацэнках беларускага нацыянальнага руху Д. Дудкоў зыходзіць са сталінскай ацэнкі, згодна якой барацьба нацыянальных урадаў на ўскраінах Расіі была барацьбой буржуазнай контррэвалюцыі супраць сацыялізму [9, с. 127]. У даследаваннях І. Ф. Лочмеля гучала абвінавачванне “контррэвалюцыйнай Беларускай Рады з памешчыкаў і буржуазіі” ў дапамозе польскім акупантам, якія “толькі для падману мас прыкрываліся фальшывым беларускім нацыянальным сцягам». Урад БНР на чале з Ластоўскім характарызаваўся як марыянетачны, “які прысмыкаецца перад сваімі польскімі гаспадарамі”. [8, с. 28, 29, 31]. І. Ф. Лочмель таксама адзначаў, што беларускія нацыяналісты па заданню Ю. Пілсудскага “спрабавалі стварыць “беларускае войска”, каб дапамагчы польскім панам захапіць і парабаціць Беларусь” [13, с. 101]. Менавіта палітычны фактар прывёў да актывізацыі даследавання савецкімі гісторыкамі беларускага нацыянальнага руху і паўплываў на фарміраванне зместу гістарыяграфіі па гэтаму пытанню.

Савецкія гісторыкі разглядалі як адно цэлае ўвесь беларускі нацыянальны рух, не бачылі ў ім розныя плыні. Сярод беларускіх нацыянальных дзеячаў сапраўды існавала прапольская плынь, якая імкнулася ў барацьбе за беларускую дзяржаўнасць знайсці падтрымку ў Польшчы. Але меліся сілы, якія выступалі супраць супрацоўніцтва з польскімі ўладамі. Г. В. Чычэрын у лютым 1920 г. адзначаў наяўнасць у беларускім нацыянальным руху антыпольскага напрамку і лічыў карысным, каб яно выступіла супраць прытэнзій Польшчы на ролю пратэктара беларусаў [7, с. 29]. Урад Ластоўскага быў сфарміраваны антыпольскімі сіламі і характарызаваўся яго як “польскую марыянетку” прадстаўляецца некарэктным. Улады РСФСР вясной-летам 1920 г. пайшлі на кантакты з гэтым урадам, разлічвалі выкарыстаць яго ў барацьбе супраць Польшчы [14]. Негатыўная пазіцыя Масквы ў адносінах да ўрада Ластоўскага сфарміравалася з пачаткам савецка-польскіх мірных перамоў, калі гэты ўрад выступіў з прытэнзіяй на ўдзел у іх. Гэта магло ўскладніць дасягненне польска-савецкага пагаднення, у аснове якога ляжаў падзел Беларусі [7, с. 61].

Савецкія гісторыкі міжваеннага часу ў самых змрочных фарбах малююць польскі акупацыйны рэжым на Беларусі ў гады польска-савецкай вайны. М. Паўловіч адзначаў, што ва ўмовах польскай акупацыі сістэматычнаму праследаванню падвяргаюцца беларускія школы, якія пазбаўлены ўсялякіх сродкаў для існавання. З даследаванняў названага аўтара вынікае, што гэта частка больш шырокай палітыкі польскага ўрада, якая мае на ўвазе паланізацыю насельніцтва акупіраваных тэрыторый [15, с. 15, 37]. Шмат увагі рэпрэсіўнай палітыцы палякаў надаваў Д. Дудкоў, які прыводзіў велізарную колькасць фактаў аб тэроры акупацыйнай улады. Ён указваў, што палякі вярнулі маёнткі польскім памешчыкам, а таксама “разгарнулі праграму самага жудаснага нацыянальнага прыгнёту” [9, с. 116–117]. Савецкія гісторыкі рабілі акцэнт на класавым характары акупацыйнага рэжыму, які меў на мэце аднаўленне на акупіраванай частцы Беларусі “буржуазна-памешчыцкага ладу” [8, с. 24]. І. Ф. Лочмель асабліваю ўвагу звяртаў на нацыянальнае прыгнечанне, якое ажыццяўлялася палякамі на акупіраванай тэрыторыі, на палітыку паланізацыі [14, с. 100]. Як бачна, паступова мяняліся акцэнты савецкіх гісторыкаў пры ацэнцы польскай палітыкі на акупіраваных тэрыторыях. Калі ў 1920-я гг.

асноўны націск рабіўся на сацыяльнае прыгнечанне, то ў другой палове 1930-х гг. на першы план выходзіць нацыянальны ўціск.

На думку савецкіх гісторыкаў, палітыка польскіх улад непазбежна параджала супраціўленне насельніцтва Беларусі акупантам, развіццё партызанскага руху. М. Паўловіч у выданні 1920 г. толькі адзначыў стварэнне беларускімі сялянамі партызанскіх атрадаў [15, с. 16]. В. К. Шчарбакоў у сваім даследаванні ў пачатку 1930-х гг. абмежаваўся толькі тэзісам аб значным росце партызанскага руху ў пачатку 1920 г. і прыводзіў шмат лічбаў, якія пацвярджаюць гэты тэзіс [12, с. 109]. Цікавую заўвагу па гэтай праблеме выказаў П. В. Суслаў, які адзначыў, што “аддзелы Чырвонай арміі з прахалодай адносіліся да добраахвотнікаў беларусаў і партызанскага руху”. У той жа час, ён падкрэслівае тую падтрымку, якую аказала Чырвонай Арміі насельніцтва Беларусі, хоць прызнаваў, што савецкім войскам прыходзілася часта забіраць у сялян самае неабходнае для іх самых [6, с. 123, 122].

У сярэдзіне 1930-х гг. інтарэс да партызанскага руху сярод гісторыкаў узрастае і асаблівы акцэнт робіцца на ролю бальшавіцкай партыі ў яго арганізацыі. Д. Дудкоў указваў, што буйныя атрады па 200–400 чалавек дзейнічалі па ўсёй тэрыторыі Беларусі. У якасці буйнейшых цэнтраў партызанскага руху ім называюцца Бабруйскі і Мазырскі саветы [9, с. 125]. Ф. Папоў падкрэслівае значэнне пастановы ЦК кампартыі Літвы і Беларусі ад 14 мая 1919 г. аб стварэнні партызанскіх атрадаў для мабілізацыі насельніцтва Беларусі на барацьбу з польскай акупацыяй і прыводзіць дадзеныя аб значнай колькасці партызан [16, с. 55]. Масавы характар партызанскага руху нават у “некаторых польскіх этнічных раёнах” адзначаў А. Матусевіч [17, с. 66]. Сучасная гістарыяграфія робіць выснову аб значным размаху партызанскага руху супраць польскай акупацыі на тэрыторыі Беларусі [18, с. 178].

Такім чынам, шэраг аспектаў беларускага пытання ва ўмовах польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. знайшлі адлюстраванне ў савецкай міжваеннай гістарыяграфіі. Аднак беларускае пытанне не вылучалася савецкімі даследчыкамі як самастойнае. Яно разглядалася ў кантэксце польскай экспансіі на ўсход, савецка-польскіх мірных перамоў, польскай палітыкі на акупіраваных тэрыторыях і супраціўлення гэтай палітыцы. Пэўную самастойнасць беларускае пытанне для савецкіх даследчыкаў набыло толькі пры вывучэнні беларускага нацыянальнага руху. Неабходна адзначыць значны ўплыў на вывучэнне беларускага пытання савецкімі гісторыкамі міжваеннага часу палітычнага фактара.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Ленин, В.И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. Речь на Московской губернской конференции РКП(б) 21 ноября 1920 года / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 42. – М. : Издат. полит. литерат., 1981. – С. 17–38.
2. Какурин, Н.Е. Война с белополяками 1920 г. / Н. Е. Какурин, В. А. Мельников. – М. : Государственное военное издательство, 1925. – 520 с.
3. Иоффе, Я. Организация интервенции и блокады советской республики 1918–1920. Очерк / Я. Иоффе. – М. – Л., Гос. издат. Отдел воен. лит., 1930. – 167 с.
4. Радек, К. Иосиф Пилсудский (Идеолог выступления) / К. Радек // Переворот в Польше и Пилсудский. – М. – Л. : Госуд. издат., 1926. – С. 5–19.
5. Радек, К. Война польских белогвардейцев против Советской России / К. Радек. – М. : Госиздат, 1920. – 24 с.
6. Суслов, П.В. Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 года / П.В. Суслов. – М. – Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1930. – 174 с.
7. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4 т. Т. 1. Ч. 2. – Мінск: «Юніпак», 2008. – С. 10–11.

8. Лочмель, И.Ф. Освобождение Белоруссии вот белопольских оккупантов (11 июля 1920 г.) / И.Ф. Лочмель. – М. : Госиздат. Белоруссии, отдел политической литературы, 1939. – 53 с.
9. Дудкоў, Д. Контррэвалюцыйны беларускі нацыянал-дэмакратызм на службе белапольскіх акупантаў / Д. Дудкоў // Бальшавік Беларусі. – 1935. – № 10–11 – С. 113–129.
10. Мархлевский, Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией / Ю. Мархлевский. – М. : Госуд. издат., 1921. – 43 с.
11. Жалунувіч, З. Нацыянал-дэмакраты за работай (1920–1928 гг.) / З. Жалунувіч // Спадчына. – 1991. – № 5 – С. 62–75.
12. Шчарбакоў, В.К. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і польская акупацыя / В.К. Шчарбакоў. – Мінск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1930. – 127 с.
13. Лочмель, И.Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов / И.Ф. Лочмель. – М. : Воениздат, 1940. – 163 с.
14. Лазько, Р. Беларуска-савецкія перагаворы 1920 г. / Р. Лазько // Białoruś w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki. – Toruń: Wydawnictwo naukowe UNK, 2007. – S. 325–337.
15. Павлович, М. Война с польскими панамі (Польско-шляхетская авантюра) / М. Павлович. – М. : Типографія III Інтернационала, 1920. – 32 с.
16. Папоў, Ф. Барацьба беларускага народа з белапольскімі акупантамі / Ф. Папоў // Бальшавік Беларусі. – 1940. – № 6 – С. 42–59.
17. Матусевич, А. Исторические предпосылки краха Польши / А. Матусевич // Исторический журнал. – 1939. – № 11. – С. 58–69.
18. Грицкевич, А.П. Западный фронт РСФСР 1918–1920 / А.П. Грицкевич. – Минск: Харвест, 2010. – 496 с.

Mikalai Miazga. Belarusian matters during the Polish-Soviet War of 1919-1920 as described in Soviet and Polish Interwar historiography. The article explains the content of the Soviet Interwar historiography, that studied Belarusian matters related to the Polish-Soviet War of 1919-1920. Also it states and describes various concepts that were developed by the researchers who were working on this problem.

УДК 94(476) «1920-е гг.»

С.А. Елизаров

Гомельский государственный
технический университет им. П.О. Сухого

ГОМЕЛЬСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА: СТАНОВЛЕНИЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-Х ГГ.)

В статье предпринята попытка дать анализ процессам формирования номенклатурной системы во второй половине 1920-е гг. в Гомельском округе БССР. Процесс организационного оформления номенклатуры начинается с 1923 г. Официально появление института номенклатуры относится к осени 1925 г. Создаются специальные партийные учетно-распределительные структуры, формируются номенклатурные списки. Дан анализ качественного состава гомельской номенклатуры (партийный стаж, возраст, национальность, владение языками, социальное положение) по состоянию на 1927 г.

Номенклатура практически на всем протяжении советской истории была центральным элементом кадровой политики, на деле закрепившем роль коммунистической партии как главной реальной структуры власти и управления,

обеспечивавшем ее монополию на определение и реализацию как стратегических, так и тактических задач развития советского общества.

Номенклатурная система в ее институциональной форме стала складываться первоначально как система партийного учета руководящих кадров. Формально формировавшаяся система учета и распределения касалась лишь членов коммунистической партии, но фактически распространялась на всех работников, занимавших в течение шести месяцев одну из руководящих должностей. Учет ответственных работников велся местными партийными комитетами (от укомов до ЦК) в соответствии с тремя утвержденными масштабами (учетными сетками): губернским, уездным и волостным.

В прямой и незавуалированной форме претензии руководства большевистской партии на тотальный контроль за назначением, перемещением и смещением всех управленческих кадров были зафиксированы XII съездом РКП(б) (апрель 1923 г.). В резолюции съезда «По организационному вопросу» заявлялось, что «очередной задачей партии является усиление партийного руководства в деле подбора руководителей советских, в частности, хозяйственных и других органов, что должно осуществиться при помощи правильно и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных работников советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций». Для практической реализации этой задачи предполагалось значительно расширить и укрепить учетно-распределительные партийные структуры «в центре и на местах» [1, с. 454].

Это решение съезда стало организационно оформляться с лета 1923 г. Оргбюро ЦК РКП(б) 12 июня 1923 г. приняло постановление «О назначениях», а в октябре того же года – решение об основных задачах учетно-распределительной работы. В постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) от 12 ноября 1923 г. впервые появился термин «номенклатура» и два списка номенклатуры должностей (номенклатура № 1 и номенклатура № 2) [2, с. 79–80], [3, с. 26].

Соответственно и на местах, в том числе и в БССР, приступили к перестройке системы организации учетной и распределительной работы. Новая специальная партийная учетно-распределительная структура – учетно-распределительный подотдел Оргбюро ЦК КП(б)Б во главе с Е.Ф. Кролем – была создана весной 1924 г. В округах учетно-распределительной работой занимались учетно-статистические подотделы орготделов окружкомов КП(б)Б. Райкомы первоначально могли распределять только рядовых работников (как командированных окружкомами в их районы, так и уже состоявших в районных парторганизациях) [4, л. 138].

Официально появление института номенклатуры в СССР большинство исследователей относят к осени 1925 г.: 16 ноября 1925 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О порядке подбора и назначения работников» и инструкцию «О формах согласования назначений и перемещений руководящих работников местных учреждений». Постановлением утверждались переработанные номенклатуры должностей, занятие которых в разной степени контролировалось ЦК РКП(б). Номенклатура № 1 содержала расширенный список должностей (в том числе и выборных), назначение на которые проходило только постановлением ЦК «вне зависимости от того, является ли назначаемый членом РКП или беспартийным». Номенклатура № 2 включала должности, получение которых требовало обязательного согласования с орграспредом ЦК. Номенклатура № 3 (ведомственная номенклатура) состояла из должностей, подбор и назначение на которые производились по списку, определявшемуся самостоятельно каждым центральным ведомством по согласованию с орграспредом ЦК, но с обязательным уведомлением последнего о состоявшихся назначениях.

ЦК национальных компартий, губкомам и крайкомам предлагалось также разработать номенклатуру должностей, назначение на которые производилось по согласованию с местными партийными органами или после утверждения ими [5, л. 2–6].

ЦК КП(б)Б соответственно союзной номенклатуре разработал свою. Должностной учет дифференцировался по 14 группам: партийная, пропагандистско-воспитательная, профессиональная, охрана здоровья и социального обеспечения, советская административная, судебно-карательная, промыслово-производственная, финансовая, кредитная, кооперативная, торговая, плановая, земельная, транспорт и связь. На февраль 1926 г. номенклатура № 1 (список должностей, назначение и смещение по которым осуществлялось в соответствии с решениями Бюро или Секретариата ЦК КП(б)Б) включала 117 должностей, в том числе по местным (окружным) органам – секретарей и зав. орготделами окружкомов, председателей окрисполкомов, окрпрофсоветов, окружных судов, окружных прокуроров. В номенклатуру № 2 (список должностей, назначение и смещение с которых требовали предварительного утверждения в учетно-распределительном подотделе ЦК КП(б)Б) входили 50 должностей, среди них – заместители председателей окрисполкомов, заведующие окружными отделами народного образования, здравоохранения, финансов, земельного управления, председатели окружных инспекций труда, начальники окружных отделений ГПУ и др. В список номенклатуры № 3 (ведомственной) включались должности (20 позиций), состоявшие на учете в учетно-распределительном отделе ЦК КП(б)Б, в том числе инструкторы окружкомов, инструкторы и заведующие всеми (не входившими во номенклатуру № 2) окружными отделами, председатели райисполкомов, заместители зав. окружными отделами финансов и земледелия и др. [6, л. 1–9].

Свои номенклатуры составляли и окружкомы КП(б)Б: первую, куда входили должности, назначение на которые осуществлялись решением окружкома, вторую – по предварительному согласованию с окружкомом, третью – самостоятельно учреждениями с уведомлением учстата окружкома. В первую номенклатуру окружкомов в обязательном порядке включались все должности окружного масштаба первой и второй номенклатур ЦК КП(б)Б. В номенклатуры № 1 и № 2 окружкомов вошли по советской работе председатели окрисполкомов и их заместители, секретари и члены президиумов окрисполкомов, окрвоенкомы, инструкторы окрисполкомов, председатели райисполкомов, зав. всеми окружными отделами и статбюро, председатели окружных земкомиссий и земуправлений, плановых комиссий, уполномоченные РКИ.

В августе 1926 г. была утверждена и первая районная номенклатура (без дифференциации), в которую вошли должности председателей и секретарей райисполкомов, заведующих земельными и финансовыми частями райисполкомов, председателей и секретарей сельсоветов и др.

На каждого номенклатурного работника заводилось личное дело, содержащее ряд обязательных документов. Во-первых, личный листок, который рассматривался как основной материал для учета. Исправления в личный листок допускались только после их подтверждения подписью зав. учетом и печатью парткома. Во-вторых, автобиография, которая сверялась учетными органами с материалами личного дела и только после этого включалась в личное дело. В-третьих, деловые отзывы о работе, которые готовились по запросам других парторганизаций. В-четвертых, дополнения к личному листку, содержавшие сведения о конкретной работе сотрудника (выполнение тех или иных видов работ, специальных заданий, наличие перерывов на ответственной работе и взысканий). В-пятых, сообщения о перемещениях по должностям и организациям конкретного работника [4, л. 1–13].

В марте 1927 г. был уточнен перечень должностей окружного уровня, входивших в номенклатуры № 1 и № 2 ЦК КП(б)Б (табл. 1).

К номенклатуре № 3 было отнесено 20 должностей, в том числе секретари и инструкторы райкомов КП(б)Б, председатели райисполкомов, зав. орготделами окрисполкомов, заместители заведующих окрфинотделами и окрземуправлениями, старшие инспекторы труда и т. д. [8, л. 261].

Таблица 1 – Список должностей округов, входящих в номенклатуру ЦК КП(б)Б (март 1927 г.) / в скобках указан номер номенклатуры [7, л. 260]

Наименование отрасли	Наименование должностей
партийная	секретарь окружкома (1) зав. орготделом окружкома (1) секретарь окружкома ЛКСМБ (1) уполномоченный партийной контрольной комиссии (1)
Пропагандистско-воспитательная	зав. агитационно-пропагандистским отделом окружкома (1) зав. окротделом народного образования (1) зав. окружным политпросветом (2)
профессиональная	председатель окрпрофбюро (1)
здравоохранения и социального обеспечения	зав. окротделом здравоохранения (2) зав. окротделом собеса (2)
советско-административная	председатель окрисполкома (1) заместитель председателя окрисполкома (2)
судебная	председатель окружного суда (1) окружной прокурор (1) начальник окружного отдела ГПУ (2) начальник окружного отдела милиции (2)
финансовая	зав. окротдела финансов (1) зав. окротделам Гостраха (2)
кредитная	управляющий окротдела агентств и банка (2)
кооперативная	председатель окружного райсоюза потребительской и сельхозкооперации (2)
земельная	зав. окружным земельным управлением (1)
торговля	уполномоченный Наркомторга (2)
промышленно-производственная	зав. коммунальным хозяйством окрисполкома (2)

Отнесение должностей к той или иной номенклатуре отражало основные политико-экономические и идеологические приоритеты партийно-советской власти на данном этапе исторического развития. Обращает на себя внимание, что среди отделов окружного исполкома к первой номенклатуре были отнесены финансовый, народного образования и земельное управление: вопросы финансов, сельского хозяйства и образования в 1920-е гг. играли ведущую роль в деятельности местных органов власти. В сфере органов карательных приоритет отдавался деятельности суда и прокуратуры, а не ГПУ. Слабость местного хозяйства ограничивала номенклатурный уровень руководства местной промышленностью сферой коммунального хозяйства.

Всего по Гомельскому окружкому в 1927 г. по 1-й и 2-й номенклатурам ЦК КП(б)Б проходило 26 человек. Все они были членами коммунистической партии. Большинство из них (18 человека) вступили в партию, когда она уже была правящей. Примечательно, что 6 человек до вступления в большевистскую партию состояли членами других социалистических партий. В их числе было и два «первых лица» округа: секретарь окружкома КП(б)Б В.Р. Гантман (социалист-сионист и анархист-коммунист) и председатель окружного исполкома В.Д. Малакович (эсер с 1912 по 1917 гг.). Даже в конце 1920-х гг. былая принадлежность к «мелкобуржуазным» партиям еще не являлась серьезным препятствием в продвижении человека по служебной лестнице.

По возрасту они были примерно одногодки: в 1889–1899 гг. родилось 19 человек и только 2 – в начале XX в. (1903 и 1904 гг.). Большинство из них (22 человека) прежде занимали руководящие должности в аппарате управления Гомельской губернии.

Гомельской номенклатуре явно не хватало «пролетарского содержания», (что, впрочем, было в целом свойственно работникам 1-й и 2-й номенклатур ЦК КП(б)Б).

По своему социальному положению к промышленным рабочим относилось только 3 человека («ткач», «слесарь» и «перекатчик»). Основная часть высшего звена руководящих работников Гомельского округа (13 человек) относились к категории «служащие» (приказчики, зубные техники, учителя, конторщики, бухгалтера). При этом следует учитывать трактовку понятия «социальное положение». Циркуляром ЦК РКП(б) от 12 августа 1925 г. социальное положение коммуниста определялось его принадлежностью к одной из социальных групп (рабочие, крестьяне, служащие, прочие) до вступления в партию. При этом «переход во время пребывания в партии с работы по основной профессии на другую работу» не менял его социального положения. Например, если коммунист, работавший до вступления в партию рабочим на заводе, во время нахождения в партии переходил на административную работу, он оставался числиться рабочим. На местах такой подход использовался и в отношении беспартийных – крестьянин, получивший должность в аппарате управления, по социальному положению продолжал считаться крестьянином, а не служащим.

Лишь 2 человека имели высшее образование, зато 10 определили свое образование как «нижнее», 5 – «домашнее», 2 «среднее», а один – «ниже среднего». Что конкретно стоит за этими понятиями – определить сложно, каждый определял свой уровень образования исходя из собственных критериев.

По национальности в гомельской высшей номенклатуре было 13 евреев, 8 русских, 5 белорусов. Отметим, что владеют русским и еврейским языками – 10 человек, только русским – 11, только еврейским – 1, белорусским – лишь 2 (2 человека на этот вопрос не ответили). Такому руководящему составу округа предстояло фактически начинать проводить политику белорусизации на Гомельщине.

Номенклатуры пересматривались каждый год. К февралю 1928 г. по партийной отрасли номенклатура ЦК КП(б)Б по Гомельскому округу пополнилась зав. отделом окружкома по работе в деревне, инструкторами окружкома, зам. зав. орготделом окружкома. Производственно-промышленная отрасль вместо зав. коммунальным хозяйством включала только директора Добрушской бумажной фабрики «Герой Труда». Из второй в первую номенклатуру были переведены начальники окружных отделов ГПУ и милиции.

В 1929 г. 1-я номенклатура ЦК КП(б)Б расширилась до 253 должностей (по местным органам пополнилась начальниками административных отделов окрисполкома и председателями окружных плановых комиссий), 2-я номенклатура – до 117 (по местным органам дополнена секретарями окрисполкомов) [8, л. 11–15].

Таким образом, к концу 1920-х гг. сформировался особый слой номенклатурных работников. В советской реальности номенклатура представляла собой перечень руководящих должностей в партийных, комсомольских, советских, хозяйственных, кооперативных, профсоюзных, всех общественных организациях, кандидаты на которые рассматривались и утверждались партийными комитетами соответствующего уровня. Прямой и непосредственный партийный контроль за замещением руководящих должностей во всех структурах власти и управления и всех сферах жизнедеятельности общества представлял собой в условиях советской модели модернизации действенное средство закрепления за коммунистической партией роли носителя реальной политической власти, главного распорядителя всеми властными ресурсами и вершителя судеб советских граждан.

Список источников и литературы

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970): в 15 т. /Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 8-е изд., испр. и доп. – Москва: Политиздат, 1970–1984. – Т. 2 (1917–1924 гг.). – 1970. – 543 с.

2. Гимпельсон, Е.Г. Советские управленцы, 20-е годы: Руководящие кадры государственного аппарата СССР /Е.Г. Гимпельсон. – Москва: ИРИ РАН, 2001. – 225 с.
3. Коржихина, Т.П., Фигатнер, Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия /Вопросы истории. – 1993. – №7 – С. 25–38.
4. НАРБ. Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 1350. Отчеты о работе учетно-распределительного подотдела орготдела ЦК КП(б)Б с 1 мая 1924 г. по 1 января 1925 г., сведения о работе учетно-статистических подотделов орготделов окружкомов КП(б)Б и др. 1924 г.
5. НАРБ. Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 2015. Постановление и инструкция оргбюро ЦК РКП(б) от 16 ноября 1925 г. о порядке подбора и назначения кадров с приложением номенклатуры должностей центральных учреждений и местных органов. 1925 г.
6. НАРБ. Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 2560. Перечни должностей по ЦК КП(б)Б, входящих и не входящих в номенклатуру ЦК ВКП(б), номенклатура должностей учреждений и организаций БССР республиканского значения и их местных органов. 1926–1927 гг.
7. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 3 – Оп. 1. – Д. 57. Выписки из протоколов парторганов по утверждению кадров и отзывам на ответственных работников и переписка с ЦК КП(б)Б по кадрам. 1926–1929 гг.
8. ГАООГО. Ф. 3 – Оп. 1. – Д. 597. Переписка с ЦК КП(б)Б по вопросу учета, перемещения и подбора ответственных работников и список номенклатурных работников Гомельского округа. 1929–1930 гг.

Siarhey Yelizarau. Gomel nomenklatura: formation (the second half of the 1920 's.)
The article attempts to analyze the processes of formation of bureaucratic system in the second half of the 1920-ies. in Gomel district of BSSR. Institutionalized nomenclature starts with g. 1923 Officially appearance Institute nomenclature refers to the autumn of 1925 g. Special party accounting and distribution structures are formed item lists. The analysis of qualitative composition of Gomel nomenclature (party seniority, age, nationality, language, social status), 1927.

УДК 947.808.4

И.И. Янушевич

Белорусский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ СИСТЕМЫ В БССР (1919–1923 ГГ.).

В статье проводится анализ начального этапа становления антирелигиозной пропагандистской деятельности советского государства по отношению к религии и церкви. Определено, что формирование системы идеологической антирелигиозной работы было мерой вынужденной. Проанализирован организационный потенциал исполнителей со стороны коммунистической партии и коммунистического союза молодежи (КСМ). Охарактеризованы особенности организации антирелигиозной работы на местах.

Задача ликвидации религии и церкви, поставленная в 1917 г. большевиками на общегосударственном уровне, не имела под собой какой-либо конкретной программы действий. Социально-политическая ситуация развивалась без определенного плана. Кардинальные преобразования коснулись всех сторон жизни государства и общества. Новая власть, уничтожив значительное количество своих реальных и потенциальных противников, срочно нуждалась в своей легитимации. Выполнить данную задачу в условиях развала народно-хозяйственного комплекса и имевшей место социальной напряженности мог только мощный пропагандистский фронт. Требовалось

информационное сопровождение выдвигаемых лозунгов и реализуемых мероприятий. Антирелигиозная работа сводилась исключительно к введению различных запретительных мер, насилию над священнослужителями и активными прихожанами, что в свою очередь вызывало резкое недовольство населения и эскалацию внутривнутриполитической ситуации. Многим исполнителям становилась очевидной бесперспективность и опасность подобной практики. Это нашло отображение в Программе РКП(б), принятой на VIII съезде в марте 1919 г.: «РКП(б) руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и содержательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой отрицание религиозных предрассудков. Действовать надо организуя самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего к закреплению религиозного фанатизма» [1, с. 52].

Однако организовать подобную деятельность не удавалось и на территории полностью подконтрольной большевикам, не говоря о прифронтовых районах. Требовалось создание новой идеологической системы охватывающей все слои общества. Осложняла быстрое решение данного вопроса узость социальной базы. Имелось крайне незначительное количество приверженцев идеи построения социально ориентированного и в тоже время безрелигиозного государства. Единственной структурой пригодной для проведения антирелигиозной работы была компартия и несколько позже комсомол, не пользующиеся доверием у подавляющего большинства граждан. В самой партии осуществляемые «богоборство» и «попоедство» подвергались критике. В тоже время целевая установка на полное уничтожение религии и церкви являлась программным решением и требовала своего исполнения.

С окончанием активной фазы боевых действий требовалась стабилизация внутривнутриполитической ситуация. Неотъемлемой частью этого процесса должна была стать эффективная агитационно-пропагандистская деятельность. Фактически единственной структурой занимавшейся антирелигиозной пропагандой был созданный в ноябре 1920 г. Главполитпросвет – культурно-просветительское учреждение под руководством Н.К. Крупской. Естественно говорить о массовой антирелигиозной работе в таких условиях не приходилось, а борьба за идеологическое воздействие на население только усиливалась. Принятая на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. резолюция «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии» указывала: «Одной из существенных задач Главполитпросвета является широкая постановка, руководство и содействие в деле антирелигиозной агитации и пропаганды среди широких масс трудящихся» [1, с. 53]. К концу 1921 г. при агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б) начала действовать антирелигиозная комиссия, которая прорабатывала вопросы создания целостной системы борьбы с влиянием религии и церкви на мировоззрение граждан в социалистическом государстве. В частности на комиссии обсуждались такие организационные вопросы как выпуск атеистической литературы, создание курсов по подготовке агитаторов и пропагандистов в области атеизма, об организации антирелигиозной пропаганды [2, л. 1–3]. Это был скорее методический, чем организационный центр безбожия, собравших наиболее видных и ярких атеистов – Е.М. Ярославского, И.И. Скворцова-Степанова, П.А. Красикова, А.В. Луначарского, М.В. Галкина и др. При АПО ЦК КП(б) подобная организационная структура начала функционировать в мае 1922 г. и являлась координационным центром в период проведения антирелигиозной пропаганды в рамках кампании по изъятию церковных ценностей [3, л. 6].

1922 г. был отмечен яростной атакой всех партийно-государственных структур на религиозные организации и духовенство под предлогом оказания помощи голодающим Поволжья. Несмотря на действенную помощь той же Русской православной церкви (РПЦ) в деле сбора средств голодающим религиозные организации и их деятели были обвинены

в саботаже проводимых мероприятий. Бешенная антирелигиозная пропаганда по конкретному вопросу принесла свои плоды. Вместо десятков тысяч конфликтов почве силового захвата и фактического разграбления, в том числе сакральных церковных ценностей, было зафиксировано только 1614, в том числе не более 5 в БССР. Руководство партии и государства понимало, что в условиях нэпа долгосрочная конфронтация с верующими недопустима, однако и отступать от завоеванных, как им казалось высоких позиций в борьбе с религией, никто не собирался. Наоборот осенью 1922 г. на высшем партийном уровне с участием В.И. Ленина создается партийная структура на которую возлагались функции выработки и осуществления единой государственной политики по отношению к религии и церкви [4, л. 14, 15]. Формирование в 1923 г. единой исполнительной вертикали по осуществлению антирелигиозной политики было мерой вынужденной и своевременной. Во-первых, в рядах самой партии. Далеко неоднозначной было по отношению к своим членам и кандидатам в члены РКП(б) по данному вопросу. Пункт XIII Программы однозначно негативно определял отношение партийцев к религии и церкви. На практике в такую однозначную позицию приходилось вносить некоторые коррективы. Борясь за чистоту своих атеистических рядов, инструкция ЦК РКП(б) требовала: «Не принимать в партию, даже в кандидаты тех, кто выполняет какие-либо обязанности священнослужителей любого из культов, как бы незначительны были эти обязанности» [5, л. 21]. Имевшее место исполнение таких обязанностей членами и кандидатами в члены партии должно было ими немедленно прекращено, иначе им грозило исключение из рядов РКП(б).

Недостаточное количество граждан, имеющих возможность, а зачастую и желание, полностью порывать всякие взаимоотношения с церковью, вынудило руководство партии пойти на определенный компромисс по религиозному вопросу для вступающих в ее ряды. И потому пункт 3 инструкции «О постановке антирелигиозной пропаганды и нарушении пункта XIII Программы» гласил: «Если экономические, семейно-бытовые условия вступающих в партию новых членов или состоящих в настоящее время в партии ставят их в тесную зависимость от окружающих, не порвавших с церковью..., то организация может принимать их в кандидаты и проводить их в члены партии после соответствующего с их стороны заявления» [5, л. 21]. В реальной жизни большинство рабочих и подавляющее число крестьян, по словам заведующего Агитпропом ЦК РКП(б) Ем. Ярославского, не могли «без церкви и попа ни родиться, ни жениться, ни умереть» [6, с. 4]. Проходивший в то время приток людей в ряды правящей партии принес туда и немало лиц, которые далеко не во всем разделяли идейные установки РКП(б). Среди них было много верующих. Высокую религиозность среди коммунистов показывали и исследования Агитпропа ЦК РКП(б) [7, л. 34–40]. Тоже наблюдалось и в рядах КСМ. ЦК РКСМ указывал ЦК КСМБ указывал на то, что «рост организации идет за счет непролетарских элементов» [8, л. 21]. В рядах компартии Беларуси проблема усугублялась тем, что основная масса населения проживала в деревне и по своему составу не относилась к национальностям наиболее представленным в рядах партии.

Если к простым коммунистам были определенные снисхождения в религиозном вопросе, то «члены партии, занимающие ответственные посты, ведущие активную советскую или партийную работу, за нарушение партийной программы в области религиозной, за связь с теми или иными религиозными культурами исключаются из партии» [5, л. 21]. Сложнее было подчинить пункту XIII старых большевиков, которые «в своей революционной борьбе или работой в пользу революции, защитой ее в опаснейшие моменты доказывали свою преданность коммунизму» [5, л. 21]. А они-то были зачастую не согласны с такой жесткой, неоправданной политикой властей, противоречащей даже взглядам большинства пролетариата и беднейшего крестьянства. С ними «нельзя было ограничиваться одними репрессиями. Члены ячейки должны быть внимательны к товарищу, стараясь вытравить его религиозность...» [5, л. 21]. Предстояло выработать

систему полного подчинения всех членов программным установкам партии, в том числе и по XIII пункту. Внутрипартийная борьба в новом формате только начиналась, а религиозный вопрос был немаловажным. Радикальная левацкая позиция Л.Д. Троцкого поддержана не была. И Сталину пришлось заручившись поддержкой на местах на какое-то время ослабить давление на конфессии.

Вторым важным моментом была значительно возросшая религиозность населения. В ЦК ВКП(б) в первую очередь это связывали с имевшими место голодом, хозяйственной разрухой и иными негативными факторами [2, л. 5–7]. Указание на некие материальные неурядицы как основной источник роста религиозности граждан соответствовал пропагандистским штампам. Однако представляется в дополнение к вышесказанному отодвигание религиозных обрядов на второй план либо попытки их полной ликвидации не в меньшей степени вызывали сопротивление населения. Антирелигиозникам пришлось противостоять громадному количеству людей с их давно устоявшимися традициями и обычаями. «Религия и Церковь в России, – как отмечал в те годы ученый-историк А. Карташев, – подчинила своему вдохновению высшие достижения русской духовной культуры, ставшей мировой: литература, искусство и философская мысль были в своих глубинных достижениях христиански-православными» [9, с. 21]. «Богоборство» и «попоедство», осмеяния верующих и шельмования священнослужителей дали обратный эффект. Большевики своей авантюрной антирелигиозной политикой создали в первую очередь РПЦ ореол мученичества, весьма почитаемого в христианстве, среди славян. На защиту Церкви встали не только чуждая новому обществу старая интеллигенция, представители свергнутых классов, религиозные фанатики, но и многомиллионное крестьянство. Некоторые из них получили часть церковно-монастырской собственности, как акт социальной справедливости, а некоторые видели в разграблении данного имущества отъем их собственных средств. Многие богослужебные предметы, украшения, мебель являлись индивидуальными или коллективными жертвами сакрального характера. Не только крестьянство, но и рабочие выступали против обмирщения в такой степени своего традиционного уклада жизни, против надругания над верой отцов, против нарушения традиций. Не случайно в документах ЦК РКП(б) указывается на рост религиозных организаций [2, л. 5–7].

Третьим, прямо вытекающим из двух первых, был вопрос непосредственной организации антирелигиозной пропаганды на местах. В условиях отсутствия у значительной части ответственных работников компартии желания заниматься церковной политикой, за ее руководство взялись люди типа убежденного атеиста П.А. Красикова, приспособленца Е.М. Ярославского, их координатора авантюриста Л.Д. Троцкого и прочих стремившихся посильнее «разжечь костер мировой революции». Если расстрелы тысяч священнослужителей и их семей утопали среди миллионов жертв междоусобной брани и террора несогласных, то кампания по уничтожению мощей святых праведников Православной церкви была направлена исключительно на РПЦ и преподносилась как эффективная агитационно-пропагандистская антирелигиозная работа. Комиссары, поверхностно разбираясь в культе почитания мощей православных угодников Божьих, надеялись с помощью «развеивания мифа о нетленности останков» показать их земное происхождение и тем самым скомпрометировать Церковь. Отсутствие нетленности мощей должно было расставить все точки над «i» в этом вопросе. Подобная уловка не несла в себе предполагаемой смысловой нагрузки по причине того, что культ мощей рассматривался верующими не как материальная сохранность мумии, а как явление духовное. Безусловно, что в таких условиях обнаружение в раках вместо нетленных останков Святых земли Русской костей и прочих атрибутов не имело на абсолютное большинство верующих должного влияния. Более того, проводимые резко, без предварительной подготовки вскрытия мощей вызывали у верующих недоверие к комиссиям, озлобление по поводу откровенного разграбления имущества раков. Только в

1919 г. было проведено 49 вскрытий мощей. Осквернению подвергались останки преподобных Сергия Радонежского, Серафима Саровского и других. В мае 1922 г. та же участь постигла мощи святительницы Ефросиньи Полоцкой [10, с. 72].

Следующий важный момент в организации антирелигиозной работы это определение основного исполнителя. Им был назначен КСМ. В начале 1920-х гг. это структура не справлявшаяся и с выполнением своих уставных задач, а реализовать громаднейший комплекс мер по атеистическому перевоспитанию не только молодежи, но и людей старшего возраста, ей было просто не под силу. КСМ и особенно некоторые его лидеры находились под сильным влиянием Л.Д. Троцкого. Теоретик левацкого направления, сторонник «жесткого курса» в статье «Водка, церковь, кинематография» утверждал, что дескать с религией не стоит бороться всерьез, глубоко, а достаточно лишь культурнических усилий [11, с. 1]. Им были инспирированы раскол РПЦ, ограбление религиозных организаций в 1922 г. и иные мероприятия репрессивного характера. В БССР в рамках указаний ЦК РКСМ антирелигиозную пропаганду решили проводить фактически в виде пародий на религиозные праздники. Идея их проведения принадлежит еврейской молодежи города Минска. И в столице, и в уездах в 1923–1924 гг. преобладали широко разрекламированные кампании типа «Комсомольское Рождество», «Комсомольская Пасха», «Троица» и т. д. Главным организатором данных кампаний стал КСМ под пристальным вниманием компартии. В городах готовились большие шумные программы. Акценты молодыми рьяными товарищами ставились на увеселительные мероприятия, танцы, уличные карнавалы и демонстрации, сатирические театральные постановки антирелигиозного содержания. Самые оголтелые комсомольские активисты переходили к прямой насмешке и угрозам духовенству и верующим. Эффективность подобных мероприятий была чрезвычайно низкой, хотя и альтернативы не просматривалось [12, л. 107].

Таким образом, в 1919–1923 гг. шел процесс становления антирелигиозной агитационно-пропагандистской системы. Даже в компартии, как единственной движущей силе данной политики, не было единства о формах и методах построения атеистического общества, да и о необходимости тесной увязки социалистических преобразований и ликвидации религиозных верований. Реальная ситуация указывала на то, что предполагаемое большевиками отмирание религии в достаточно короткий срок, обернулось ростом религиозности населения и интереса к церковным вопросам. Действенных механизмов выполнения планов по организации достаточной агитационно-пропагандистской работы не имелось.

Список источников и литературы

1. О религии и церкви: сб. высказываний классиков марксизма- ленинизма, документов КПСС и Советского государства / сост. А.М.Залесский, Т.Г. Купчеля. – Минск : Беларусь, 1983. – 128 с.
2. Российской государственной архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 17. – Оп. 60. – Д. 158.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. – 936.
4. РГАСПИ. – Фонд 17. – Оп. 60. – Д. 148.
5. НА РБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 582.
6. РГАСПИ. – Фонд 89. – Оп. 4. – Д. 9.
7. РГАСПИ. – Фонд 17. – Оп. 60. – Д. 438.
8. РГАСПИ. – Фонд М1. – Оп. 3. – Д. 4.
9. *Карташев, А.* Церковь и государство / А. Карташев. – YMGA–PRES, 1932. – 87 с.
10. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Фонд 51. – Оп. 1. – Д. 91.
11. Правда. – 1923. – 18 февраля.
12. РГАСПИ. – Фонд М1. – Оп. 3. – Д. 6.

Ivan Yanushevich. The formation of anti-religious agitation and propagandistic system in BSSR (1919–1923). The article analyzes the initial stage of formation of anti-religious propaganda activity of the Soviet state toward religion and the church. It was determined that the formation of a system of ideological anti-religious work was a coercive measure. It analyzes the organizational capacity of the performers from the Communist Party and Communist Youth League. The features of the organisation of anti-religious work in the field were described.

УДК 94(476)(035.3)

А.М. Загідулін
Гродзенскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Янкі Купалы

ДЗЕЙНАСЦЬ ПОЛЬСКІХ ОРГАНАЎ ПРАПАГАНДЫ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939 ГГ.)

Прапаганда ў польскай дзяржаве ажыццяўлялася дзяржаўнымі органамі. Асноўнымі інструментамі прапаганды з'яўлялася палітычная прэса, органы адукацыі. Прапаганда ажыццяўлялася таксама праз культуру і мастацтва, у першую чаргу будаўніцтва помнікаў і мемарыяльных комплексаў, з дапамогай духоўных інстытутаў, прычым не толькі каталіцкага касцёла, але і праваслаўнай царквы.

Тэрмін “прапаганда” ў айчыннай гістарыяграфіі традыцыйна ўжываецца ў прымяненні да савецкага часу. Міжваенную Польшчу савецкая гістарыяграфія разглядала ў якасці аўтарытарнай дзяржавы і выкарыстоўвала разнастайную агрэсіўную рыторыку. У постсавецкі час на грамадска-палітычныя працэсы ў Польшчы стараюцца глядзець больш аб'ектыўна і паліткарэктна. Тым не менш, прапаганда адыгрывала значную ролю ў дзяржаўнай палітыцы кожнай моцнай дзяржавы, не выключэнне і II Рэч Паспалітая. Падрабязна аналізуе сістэму дзяржаўнай прапаганды кіруючага лагера даследчыца з Вроцлава Эльжбета Кашуба ў сваёй манаграфіі [1]. Як польская прапаганда працавала ў Заходняй Беларусі, якія прыёмы выкарыстоўвала ў дачыненні да беларусаў паспрабуем разгледзець у дадзеным даследаванні.

Майскі пераворот 1926 года і пераход улады да лагера Пілсудскага на фактычна трынаццаць гадоў звязаў дзяржаўную ўладу з адной палітычнай сілай. Другая палова 20-х – 30-я гады XX ст. у Еўропе былі часам, калі прапаганда як інструмент дзяржаўнай палітыкі набірала моц – радыё і візуальныя вобразы, кінематаграфічныя матэрыялы станавіліся ўсё больш і больш даступнымі для насельніцтва. Менавіта ў гэты перыяд Еўропа спазнала вопыт беспрэцэдэнтнай з'явы татальнага кантролю за распаўсюджваннем інфармацыі і ідэй і, як вынік, панавання над духоўным існаваннем цэлых народаў, што знайшло месца ў Савецкім Саюзе, фашысцкай Італіі і гітлераўскай Германіі.

Пасля мая 1926 г. у Польшчы палітычныя прыхільнікі Пілсудскага паступова займаюць ключавыя пасады ў дзяржаўнай адміністрацыі. Часта адказныя цывільныя пасады займалі выхадцы з арміі. Акцэнт быў зроблены на цэнтралізацыі вертыкалі ўлады. Рэфармаванне сістэмы дзяржаўнага апарату пачынаецца ў пачатку 1928 г. з распараджэння прэзідэнта Польшчы аб арганізацыі і сферы дзейнасці ўлад агульнай адміністрацыі, а таксама аб уніфікацыі адміністрацыйных працэдур. Ва ўмовах ускладнення міжнароднага становішча і паступовага злому Версальска-Вашынгтонскай сістэмы ў Еўропе роля дзяржаўнай прапаганды ўзрастала. У Польшчы праблемамі міжваеннага часу былі абвастрэнне адносін з некаторымі краінамі, нацыянальная праблема (непалякі складалі каля трэці насельніцтва) і эканамічная нестабільнасць.

У дадзеных умовах перад прапагандай ставіліся дзве прынцыповыя задачы: нейтралізацыя сацыяльнай напружанасці і кансалідацыя грамадства вакол улады.

У вырашэнні нацыянальнага пытання грамадская думка палякаў, у асноўным, зводзілася да дзвюх канцэпцый рэалізацыі нацыянальнай палітыкі: нацыянальнай асіміляцыі і асіміляцыі дзяржаўнай. Абедзве канцэпцыі прадугледжвалі паланізацыю славянскіх нацыянальных меншасцей, толькі з рознай ступенню агрэсіўнасці ўздзеяння. І, фактычна, ўся прапаганда, адрасаваная беларусам, зводзілася да ўкаранення польскасці ў іх свядомасці. Тут мы бачым кансалідацыю амаль усіх палітычных сіл Польшчы [2, с. 39].

Важнейшым органам прапаганды з'яўляецца прэса. З атрыманнем Польшчай незалежнасці такі магутны апарат як прэса становіцца важным элементам палітычнай барацьбы. У перыяд так званага дэмакратычнага парламентарызму ў Польшчы да мая 1926 года палітычныя ўмовы развіцця прэсы забяспечваліся кааліцыйнай мадэллю фарміравання ўрадаў, калі парламенцкая большасць не мела сілы поўнасю фарміраваць кабінет міністраў. Палітычны плюралізм і адкрытая палітычная барацьба мелі вынікам тое, што ўсе палітычныя сілы былі зацікаўлены ў абсалютнай свабодзе прэсы. Тым не менш пры адсутнасці прапаганды пэўнай палітычныя сілы на дзяржаўным узроўні, нельга не адзначыць наяўнасць ва ўсходніх ваяводствах пэўнага адзінадушша па нацыянальным пытанні польскай прэсы нават розных палітычных накірункаў. Дастаткова ўгадаць абурэнне польскіх шавіністычных сіл рознай палітычнай арыентацыі, выкліканае Законамі “Аб мовах...”, зацверджанымі сеймам 31 ліпеня 1924 г., што ўзнялося на старонках прэсы. Законы давалі магчымасць абмежаванага выкарыстання моваў нацыянальных меншасцей ва ўстановах самакіравання, мясцовага кіравання, пракурорскіх, судовых і натарыяльных установах і ў галіне пачатковай адукацыі. У прынцыпе, моўныя законы не задавальнялі беларусаў па прычыне іх палавінчатасці, але ў тых палітычных умовах, што існавалі на той момант у Польшчы, яны выглядалі нечакана прагрэсіўнымі. Правыя сілы, якія фактычна кіравалі дзяржавай, не падтрымалі такіх радыкальных крокаў кабінета міністраў прэм'ера У.Грабскага па вырашэнню нацыянальнага пытання. Ананімны аўтар найбольш адыёзнага артыкула, змешчанага ў «Dzienniku Wileńskim», адмаўляў у існаванні такому народу, як беларусы, і быў абураны тым, што ўрад «выдумвае новыя меншасці і мовы, невядомыя да таго ні этнографам, ні лінгвістам» [3, с. 2].

З 1921 па 1939 гады выходзіў папулярны штоднёвік нацыянальных дэмакратаў “Myśl Narodowa”. Даступны былі варшаўскія перыёдыкі “Kurier Poranny”, “Kurier Warszawski”, „Kurier Polski”, „Droga”.

Цэнтрам выдавецкага руху была Вільня, тут выходзілі газеты “Słowo”, “Kurier Wileński” (з 1924 г.), “Dziennik Wileński» і інш.

Рэгіянальныя газеты і часопісы таксама публікавалі матэрыялы прапагандысцкага характару. „Kurier Nowogródzki”, напрыклад, абмяркоўваў праблемы не толькі Навагрудскага ваяводства, але і змяшчаў матэрыялы, прысвечаныя міжнароднай сітуацыі. Прыкладам прапагандысцкага ўздзеяння рэгіянальнай прэсы могуць служыць газеты і часопісы Гродна. Яшчэ ў красавіку 1919 г. пачала выходзіць штодзённая газета “Dziennik Grodzieński”, якая атэстоўвала сябе дэмакратычным перыёдыкам. Яна настойліва прапагандавала польскасць. У артыкуле “Што такое грамадзянская праца і якой яна павінна быць?” нейкі В.Клюкоўскі захоплена пісаў пра заняцце польскімі войскамі Вільні, Гродна, пра дзейнасць польскай гарадской адміністрацыі. “Мясцовая хроніка” інфармавала пра дзейнасць гуртка польскай моладзі, пра сходы па пытанні распаўсюджвання польскай мовы ў вёсцы і г.д. [4, с.46]. У 20-х гадах у Гродна выходзіць польскія газеты “Echo Grodzieńskie”, “Nadniemeński Kurier Polski”, „Straż nad Niemnem”, „Nowy Dziennik Kresowy”, „Trybuna Grodzieńska”, якія акрамя мясцовых навін утрымоўваюць матэрыялы палітычнага характару [4, с. 53].

Кантроль за прэсай і увогуле за распаўсюджваннем інфармацыі ў Польшчы ўскладаўся на аддзел прэсы (пазней – аддзел палітыкі і прэсы (Wydział polityczno-

grasowy)) Прэзідыума Савета міністраў. Гэты орган выступаў у ролі пасрэдніка паміж урадам і носьбітамі інфармацыі і грамадскай думкай. Асноўнымі яго функцыямі былі: ажыццяўленне палітычнага нагляду за дзяржаўнай прэсай і дзяржаўнымі тэлеграфнымі агенцтвамі, падрыхтоўка афіцыйнай інфармацыі для СМІ, кантроль за дзяржаўнымі датацыямі для прэсы. Пасля майскага перавароту 1 верасня 1926 г. ролю згаданага аддзела перанялі Кабінет і Бюро старшыні савета міністраў. Як сцвярджае Э.Кашуба, функцыі гэтых органаў былі акрэслены вельмі шырока. У сярэдзіне 1928 г. у структуры Кабінета створаны спецыяльны аддзел прэсы, які ўзначаліў капітан А. Біркенмайер, які да гэтага служыў супрацоўнікам II аддзелу Генеральнага штабу Войска польскага, быў рэдактарам часопіса “Polska Zbrojna” – друкаванага органа Міністэрства спраў вайсковых. У канцы 1930 г. функцыі кантролю за інфармацыяй перайшлі да Прэзідэальнага Бюро – аднаго з чатырох новаўтвораных структур у складзе апарату Прэзідыума Савета міністраў. У 1931–1934 гг. існавала самастойнае бюро прэсы. Пасля смерці Ю. Пілсудскага ў 1935 г. дзяржаўны кантроль за распаўсюджаннем інфармацыі ўзмацніўся. У 1936 г. апарат Прэзідыума Савета міністраў папоўніўся яшчэ дзвюма бюро: планавання дзеянняў (Аксја Planowania) і спецыяльных заданняў (Zadań Specjalnych). Першае займалася канцэптуальнымі пытаннямі і планаваннем прапаганды (ліквідавана ў канцы 1936 г.); другое прызначалася для каардынацыі нагляду за СМІ [1, с. 15, 17–19, 22].

Ніжэй па іерархічнай лесвіцы дзяржаўных органаў арганізацыі прапаганды стаяў аддзел прэсы ў дэпартаменце бяспекі Міністэрства унутраных спраў. Адпаведныя функцыі ў ваяводскіх упраўленнях выконвалі аддзелы прэсы, у павятовых – аддзелы бяспекі і публічнага парадку [1, с. 24] На працягу міжваеннага дваццацігоддзя структура гэтых органаў неістотна змянялася, але захоўвала сутнасць.

Дзяржаўныя установы адукацыі таксама з’яўляюцца моцнымі інструментамі ўздзеяння на свдомасць вучняў у справе прывіцця ім дзяржаўнай ідэалогіі. Больш таго, нават беларускія школы і гімназіі павінны былі праводзіць ідэалагічную работу. Педагагічным калектывам гімназій неаднаразова рэкамендавалася стварыць дружыны харцэраў. Прагрэсіўна настроеныя беларускія настаўнікі супраціўляліся гэтаму і выказвалі сваё абурэнне. У гімназіях не толькі дзяржаўных, але і прыватных па кожным прадмеце складаўся план так званага грамадзянска-дзяржаўнага выхавання, прычым нават па такіх прадметах, як фізіка, матэматыка, хімія і г.д. Па заканчэнні навучальнага года кожны настаўнік пісаў адпаведную справаздачу [5, арк. 1–40].

У Заходняй Беларусі нават культура і мастацтва былі закліканы аказваць ідэалагічнае і выхаваўчае ўздзеянне на жыхароў-беларусаў. Ідэалагічную састаўляючую можна прасачыць у архітэктурнай стылістыцы забудовы заходнебеларускіх гарадоў і мястэчак. Шэраг невялікіх гарадоў у пачатку 20-х гадоў становяцца адміністрацыйнымі цэнтрамі і патрабуюць фарміравання інфраструктуры і ўзвядзення будынкаў грамадскага прызначэння. Увогуле 20–30-я гады лічацца “залатым векам” польскай архітэктур, ў гарадах Цэнтральнай Польшчы ўздымаюцца сучасныя шматпавярховыя будынкi з жалезабетону ў модных стылях канструктывізм і мадэрн. Ва ўсходніх ваяводствах жа пераважалі рэтраспектыўныя стылі неакласіцызм, небарока, народны “закапанскі” стыль. Задача архітэктараў заключалася ў тым, каб падкрэсліць багатае агульнае гістарычнае мінулае палякаў і беларусаў, паказаць пераемнасць традыцый Рэчы Паспалітай абодвух народаў і II Рэчы Паспалітай [6, с. 15]. З мэтай актывізацыі інтарэсу да гісторыі распачынаецца кансервацыя і рэстаўрацыя напярэбраных і закінутых у часы Расійскай імперыі помнікаў архітэктурны – старажытных замкаў (Ліда, Мір, Гродна). Ствараюцца гістарычныя музеі (Гродна, Навагрудак – музей Міцкевіча). Па гістарычна значных мясцінах распрацоўваюцца турыстычныя маршруты, па якіх пачынаюць у тым ліку вазіць школьнікаў у выхаваўчых мэтах.

Адным з важных накірункаў горадабудаўніцтва, які выконваў ідэалагічную функцыю і фарміраваў архітэктурны воблік Заходняй Беларусі, было стварэнне помнікаў і

мемарыяльных комплексаў у гонар важных для польскай дзяржавы падзей і асоб. Неаспрэдна помнікаў было няшмат. Найбольш вядомы – бюст Элізы Ажэшкі ў Гродна, створаны варшаўскім скульптарам Рамуальдам Зерыхам і ўстаноўлены ў гарадскім парку ў 1929 г. Аб’ява аб конкурсе на яго стварэнне публікавалася нават у часопісе “Архітэктура і будаўніцтва”, што сведчыла аб важнасці і агульнадзяржаўным узроўні праекта. Аўтар прысутнічаў на ўрачыстым адкрыцці помніка. Адначасова ў Гродзенскім музеі была адкрыта выстава работ Р. Зерыха з дрэва, бронзы, тэракоты, маёлікі, якія выстаўляліся ўжо раней у Варшаве, Львове, Познані, Парыжы.

Шырокі рэзананс мела таксама ўзвядзенне кургана ў гонар А. Міцкевіча ў Навагрудку на Малым замку. Насып так званага Кургана Неўміручасці працягваўся сем гадоў агульным намаганнем аматараў творчасці паэта і быў завершаны ў 1931 г., унутры была закладзена капсула для нашчадкаў.

У Гродна 4 кастрычніка 1921 г. на Тэатральнай плошчы (сучасная Тызенгауза) ва ўрачыстай атмасферы пры ўдзеле Ю. Пілсудскага быў адкрыты помнік Свабоды. Манумент уяўляў сабой чатырохгранную стэлу, якую вянчала скульптура арла з раскінутымі крыламі, на складанай кубічнай аснове. Помнік быў закліканы ўслаўляць адноўленую незалежнасць Польшчы [7, с. 280].

Важным сімвалам, што звязваў гістарычныя лёсы Заходняй Беларусі, у прыватнасці Гродна з Польшчай, з’яўлялася постаць караля Стэфана Баторыя. Яго асоба ўсяляк ушаноўвалася ў Гродна: з 1919 г. галоўная плошча горада насіла яго імя. У 1933 г. у сувязі са святкаваннем 400-годдзя з дня нараджэння манарха па ініцыятыве беластоцкага ваяводы М. Зындрам-Касцялкоўскага быў створаны Ваяводскі Камітэт ушанавання караля Стэфана Баторыя (Wojewódzki Komitet Uczczenia Króla Stefana Batorego), які дзейнічаў пад патранатам прэзідэнта Польшчы І. Масціцкага і нават самога Ю. Пілсудскага. Сярод іншых мерпрыемстваў цікавасць выклікае ўсталяванне мемарыяльнай пліты ў гонар караля на фасадзе будынку Агульнаадукацыйнай мужчынскай школы імя С. Баторыя па вуліцы Ю. Пілсудскага (сучасны будынак Гуманітарнага каледжа па вуліцы Леніна) і яе ўрачыстае адкрыццё 25 лістапада 1933 г. [8, с. 14]

У 1930 г. у Глыбокім у гонар прыезду прэзідэнта Польшчы была ўзведзена памятная брама. Брама мела цэнтральны праезд і два бакавых прахода. Пабудова насіла рысы готыкі, стылізаванай у мастацкай манеры стыля мадэрн [9, с.57].

У 1934–1935 гг. намаганнем Ю. Ядкоўскага адноўлены ўслаўлены Элізай Ажэшкай помнік Яну і Цэцыліі ў Багатырэвічах.

У 20-х гадах у гарадах і мястэчках Заходняй Беларусі ўзнікаюць комплексы вайсковых могілак, на якіх пахаваны польскія вайскоўцы, што загінулі ў кампанію 1919–1920 гг. Такія могілкі паўсталі ў Гродна, Брэсце, Ваўкавыску, Кобрыне, Бярозаўцы (Баранавіцкі раён), Феліксава (Шчучынскі раён). На могілках у Вялікай Бераставіцы знаходзіцца абеліск “Героям вайны 1918–1920 гг.” У в. Пільчукі 12 мая 1938 г. быў устаноўлены помнік “Героям 1919 г., палеглым за Айчыну”.

У вывучаемы перыяд ствараюцца умовы для ўзнікнення яшчэ аднаго ідэалагічна важнага віда помнікаў – мемарыялаў на месцах бітваў і пахаванняў паўстанцаў 1863–1864 гг. Найбольш значнай у гэтым плане з’яўляецца збудаваная ў 1932 г. капліца каля в. Мілавіды (Баранавіцкі раён) у памяць знакамітай бітвы паўстанцаў з царскімі войскамі 22 мая 1863 г. Каля в. Кадыш (Гродзенскі раён) у 1928 г. на магіле паўстанцаў Баляслава Нарбута пастаўлены крыж. Таксама аформлены як мемарыял магілы ў Багатырэвічах (Мастоўскі раён), былым маёнтку Малы Ольжэў недалёка ад в. Тарнова (Лідскі раён), у мястэчку Поразава – магіла паўстанца Казіміра Шалкевіча [10; 11].

Падобнага роду пахаванні адыгрывалі вельмі важную ідэалагічна-выхаваўчую ролю ва ўсходніх ваяводствах, бо на месцах мемарыялаў былі пахаваны палякі, беларусы, літоўцы, якія склалі свае галовы за свабоду агульнай Айчыны ад расійскага самаўладдзя. Такім чынам, помнікі і мемарыяльныя комплексы апеліравалі да агульнай гісторыі

беларусаў і палякаў, усаўлялі агульныя подзвігі, захоўвалі боль і памяць трагедыі. Падобныя мемарыялы павінны былі фарміраваць у мясцовых беларусаў свядомасць паўнаважных жыхароў Польшчы з адпаведнымі каштоўнымі арыентацыямі [7, с. 281].

У Заходняй Беларусі важная роля ў прапагандзе польскасці адводзілася духоўным інстытутам, у першую чаргу, каталіцкаму касцёлу. У якасці саюзніка касцёл для ідэалагічнай работы на крэсах разглядалі розныя палітычныя сілы, у першую чаргу нацыянальныя дэмакраты і пілсудчыкі [2, с. 38, 49]. Польскія ўлады імкнуліся нават з праваслаўнай царквы стварыць інструмент для ўплыву на насельніцтва Заходняй Беларусі. Зафіксаваны выпадкі, калі праваслаўныя іерархі загадвалі духавенству весці актыўную перадвыбарчую агітацыю на карысць праўрадавых сілаў. 2 лістапада 1930 г. палескі архіепіскап Аляксандр у сувязі з блізкімі выбарамі склікаў сход благачынных епархіі, які пастанавіў: праваслаўнае духавенства павінна «выкарыстаць усе намаганні і свой пастырскі аўтарытэт з мэтай уплыву на вернікаў і выяснення ім вялікага значэння, якое мае для дзяржавы галасаванне падчас выбараў у сейм і сенат за спіс BBWR (Беспартыйнага Блоку супрацоўніцтва з урадам) маршалка Пілсудскага» [12, арк. 22]. Часта праваслаўныя святары ігнаравалі такія распараджэнні. 22 лютага 1928 г. палескі епіскап скардзіўся ваяводзе, што духавенства не падпарадкоўваецца падобнаму яго загаду ад 10 лютага [13, арк. 1].

Такім чынам, можна зрабіць вывад, што польская прапаганда ў Заходняй Беларусі мела свае асаблівасці. Прапаганда была накіравана на асіміляцыю беларускага насельніцтва, а агітацыя за пэўную палітычную сілу, якая была распаўсюджана ў карэннай Польшчы мела меншы сэнс і актуальнасць і была слабейшая.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Kaszuba, E. System propagandy państwowej obozu rządzącego w Polsce w latach 1926–1939 / E.Kaszuba. – Toruń: Adam Marszałek, 2004. – 411 s.
2. Загідулін, А.М. Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А.М. Загідулін: манаграфія. – Гродна: ГрДУ, 2010. – 183 с.
3. W sprawie ustaw kresowych // Dziennik wileński. – № 148. – 3.7.1924. – S. 1–3.
4. Пяткевіч, А.М. Слова і кніга Прынёмання : зборнік навуковых артыкулаў / А.М. Пяткевіч. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2016. – 208 с.
5. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. Ф. 59. – Воп. 2. – Спр. 2042.
6. Загідулін, А.М. Асноўныя накірункі развіцця архітэктуры і будаўніцтва Заходняй Беларусі (1918–1939 гг.) / А.М. Загідулін // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2014. – № 3(183). – С. 6–16.
7. Загідулін, А.М. Помнікі і мемарыяльныя комплексы польскай дзяржавы як элемент фарміравання архітэктурнага аблічча гарадоў і мястэчак Заходняй Беларусі (1918–1939 гг.) / А.М. Загідулін // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności : матэрыялы ХХ міжнар. навук. канф., Гродна, 23–24 кастр. 2014 г./рэд. кал.: Я. Панькоў, В.А. Апановіч, Д.С. Томчык, В. Панькова. – Мінск : БудМедыяПраект, 2015 . – С. 279–281.
8. Kazak, T. Pamięć o Stefanie Batorym w międzywojennym Grodnie / T. Kazak // Magazyn Polski. – 2013. – № 12. – S. 12–15.
9. Морозов, Е.В. Стили и направления в белорусской архитектуре 1920–1930-х гг. : дис. ... канд. искусствовед.: 17.00.04 / Е.В.Морозов, ГНУ «ИИЭФ НАНБ». – Минск, 2006. – 178 с.
10. Lewkowska, A. Zabytkowe cmentarze na Kresach Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej: Wschodnie powiaty dawnego województwa Białostockiego (obecnie na terenie Białorusi) / A. Lewkowska, W.Walczak, J.Lewkowski : Towarzystwo Miłośników Historii. – Warszawa: DiG, 2006. – 186 s.,

11. Lewkowska, A. Zabytkowe cmentarze na Kresach Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej: Województwo Nowogródzkie / A. Lewkowska, W. Walczak, J. Lewkowski : Towarzystwo Miłośników Historii. – Warszawa: DiG, 2008. – 516 s.

12. ДАБВ. Ф. 1. – Воп. 9. – Спр. 999.

13. ДАБВ. Ф. 1. – Воп. 2. – Спр. 2307.

Aliaksey Zahidulin. Activities of polish propaganda in Western Belarus (1921–1939). Promotion of the Polish state was carried out by public authorities. The main instrument to promote was the political press, the education authorities. The propaganda carried out also through culture and art, especially the construction of monuments and memorials, using spiritual institutions, and not only the Catholic Church but also of the Orthodox Church.

УДК 94(476)

А.С. Горны
Гродзенскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Янкі Купалы

КУЛЬТУРНА-АСВЕТНІЦКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ “БЕЛАРУСКАЙ САНАЦЫІ” Ў МІЖВАЕННАЙ ПОЛЬШЧЫ

У артыкуле на падставе архіўных дакументаў і публікацый у перыядычным друку асвятляецца культурна-асветніцкая дзейнасць групы Луцкевіча-Астроўскага альбо “беларускай санацыі” ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд, звязаная з арганізацыяй розных культурных мерапрыемстваў і стварэннем шэрагу асветніцкіх устаноў. Робицца выснова аб пэўных заслугах прадстаўнікоў гэтай групы ў пашырэнні беларускай культуры ва ўмовах паланізацыі насельніцтва.

Пасля разгрому польскімі ўладамі Беларускай сялянска-работніцкай грамады (БСРГ) ў студзені 1927 г. ў беларускім грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі адбылася значная дыферэнцыяцыя палітычных сіл. Левае крыло былой грамады зблізілася з камуністычным рухам і працягнула дзейнасць у леварадыкальным накірунку, што вылілася ў стварэнне пракамуністычнага пасольскага клуба “Змаганне” ў 1928–1930 гг. З іншага боку, некаторыя дзеячы БСРГ, якія знаходзіліся на памяркоўных пазіцыях, адмовіліся ад радыкальных лозунгаў і прапанавалі шукаць кампрамісы з польскімі санацыйнымі ўладамі з мэтай захаваць існуючыя нацыянальна-культурныя здабыткі беларускага насельніцтва ў Польшчы. Лідарамі гэтай плыні з’яўляліся А. Луцкевіч і Р.Астроўскі, якія былі вызвалены пасля судовага працэсу над лідарамі БСРГ. Ад іх прозвішчаў за гэтай групай дзеячоў замацавалася назва “група Луцкевіча-Астроўскага”, якая, прынамсі, актыўна выкарыстоўвалася ў польскім палітычным жыцці. З дапамогай публіцыстыцы пашырылася і яшчэ адна назва дадзенай групы – “беларуская санацыя”, якая да гэтага часу выкарыстоўваецца ў айчынай гістарыяграфіі.

Палітычная платформа “беларускай санацыі” абапіралася на ідэю “пазітыўнай працы”. Прадстаўнікі групы прапаноўвалі лаяльна адносіцца да ўладаў, адмовіцца ад радыкальных антыдзяржаўных выступленняў і дамагацца ад уладаў прызнання таго факту, што беларусы з’яўляюцца раўнапраўнымі грамадзянамі Польшчы і таму маюць права на дзяржаўную падтрымку свайго нацыянальна-культурнага развіцця [1]. У прыватнасці А. Луцкевіч абгрунтоўваў ідэю “пазітыўнай працы” наступным чынам: “Трэба выкарыстоўваць усякія магчымасці, каб змагацца з дэнацыяналізацыяй” [2, с. 4]. Таму значную ўвагу група Луцкевіча-Астроўскага звярнула на пашырэнне сеткі беларускіх асветніцкіх устаноў, не звязаных з палітыкай, а таксама на арганізацыю розных культурных мерапрыемстваў.

Дадзеная дзейнасць павінна была быць рэалізавана ў рамках двух арганізацый – Цэнтральнага саюза беларускіх культурна-асветніцкіх і гаспадарчых арганізацый і інстытуцый (Цэнтрасаюза), які дзейнічаў з 1930 па 1932 гг., і Таварыства беларускай асветы (1932–1937 гг.)

Падкрэсліваючы сваю нацыянальна-культурную накіраванасць, прадстаўнікі “беларускай санацыі” нярэдка арганізоўвалі святкаванні ўгодкаў важнейшых падзей беларускай гісторыі і культуры. У канцы 1929 г. група Луцкевіча-Астроўскага вызначылася правядзеннем двух мерапрыемстваў, прысвечаных 10-годдзю з дня смерці І. Луцкевіча і 400-годдзю Першага статута ВКЛ. Першае з іх адбылося 17 лістапада 1929 г. пры ўдзеле педагогічнай рады Віленскай беларускай гімназіі і Беларускага студэнцкага саюза. На ім памяць І. Луцкевіча ўшаноўвалі не толькі прадстаўнікі “беларускай санацыі”, але, напрыклад, пасол латвійскага сейму У. Пігулеўскі, студэнты С. Станкевіч, М. Шкялёнак, польскія адвакаты К. Петрусевіч, І. Загорскі і інш. Сярод 300 удзельнікаў мерапрыемства прысутнічалі нават ідэалагічныя праціўнікі “беларускай санацыі” як з боку Беларускай хрысціянскай дэмакратыі (БХД), так і леварадыкальнага клуба “Змаганне” [3, арк. 150–151]. Тым не менш, прэса хадэкаў негатыўна расцаніла правядзенне дадзенай урачыстасці, падкрэсліваючы, што Астроўскі з Луцкевічам такім чынам імкнуліся “замаскіраваць” сваю паланафільскую арыентацыю [4]. Ня меншы грамадскі рэзанас мела другое мерапрыемства. Быў утвораны спецыяльны арганізацыйны камітэт на чале з А. Луцкевічам і Я. Станкевічам. Ад яго імя на адрас іншым культурна-асветніцкім установам былі дасланы запрашэнні агульнымі сіламі арганізаваць святкаванні 400-годдзявыдання Першага статута ВКЛ. Аднак прадстаўнікі беларускіх хадэкаў афіцыйна адмовіліся ад падобнай ініцыятывы. Мерапрыемства адбылося 30 лістапада 1929 г. у актавай залі Віленскай беларускай гімназіі. Былі прачытаны рэфераты А. Луцкевіча (“Статут ВКЛ на фоне эвалюцыі сацыяльных адносін на Беларусі”), А. Зянюка (“Статут як помнік беларускага права”), Я. Станкевіча (“Мова Літоўскага Статута”). Паказальна, што нягледзячы на адмову, на святкаванні прысутнічалі некаторыя актыўныя прыхільнікі БХД [3, арк. 12].

У адрозненні ад кансерватыўных паланафільскіх арганізацый 1920-х гг., група Луцкевіча-Астроўскага актыўна святкавала ўгодкі абвяшчэння незалежнасці БНР і ладзіла грамадскія ўрачыстасці ў гонар гэтай падзеі. Увогуле беларускае грамадства міжваеннай Польшчы штогодна адзначала гэтую дату, падкрэсліваючы сувязь беларускага нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі з ідэяй нацыянальнай дзяржаўнасці і самавызначэння. Аднак з 1926 г. святкаванні 25 сакавіка стала прырагатывай нацыянальна-дэмакратычных арганізацый (БХД, БСС і інш), якія прытрымліваліся ідэалаў незалежнай беларускай дзяржавы [5, с. 73]. Пасля ідэалагічнага афармлення ў канцы 1920-х гг. “беларуская санацыя” адмовілася далучыцца да акцыі беларускіх хадэкаў і пачала праводзіць уласныя ўрачыстасці ў гэты дзень. Тым самым падкрэслівалася, што група Луцкевіча-Астроўскага нягледзячы на праўдаравыя пазіцыі не адмаўлялася ад лозунга незалежнасці Беларусі. Такім чынам, фактычна з 1929 па 1936 гг. у Вільні праходзілі два паралельныя мерапрыемствы, прысвечаныя святкаванням угодкаў незалежнасці БНР, што адлюстроўвалатагачасны раскол беларускіх палітычных эліт у Заходняй Беларусі.

Неабходна адзначыць, што прадстаўнікі “беларускай санацыі” вельмі актыўна прыцягвалі да правядзення ўрачыстасцяў з нагоды 25 сакавіка вучнёўскую моладзь. На дадзеных мерапрыемствах былі задзейнічаны вучні Віленскай беларускай гімназіі, якія дэкламавалі вершы і спявалі народныя харавыя песні, а таксама сябры студэнцкай праўрадавай карпарацыі “Скарынія” з уласным сцягам. Гэта прадвызначала той факт, што на ўрачыстасцях “беларускай санацыі” прысутнічала адносна вялікая колькасць асобаў [6; 7, арк. 19 адв.]. У цэлым святкаванні 25 сакавіка адбывалася ў выглядзе ганаровых “акадэміяў”, дзе агучваліся ўрачыстыя прамовы і зачитваліся навукова-папулярныя

рэфераты. Так, падчас святкавання 14-годдзя абвяшчэння БНР з рэфератамі выступалі В. Грышкевіч (“III Устаўная грамата”) і А. Луцкевіч (“Незалежніцкая ідэя ў беларускай паэзіі”) [8, арк. 22]. Каб яшчэ больш дыстанцыравацца ад беларускіх хадэкаў, якія аб’ядноўвалі вакол сябе пераважна каталіцкую інтэлігенцыю і святароў, “беларуская санацыя” актыўна выкарыстоўвала праваслаўны фактар у святкаванні 25 сакавіка. Перад афіцыйнымі урачыстасцямі прадстаўнікі групы Луцкевіча-Астроўскага абавязкова ладзілі святочнае набажэнства ў віленскай Пятніцкай царкве, падчас якога з казаннем выступаў протаіерэй Н. Кульчыцкі [6]. Нярэдка на святочных мерапрыемствах, арганізаваных “беларускай санацыяй”, прысутнічала мясцовае епархіяльнае кіраўніцтва, у прыватнасці архіепіскап Феадосій, архімандрыт Піліп Марозаў і інш. [7, арк. 17].

Акрамя святкаванняў угодкаў незалежнасці БНР, група Луцкевіча-Астроўскага вызначылася правядзеннем іншых культурна-асветніцкіх імпрэзаў. Так, 27 верасня 1930 г. адбыўся ўрачысты вечар у гонар 25-годдзя літаратурнай творчасці Янкі Купалы, арганізаваны Цэнтрсаюзам. Падчас мерапрыемства быў агучаны даклад А. Луцкевіча “Янка Купала як прарок Адраджэння”, прадэкламаваны вершы і выкананы песні паэта вучнямі Віленскай беларускай гімназіі, адыграны сцэнічны твор “На папасе” [8, арк. 70]. Цікавае мерапрыемства адбылося 12 верасня 1933 г. пад эгідай Таварыства беларускай асветы. У гэты дзень перад сябрамі таварыства выступаў беларускі драматург Ф. Аляхновіч, які незадоўга да гэтага вярнуўся з СССР, дзе знаходзіўся ў заключэнні на Салавецкіх астравах. Падчас выступу Аляхновіч падзяліўся з прысутнымі ўспамінамі аб арышце ў Мінску ў 1927 г., аб жыцці ў салавецкіх лагерах і вяртанні ў Польшчу. Фактычна гэта быў першы публічны выступ драматурга пасля вызвалення з турмы [7, арк. 25].

Пэўную культурна-асветніцкую актыўнасць праяўляла Таварыства беларускай асветы, створанае прадстаўнікамі групы Луцкевіча-Астроўскага ў 1932 г. Паводле статута ТБА мэтамі арганізацыі абвяшчаліся праца над развіццём беларускай культуры, пашырэнне школьнай і пазашкольнай асветы сярод моладзі, павышэнне яе маральнага ўзроўня. Дзейнасць таварыства прадугледжвала таксама знаёмства са здабыткамі польскай культуры і культурна-асветніцкім жыццём іншых народаў заходнебеларускага рэгіёна. Лакальная структура ТБА павінна была складвацца з гурткоў, у склад якіх уваходзіла не менш за 5 членаў таварыства. Кіраўнічым цэнтрам арганізацыі з’яўлялася Рада таварыства, якая абіралася сталы выканаўчы орган – Урад (Прэзідыўм) таварыства колькасцю 5 чалавек на чале са старшынёй. Статут ТБА быў падпісаны Я. Бартулем, А. Трэпкам, А. Луцкевічам, Я. Шнаркевічам, С. Каралём і У. Манкевічам, што дае падставы сцвярджаць аб уваходжанні згаданых дзеячоў у першапачатковы склад кіруючых органаў таварыства [9, арк. 3–4, 5 адв.].

У 1933 г. ТБА разгарнула актыўную працу па стварэнню сеткі бібліятэк-чытальняў на тэрыторыі Віленскага ваяводства. На правінцыю высылаліся інструктары арганізацыі, якія рыхтавалі базу для закладання бібліятэкі і падбіралі сярод мясцовых актывістаў кіраўнічыя кадры. Апошнія павінны былі прайсці працэдуру зацвярджэння войтамі гмінага самакіравання. Усяго на пачатак 1934 г. было закладзена 33 бібліятэкі-чытальні ТБА, яшчэ 12 – чакалі свайго зацвярджэння мясцовымі ўладамі [10]. Напрыклад, падобныя бібліятэкі існавалі ў мяст. Смаргонь, в. Есьмановічы, Адамаўцы, Сечкі Маладзечанскага павета, в. Субачы, Рэчкі, Салоная Вялейскага павета [11]. У сярэднім чытачы гэтых устаноў мелі ў сваім распараджэнні каля 120 асобнікаў беларускіх кніг рознай тэматыкі, польскіх брашур сельскагаспадарчага зместу, беларускамоўную перыёдыку, якія дасылаліся з фондаў ТБА бясплатна [12; 13].

Прыярытэтным накірункам дзейнасці дзеячоў ТБА з’яўлялася арганізацыя асветніцкіх лекцый на правінцыі. Усяго за 1933 г. было арганізавана каля 10 падобных мерапрыемстваў [10]. Лектарамі выступалі ў асноўным студэнты Віленскага ўніверсітэта, якіх падбіраў і накіроўваў прэзідыўм ТБА. Тэматыка лекцый, прачытаных у 1933 г. была аднолькавай – “Абавязкі і правы беларусаў як грамадзян Польскай Рэспублікі”.

Лекцыйная дзейнасць праводзілася ў межах Віленскага ваяводства, хаця сустракаюцца звесткі аб спробах выступу прадстаўніка ТБА ў г. Пружаны Палескага ваяводства [13; 14].

Прадстаўнікі ТБА прымалі ўдзел у папулярызацыі сярод насельніцтва беларускага тэатральнага мастацтва. Фактычна з пачатку арганізацыі таварыства пры ім была ўтворана аб'язная тэатральная труппа пад кіраўніцтвам выкладчыка Віленскай беларускай гімназіі А. Міхалевіча. У яе склад уваходзілі як прафесійныя актёры (М. Замецкі), так і аматары – З. Міхалевіч, М. Сіняўскі, А. Быхавец і інш. У канцы 1932 – пачатку 1933 гг. труппа ТБА ажыццявіла 4 тэатральныя пастаноўкі на правінцыі – у Ашмянах і Вілейцы. Рэпертуар пераважна складаўся з п'ес беларускага драматурга Ф. Аляхновіча “Страхі жыцця”, “Дзядзька Якуб” і інш. Аднак з-за адсутнасці дастатковага фінансавання дзейнасць тэатральнага калектыву ТБА ў наступныя гады не набыла шырокага развіцця і фактычна спынілася [10; 15].

Яшчэ адной сферай асветніцкай дзейнасці “беларускай санацыі” была кнігавыдавецкая справа, якая, тым не менш, знаходзілася на дастаткова слабым узроўні. У 1932 г. Цэнтрсаюзам была заснавана “Сельскагаспадарчая бібліятэчка” ў рамках якой павінны былі выдавацца кнігі сельскагаспадарчага і навукова-папулярнага зместу. Аднак пад яе грыфам была надрукавана толькі адна брашура С. Бусла. Таксама ў 1932 г. Цэнтрсаюз выдаў тры кнігі А. Русаковіча з крытыкай сацыяльна-эканамічнага жыцця Савецкай Беларусі і папулярны “Беларускі каляндар”. Нізкая актыўнасць Цэнтрсаюза ў выданні беларускай літаратуры магла тлумачыцца тым, што некаторыя прадстаўнікі арганізацыі альбо ўстановы, якія уваходзілі ў яе склад на аўтаномных правах, ажыццяўлялі ўласныя выдавецкія праекты [16, с. 44; 17, с. 288, 316–317]. Пры ўдзеле ТБА у 1933–1934 гг. было надрукавана каля сямі кніг і брашур рознай тэматыкі. Так, таварыства выдала пераклады на беларускую мову твораў расійскіх дзіцячых пісьменнікаў В. Біянкі і Б. Жыткова, творы Я. Коласа (“У старых дубоў”) і М. Машары (“Вось тут і зразумей”, “Вяселле”), брашуру Хведара Ілляшэвіча, прысвечаную жыццю і літаратурнай спадчыне Ядвігіна Ш. Агульная колькасць выданных ТБА кніг складала каля 3000 асобнікаў [17, с. 318–319]. Адмыслова для беларускіх гімназій таварыства надрукавала асобным выданнем адукацыйную праграму для навучання беларускай мовы [10].

Трэба заўважыць, што культурна-асветніцкія праекты групы Луцкевіча-Астроўскага падвяргаліся рэзкай крытыцы прадстаўнікоў беларускіх леварадыкальных і нацыянальна-дэмакратычных арганізацый. Левыя радыкалы абвінавачвалі групу ў сувязях з польскім “фашызмам”, падрыхтоўцы вайны з СССР, абароне “кулакоў” і “контррэвалюцыянераў” [18]. З іншага палітычнага флангу, беларускія хрысціянскія дэмакраты абвінавачвалі “беларускую санацыю” ў пашырэнні раскольніцкіх і цэнтрабежных тэндэнцый у нацыянальным руху, указвалі на неэфектыўнасць памяркоўнага і праўрадавага кірунку ва ўмовах паланізацыі і дэнацыяналізацыі [cgfcskrf].

Такім чынам, у канцы 1920–1930-х гг. “беларуская санацыя” разгарнула ў Заходняй Беларусі пэўную культурна-асветніцкую работу, звязаную з арганізацыяй культурных мерапрыемстваў падчас памятных дат, стварэннем сеткі бібліятэк у правінцыі і, у меншай ступені, з выданнем асветніцкай літаратуры. Дадзеная актыўнасць падвяргалася рэзкай крытыцы з боку беларускіх леварадыкальных і нацыянальна-дэмакратычных арганізацый. У адрозненне ад іх, “беларуская санацыя” звяртала мала ўвагі на праблемы беларускага школьніцтва, а яе культурныя мерапрыемствы не выходзілі за рамкі лаяльнасці да польскіх уладаў. Разам з тым, неабходна прызнаць, што прадстаўнікі гэтай палітычнай плыні мелі пэўныя заслугі ў пашырэнні беларускай культуры, мовы і свядомасці асабліва сярод маладога пакалення. Ва ўмовах паланізацыі любая праява беларускай актыўнасці садзейнічала ўмацаванню нацыянальнай ідэнтыфікацыі беларускага насельніцтва і павышэнню яго культурнага ўзроўню.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Эра. Яшчэ адна – можа апошня – спроба / Эра // Наперад. – 1930. – № 21. – 1 с.
2. Склубоўскі, В. 3 мінулых год / В. Склубоўскі // Ніва. – 1982. – № 25. – С. 4–5.
3. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). – F. 53. Ap. 23. B. 930. Sprawozdania sytuacyjne z życia społecznego i politycznego m. Wilno, 1929 г.
4. Bielaruskija palityčnuja paharelcu nad mahiľaj Iwana Luckiewiča // Bielaruskaja krynica. – 1929. – № 33. – 2 s.
5. Вашкевіч, А. 25 сакавіка: вытокі нацыянальнага свята / А. Вашкевіч, А. Чарнякевіч // Arche. – 2008. – № 3. – С. 62–85.
6. Абход свята абвяшчэння незалежнасці Беларусі // Родны край. – 1933. – № 8. – С. 4–5.
7. LCVA. – F. 53. Ap. 23. B. 2005. Akta w sprawie rejestracji i likwidacji związków i stowarzyszeń (statuty, sprawozdania, protokoły, korespondencja). Towarzystwo Oświaty Białoruskiej, 1927–1935 гг.
8. LCVA. – F. 53. Ap. 23. B. 2078. Akta w sprawie rejestracji i likwidacji związków i stowarzyszeń (statuty, sprawozdania, protokoły, korespondencja). Związek Białoruskich kulturalno-oświatowych i gospodarczych organizacji i instytucji, 1928–1937 гг.
9. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 31. Статут Таварыства беларускай асветы ў г. Вільня, 1932 г.
10. За мінулы год // Родны край. – 1933. – № 25. – С. 1–2.
11. Новазаложаныя бібліятэкі-чытальні Т-ва Беларускай Асветы // Родны край. – 1933. – № 12. – 8 с.
12. Паштовая скрынка // Родны край. – 1933. – № 6. – С. 8 с.
13. На правінцыі. Патрэба лекцыяў // Родны край. – 1933. – № 19. – 5 с.
14. Пазнавайма свае правы // Родны край. – 1933. – № 11. – 1 с.
15. 3 Беларускага жыцця. Тэатр Тав. Белар. Асветы // Родны край. – 1933. – № 2. – 5 с.
16. Цэнтрсаюз і яго праца // Беларускі каляндар на 1932 г. – Вільня, [б.г.]. – С. 43–44.
17. Туронак, Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. – 877 с.
18. Нацыянал-фашыстоўскія лёкаі Пілсудскага // Чырвоны сыяг. – 1931. – № 3. – С. 2–3.
19. “Białorusini-Polacy” i Bielarusy // Bielaruskaja krynica. – 1933. – № 21. – 1 s.

Alaksiej Horny. Cultural and educational activities "Belarusian sanacyja" in interwar Poland. The article highlights the cultural and educational activities of the group Luckievic-Astrouski or "The Belarusian sanacyja" in Western Belarus in the interwar period, connected with the organization of various cultural events and the creation of a number of educational institutions. The conclusion of the specific merits of this group in the expansion of the Belarusian culture in the polonization population.

УДК 94:39(=112.2)(476.2)«192/193»

В.В. Тугай

Институт истории
Национальной Академии наук Беларуси

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НЕМЦЕВ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ. 1920–1930-Е ГГ.

В статье рассказывается о немецких колонистах, которые в разное время переселились на земли белорусского Полесья. В 1920-е гг. на базе немецких колоний были созданы национальные

сельские советы, национальные коллективные хозяйства и школы. Приводятся примеры из хозяйственно-экономической сферы жизни немцев белорусского Полесья, а также культурной. Обращается внимание на некоторые особенности быта и повседневной жизни немцев белорусского Полесья.

В 1923 г. в БССР было создано 32 национальных сельских совета, в том числе 2 немецких и один украино-немецкий. В Мозырском округе был образован Березовский немецкий совет (ныне Наровлянский район Гомельской области), в котором проживало 1 762 человека немецкой национальности [5]. По результатам переписи 1926 г. в Наровлянском районе проживало: белорусов – 71,3 %, поляков – 9,4 %, украинцев, латышей, чехов – 7,7 %, немцев – 6,4 % (2 283 чел.) [9].

В Каролинском районе (ныне Ельский район Гомельской области) на базе немецкой колонии имени Розы Люксембург также был создан немецкий совет. В Лельчицком районе Гомельской области в трех деревнях насчитывалось 33 немецких хозяйства. Всего в названных районах насчитывалось 451 немецкое хозяйство с количеством населения 3 770 человек [5]. В целом по БССР Всесоюзная перепись 1926 г. приводит цифру 7 тыс. лиц немецкой национальности [8].

В результате создания смешанных сельских советов, а также переселения немецкого этноса в города они неизбежно оказывались в иноэтничном окружении, что влияло на развитие их культуры. Белорусские немцы в 20-е гг. занимали ведущую роль в политической и хозяйственной жизни республики.

Своеобразие складывавшихся этнокультурных и социально-экономических систем в большей степени определялось как кратковременными контактами немцев с соседствующим белорусским, украинским и польским населением и разнородным переселенческим населением (чехи, латыши), так и появлением смешанных семейных союзов (немецко-белорусских, немецко-украинских).

В первое время после переселения (70–80-е гг. XIX в.) немцы – колонисты как и другие переселенцы брали землю в аренду у белорусских помещиков или нанимались батраками на работу к зажиточным крестьянам: работали на полях, пасли скот, но всегда старались обзавестись собственным хозяйством. Со временем они приобретали участки земли, обзаводились скотом, лугами для покоса. Первые немецкие переселенцы на белорусские земли Полесья прибывали, как правило, большими группами, но селились по хуторам или небольшими деревнями. Немецкие семьи, переселяющиеся в Беларусь, насчитывали до девяти человек и более. Женатые и замужние дети селились, как правило, отдельно в радиусе 5–15 км от родителей.

Первое поколение немцев, приехавших на земли белорусского Полесья, использовало для внутрисемейного общения, как правило, родной язык. Но в условиях, когда они поселялись среди белорусского населения, немцы использовали знание украинских диалектов, т.к. переселились они с Волыни.

Второе поколение знало уже два языка, но в кругу семьи разговаривали еще, как правило, на родном. Третье поколение немецких переселенцев в условиях смешанных браков уже разговаривало на русском языке. В силу ограниченности численности этнической группы немцев представителями второго и третьего поколений переселенцев заключалось много смешанных браков. В годы Советской власти в немецко-белорусско-русских семьях говорили преимущественно на русском или белорусском языках. Практически все представители уже второго поколения переселенцев называли себя «русскими немцами».

Немалую роль в распространении языков сыграл тот факт, что с созданием немецких сельских советов в 20-е годы в местах компактного проживания немцев работали школы на национальном языке. Документы тех лет особо подчеркивают, что большое внимание со стороны властей уделяется строительству национальных школ. В постановлении Наровлянского райисполкома Мозырского округа от 15 сентября 1924 г. выражалась

просьба к Мозырскому окрисполкому срочно выселить из бывшего имения Клесин помещика Носенко, а дом закрепить под национальную немецкую школу и канцелярию Совета [10].

Несмотря на огромные трудности в 20–30-х гг. только на Гомельщине было открыто 9 немецких школ, из них две средние. Только на строительство Березовской средней немецкой школы в Мозырском округе государство израсходовало 100 тыс. рублей. Письменность взрослого населения немецких колоний составляла у мужчин 80 %, у женщин – 30 % [9]. Немецкие школы обслуживали до 50% детей школьного возраста. Несмотря на то, что школы работали на родном языке, немецкие колонисты неохотно отдавали детей в школы. Тех, кто умел читать и писать только по-немецки, власти объявляли неграмотными.

Учителями немецкие школы были обеспечены плохо. Как правило, учителями работали церковные служащие. В середине 20-х гг. в Ленинградском политехникуме стали готовить учителей для немецких школ. В Березовскую среднюю школу прибыли молодые учителя Керн и Шехтель. Однако молодые специалисты недолго поработали в немецкой школе, т. к. им не были созданы элементарные условия для проживания и работы. К тому же крестьяне-немцы отказались продавать им продукты и они вынуждены были приобретать их в соседнем селении у чеха-переселенца [10, л. 22–23].

Когда же во второй половине 30-х гг. немецкие школы перевели на преподавание на русском языке, то он стал активно распространяться как основной и в немецких, и в смешанных семьях.

Деятельность немецких школ была всегда в центре внимания партийных органов, органов народного образования, НКВД БССР. В одном из постановлений бюро Наровлянского РК КП(б)Б отмечалось, что за последний месяц наблюдались следующие факты антисоветской деятельности: ученик 5 «Б» класса Березовской немецкой школы Шуманский выколол глаза на портретах вождей партии. Он же избил ученика Фещенко только за то, что тот являлся активным пионером. Некоторые учащиеся немецкой школы отказывались приобретать билеты «Друзья МОПРА», потому что это означает помощь коммунистам. При изучении темы происхождения человека часть немецких учащихся отстаивала идею его религиозного начала.

Бюро РК КПБ отмечало, что все это стало возможным потому, что в Березовской школе отсутствовала глубокая работа по интернациональному воспитанию и антисоветские элементы подпольно оказывают влияние на детей немецкой школы. Учителя школы не обладают в достаточной степени политической бдительностью и не реагируют активно на классово-вражеские вылазки в школе.

Ученик 5 «Б» класса Шуманский был отчислен из школы. Бюро РК КП(б)Б рекомендовало обсудить свое постановление на родительских комитетах всех школ района. В нем отмечалось неудовлетворительное положение с обеспечением немецких школ необходимой литературой, преподаванием обществоведения и т. д.

Бюро РК КП(б)Б рекомендовало также отделу народного образования через белорусский Комитет по радиовещанию организовать передачу радиолекций по антирелигиозной тематике на немецком языке [10].

В постановлении районного отдела образования по Березовской школе отмечалось, что в ходе проверки были выявлены факты запугивания пионеров со стороны некоторых немецких учащихся. Они запугивали пионеров тем, что в случае войны пионеров будут наказывать. Отмечалось, что некоторые немецкие учителя (Бауэр, Ильяс, Лир) применяют антисоветские, аракчеевские методы воспитания учащихся – физические меры воздействия [4, 18 снежня].

В выступлении сотрудника районного отдела НКВД Штейна на расширенном пленуме Наровлянского РК КП(б)Б отмечалось, что в районе не ощущается политмассовая работа, в результате чего контрреволюционный элемент проводит

антисоветскую работу. Например, в Березовке массовая работа совсем заглохла и фашистское влияние стало шире распространяться. «В Березовской школе также недостаточно массовой работы. Даже были отдельные случаи, когда у учеников опрашивали кто наш вождь, то некоторые из них отвечали: «Гитлер».[10].

Архивные документы подчеркивают особую религиозность немецких колонистов. Каждую неделю все от мала до велика посещали церковь. Большинство немцев были «лютеранской веры». Принадлежность к разным конфессиям как и национальностям во многих случаях не служила препятствием для вступления в брак. Если будущие супруги были разных вероисповеданий (лютеране и православные), то возможен был гражданский брак или переход одного из будущих супругов в православие.

В немецко-белорусских семьях супруги уважительно относились к вере друг друга, поэтому не возражали против устройства боженицы с иконами по правилам, принятым у православных крестьян. Этот угол считался почетным (назывался красным углом). В годы Советской власти во время активизации атеистической пропаганды иконы убирали, но почетное место оставалось прежним. В немецких семьях обычно отмечались все крупные церковные праздники (Рождество, Крещение, Пасха, Троица) – и русские, и немецкие, т. е. по православному и по лютеранскому календарю. Вместе с односельчанами – представителями других национальностей, немцы гуляли на Новый год, отмечали масленицу.

В домостроении немцы использовали местные строительные материалы: природный камень, кирпич, известь, сосну, дуб и др. Строились, как правило, собственными силами, иногда привлекали мастеров из полесских старожилов. Часто покупали готовые постройки и потом перевозили их по месту жительства. В результате внешний вид, форма и внутренняя отделка немецких жилищ мало чем отличались от построек местных жителей.

В полесской глубинке появляются двухуровневые деревянные постройки. В наборе инструментов в каждой немецкой семье имелись необходимые для проведения плотницких работ топоры, пилы, фуганки, сверла. Для проведения больших работ нанимали помощников. Толока, как правило, не практиковалась. Однако много социальных объектов было возведено совместным трудом на общественных началах. Так, в центре Березовского немецкого сельского совета Мозырского округа в деревне Осиповка на общественных началах была возведена двухэтажная деревянная школа [9, 30 лістапада].

Фундаменты построек делали, как правило, из природного камня и кирпича. Крыши немецкие крестьяне в зависимости от достатка крыли тесом, дранкой, соломой или камышом. Входные двери в немецких домах открывались наружу, в отличие от местных жителей, у которых входная дверь открывалась внутрь. Входные двери и окна могли быть сплошными или створчатыми, как правило, украшались резными наличниками [2].

Немцы особенно щепетильно относились к ритуалу заселения в новый дом, который, при его соблюдении, должен был обеспечить семье процветание и благополучие. Вначале вносили стол, хлеб и соль. Сундук с вещами не рекомендовалось вносить первым, т.к. это считалось плохой приметой. Позже немцы заимствовали у местных жителей такой обычай как первыми впускать в новое жилище курицу или кота.

Новоселье устраивали лишь хозяева с достатком, обычно в этот день подавали водку, много браги. В немецких селениях считалось грешным, неприличным здороваться через порог. Чтобы уберечь домочадцев и скот от сглаза, немцы также как и местное население под порог дома прибывали подкову.

Среди жилых построек встречались однокамерные, двухкамерные и многокамерные. У первой волны переселенцев жилище (хата) было разделено невысокой перегородкой, за которой находились коровы, овцы, свиньи [2].

Наибольшее распространение получили пятистенки с сенцами. Они имели вытянутую форму и располагались торцом к улице, сенцы размещались вдоль длинной или короткой тыльной стороны постройки. В немецко-белорусских семьях комната с печью называлась избой, хатой, парадная комната без печи (русской) или с голландской печью – горницей, комнатой. В отдельных семьях комнату, где стояла печь, называли передней хатой, смежное помещение – задней хатой, там была спальня.

Убранство в немецких домах было скромным. В передней хате стоял большой стол, за которым собиралась вся семья для будничных трапез: здесь находились шкафчики для посуды, различные ящики для утвари, скамейки, табуретки. У состоятельных переселенцев третьего поколения в домах стали появляться шкафы, стулья.

Переселенцы первого поколения устанавливали в домах большие глинобитные печи, как правило, с плитой. Печь располагали справа от входа, хотя это существенного значения не имело. Позднее печи стали делать из кирпича с вкраплением природного камня. Обычно печи делали свои мастера «из немцев», которые ценились не только в немецких поселках, но и в белорусских. Немецких печников обычно щедро угощали после окончания работы, но денежного вознаграждения не давали – не было принято среди немцев. В белорусских семьях немецким печникам платили деньгами. Респондент рассказывал, что после завершения работы особое внимание уделялось первому затапливанию печи, когда, оценивая работу мастера, проверяли тягу. В этот момент собиралась вся деревня или поселок [2].

В большинстве немецких семей в передней хате стоял ткацкий станок, швейная машина «Зингер», различные приспособления для изготовления колес, гнутья полозьев. Целый угол занимали скамейки с цветами. Немцы любили разводить фикусы, герань и др. цветы. В немецких семьях место в задней хате, где стояли столы и скамейки, считалось почетным – туда приглашали гостей в праздники. Койки застилали самоткаными одеялами, пол покрывали многочисленными самодельными половиками. Необходимо отметить, что в деле ткачества немецкие мастерицы преуспевали. В 20-х гг. изделия немецких ткачих завоевывали призовые места на Республиканских выставках народного творчества, которые проводились в БССР ежегодно среди представителей нацменьшинств [6].

Несмотря на то, что многие немцы – отцы семейства и их жены имели ремесленную специальность (были кожевниками, сапожниками, кузнецами, печниками, швецами, швеями, вязальщицами), каждая немецкая семья как до Советской власти, так и позже заседала поля зерновыми культурами, занималась животноводством, огородничеством.

Для содержания лошадей, крупного рогатого скота, овец, свиней возводили пригоны, конюшни, стайки, хлева. Птицу – гусей, уток, кур, – держали в стайках, а летом – в открытых загонах или выпускали за пределы усадьбы. Немецкие сельские советы объединяли 5–6 колоний, которые располагались в радиусе 5–15 км.

Березовский немецкий совет Мозырского округа насчитывал 325 дворов. Общая площадь земли составляла 3191 десятину. Обеспеченность крестьян землей была в среднем по 4 десятины на одно хозяйство, в том числе включая сенокос. Крестьяне вели свое хозяйство по хуторской системе с использованием 3-х польного севооборота. Хозяйства велись культурно, с применением сельскохозяйственных машин. Как уже отмечалось, сеяли колонисты различные культуры: рожь, овес, гречиху, горох. Однако посевы были очень незначительны. Поля сильно заливались водой, местная мелиорация не помогала. В сельсовете также было очень развито травосеяние и разведение корнеплодов. В 22-х хозяйствах выращивались клевер, вика и другие культуры. Такая же картина наблюдалась и в соседнем Каролинском (Ельском) районе, где размещался немецкий сельсовет имени Розы Люксембург.

Газеты тех лет пестрят цифрами и сводками о высоких надоях в немецких хозяйствах. В среднем ежесуточные надои в них составляли 18 литров на одну корову. В хозяйствах преобладала немецко-колониетская порода молочного скота. Неоднократно на базе немецких

хозяйств проводились сельскохозяйственные выставки. Так, в колонии Клесин Березовского сельсовета ежегодно проводились выставки приплода молодняка [10].

На высоком уровне в немецких хозяйствах находилось и коневодство. Немцы разводили в основном чистокровную породу метисов. О высоком уровне немецких хозяйств свидетельствует то, что, например, только в Березовском сельском совете насчитывалось 6 молотилок, 3 зерноочистки, 26 соломорезок, 273 пароконных плуга, 200 железных телег. По обеспечению скотом сельсовет находился в следующем положении: лошадей имелось 247, волов – 2, дойных коров – 683, мелкого рогатого скота – 51, овечек – 882. [10]

Докладные и информация органов ОГПУ БССР начала 30-х гг. говорят о том, что немцы – колонисты очень точно, с особой педантичностью выполняли постановления властей по хозяйственным вопросам, сельскохозяйственной кооперации. Из документов следует, что образование колхозов в немецких колониях происходило насильственным путем. Немцы, не видя результатов своего труда, отказывались в них вступать. По немецким поселениям прокатилась волна репрессий. Буквально за 5–8 лет в немецких поселках остались лишь вдовы и дети. По обвинению в проведении контрреволюционной агитации, направленной против колхозов, были раскулачены и приговорены к высшей мере наказания сотни немецких крестьян, хозяйства которых процветали. Среди них: Альбрехт Август Вильгельмович, Альберт Леопольд Вильгельмович, Бауман Адольфина Христановна, Бауман Рейнгольд Юмсович, Бекер Альберт Вильгельмович, Вайшлегер Вильгельм Вильгельмович, Вернер Густав Михайлович, Ганельт Фридрих Готлибович, Гирзекорн Готлиб Готлибович и многие другие [10].

В середине 30-х гг. в СССР появляется тенденция к упрощению этнонациональной структуры государства. Это выразилось в ликвидации национальных районов и национальных сельских советов. Эта кампания завершилась в 1938 г. в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельских Советов», принятого 1 декабря 1937 г. При всех сложностях жизнедеятельности национальных территориальных объединений, они сыграли важную роль в развитии школьного образования и культурно-просветительской работы на родном языке.

Немцам не удалось сохранить национальный костюм как элемент этнокультуры. Одевались они обычно, правда выглядели всегда аккуратнее и опрятнее местных жителей. Народные песни на родном языке и танцы в конце 30-х гг. сохранились только в отдельных немецких семьях.

Таким образом, благодаря особенностям социальной и демографической ситуации в 1920-30-х гг., сложившейся в белорусском Полесье, немцы постоянно испытывали информационное, политическое воздействие иноязычных культур, происходившее на различных уровнях, включая и внутрисемейный. В таких условиях неизбежны были и утраты, и приобретения. К первым можно отнести потерю возможности общения и получения образования на родном языке, а также размывание границ религиозной определенности. Вместе с тем, рациональное самосознание не было утрачено, люди хорошо помнили кем были их предки и кем являются они сами. Немцы сохраняли свои традиции в таких важных областях культуры, как домостроение, питание, внутренняя культура, одновременно приобретали дополнительные умения, знания и навыки, помогавшие адаптироваться в новых условиях, чему в большой степени способствовала также толерантность в общении с соседствующим народом.

Несмотря на отчужденность немецких колонистов, их непонимание политики Советской власти, мероприятий правительства, комиссия по осуществлению национальной политики все же пыталась помочь им возродить национальную культуру, родной язык, в сглаживании конфликтов на религиозной почве. После Великой Отечественной войны полесские немцы продолжали выращивать хлеб, трудиться в животноводстве. И только чернобыльская беда изгнала остатки потомков немецких колонистов с земель, обработанных их отцами и дедами. Отселение жителей деревень

Наровлянского района Гомельской области Беларуси (Довляды, Хатки, Осиповка, Дерновичи, Берёзовка. Антоновка, Майдан, Дворища, Чапаевка и др.), где еще компактно проживали немецкие семьи, окончательно лишило их возможности национально-культурного развития.

Список источников и литературы

1. Бальшавіцкі змагар. – 1935. – 15 мая.
2. Воспоминания бывшего жителя немецкой деревни Осиповка Битнера // Из личного архива автора.
3. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф.147. – Оп.21. – Д. – 60. – Л. 37–41.
4. За калектывізацыю. – 1934. – 28 лістапада.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. – Оп.21. – Д. 249. – Л. 18–24.
6. НАРБ. – Ф.701. – Оп.1. – Д.109. – Л. 3–14.
7. Памяць: Нараўлянскі раён: Гісторыка-дакументальная хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі. – Мінск: Белта, 1998. – 445 с.
8. Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской социалистической республике: По материалам нац. Комис. ЦИК БССР. Ч.2. – Минск : Изд-во нац. Комис. ЦИК БССР, 1928, – 162 с.
9. Прыпяцкая праўда. – 1993. – 27 лістапада.
10. Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГА в г. Мозыре). – Ф. – 60. – Оп.1. – Д.26. – Л. 22.

Uladzimir Tuhay. Features ethnic culture and daily life Germans Belarusian Polesie. 1920-30s. The article tells about the German colonists, who at various times have moved on land Polesie. In 1920-ies. National village councils, national collective farms and schools were established on the basis of the German colonies. Examples of the economic sphere of life of the Germans Polesie, as well as cultural. Attention is paid to some of the features of everyday life and everyday life of the Germans of the Belarusian Polesie.

УДК 94 (476+470+477): 316. 334. 55 «192/193»

М.И. Старовойтов
Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

ИЗМЕНЕНИЕ БРАЧНОЙ И СЕМЕЙНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1920–1930-Е ГОДЫ

Впервые в отечественной историографии автором установлены причины резкого сокращения числа лиц, особенно женщин, вступающих в брак в возрасте 15–19 лет. Выявлена тенденция к уменьшению заключения браков (меньше женатых мужчин нетитульных этносов) в возрасте 20–24 года. В последующих возрастных группах соотношение находящихся в браке в основном соответствовало половозрастной структуре населения. Автором впервые установлено, что в белорусской части пограничья было 56,6 % сельских семей, состоящих из 2–4-х человек, в российской – 52,9 %, в украинской – 65,1 %. Сельская семья по своему количественному составу стала интенсивно приближаться к городским стандартам.

В демографической науке в «демографическую структуру» принято включать половозрастной и семейно-брачный состав населения. Состав населения непосредственно связан и обуславливает воспроизводство населения. Это сложный социально-экономический процесс подчинен событиям и факторам, которые происходят в обществе, стране и мире. На него влияют многие обстоятельства и внутренние противоречия самих семейно-брачных отношений.

В отличие от изучения социально-профессиональной и этнической структуры населения демографическая структура как самостоятельный объект исследования населения Беларуси еще не изучалась историками.

В плане историко-сравнительного исследования на примере белорусско-российско-украинских пограничных территорий (БРУП) отечественными и зарубежными учеными данная проблема вообще не ставилась. Прежде всего, это связано с состоянием базы источников и конкретно с засекреченностью материалов переписи населения 1939 г. Нами предпринята попытка, с учетом возможного объема публикации, провести сравнительный анализ изменений семейно-брачного состава населения обозначенного региона в 1920–1930-е годы (таблицы составлены и подсчеты сделаны автором). Эволюция этого процесса рассматривается на материалах БРУП как демографическое районирование региона, состоящего из зон со сходными демографическими характеристиками, что «помогает выявлению и изучению территориальных особенностей демографических процессов с учётом влияния факторов социально-экономического характера» [1, с.112].

Таблица – 1 Сельское население по семейному состоянию в возрасте 15–29 лет в 1926 г.

Итоги по региону к населению данного возраста	Мужчины			Женщины		
	15–19	20–24	25–29	15–19	20–24	25–29
БССР						
Все население	239 356	162 854	143 721	268 746	187 037	168 185
Состояли в браке	5 516	58 659	111 872	17 943	110 045	140 419
В процентах	2,3	36,0	77,8	6,7	58,8	83,5
Белорусы	214 128	140 076	128 599	240 649	166 903	149 877
Состояли браке	4 905	49 958	100 415	15 843	98 160	125 124
В процентах	2,3	35,7	78,1	6,6	58,8	83,5
Западный район РСФСР*						
Брянская губерния						
Все население	93 368	61 623	56 342	103 059	76 665	70 434
Состояли в браке	5 022	36 679	51 009	10 933	56 551	61 983
В процентах	5,4	59,5	90,5	10,6	73,8	88,0
Смоленская губерния						
Все население	108 971	79 259	66 047	124 167	92 927	83 300
Состояли в браке	5 418	40 203	57 217	10 074	60 985	70 764
В процентах	5,0	50,7	86,6	8,1	65,6	85,0
Полесский подрайон УССР						
Все население	139 251	103 983	93 586	152 471	117 299	108 995
Состояли в браке	4 682	47 315	78 916	14 195	76 811	93 668
В процентах	3,4	45,5	84,3	9,3	65,5	85,9
Украинцы	119 407	88 030	79 986	130 316	99 470	92 886
Состояли браке	4 232	41 579	68 585	12 169	65 686	80 010
В процентах	3,5	47,2	85,7	9,3	66,0	86,1
Примечание: *) – в сельской местности национальности не выделены в связи с почти 100 % преобладанием русских.						

Исследователи при определении факторов, влияющих на интенсивность рождаемости, на первое место ставят возрастной и семейный состав населения. Чем больше представлены в пределах 15–49 лет брачные пары и замужние женщины более молодых возрастных групп, тем выше будет рождаемости [15, с. 469, 471].

В дореволюционной России брачность в сельской местности продолжала оставаться высокой, особенно в молодом возрасте. В рассматриваемом регионе 56,7 % невест сельской местности вступали в брак в возрасте 15–19 лет [13, с. 175].

Нами установлено, что в первой половине 1920-х годов началось резкое сокращение численности вступающих в брак в возрасте 15–19 лет среди сельской молодежи и, прежде всего, среди девушек. Это хорошо видно из таблицы 1 [4, с. 2; 3, с. 5,7; 5, с. 163].

Есть основание считать, что резкое сокращение количества лиц, вступающих в брак в возрасте 15–19 лет и уменьшение доли вступающих в брак в 20–24 года, связано с ростом количества самостоятельных семей молодежью села, учебой, работой и другими факторами, которые положили начало «взросления» брачного возраста.

Таблица – 2 Сельское население БРУП состоящее в браке в 1939 г. (на 1 000 человек)

Возраст	Витебская			Гомельская			Могилевская		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
15–19 лет	11	72	41	24	71	48	14	63	39
20–24 лет	299	561	412	322	594	443	324	561	427
25–29 лет	726	725	726	823	807	814	794	780	786
30–39 лет	921	808	860	962	849	903	949	831	886
40–49 лет	952	760	849	969	797	875	960	778	860
50–59 лет	933	599	738	946	652	773	940	631	758
60 лет и старше	789	355	535	781	410	562	765	398	551
Всего 15 лет и старше	641	569	603	677	613	643	666	594	627
Возраст	Полеская			Орловская			Смоленская		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
15–19 лет	15	85	51	18	61	40	17	57	38
20–24 лет	336	594	445	414	594	515	374	553	472
25–29 лет	805	805	805	854	800	823	797	780	788
30–39 лет	949	857	901	955	832	887	933	826	873
40–49 лет	965	807	880	962	751	840	954	753	837
50–59 лет	938	669	784	923	560	699	925	679	708
60 лет и старше	758	429	570	724	313	465	739	341	490
Всего 15 лет и старше	659	618	638	690	577	625	676	568	614
Возраст	Житомирская			Киевская			Черниговская		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
15–19 лет	20	96	59	18	71	45	16	66	41
20–24 лет	333	600	454	343	563	457	359	563	462
25–29 лет	788	781	785	790	762	775	788	773	783
30–39 лет	938	812	872	940	802	868	930	820	874
40–49 лет	952	717	826	961	717	831	951	749	844
50–59 лет	924	512	677	936	504	679	921	559	709
60 лет и старше	750	287	462	780	278	456	720	338	492
Всего 15 лет и старше	657	577	615	691	565	623	688	582	632

Из таблицы 2 [2, л. 2; 6, л. 2; 7, л. 2; 9, л.2; 10, л. 2; 11, л. 2; 14, л.4; 16, л.2] видно, что на 1 000 человек сельского населения соответствующего пола и возраста в браке состояли в абсолютном большинстве лица в возрасте от 25 до 49 лет. Наметилась тенденция к уменьшению состоящих в браке (особенно мужчин) в возрастной группе 20–24 года. В последующих возрастных группах соотношение находящихся в браке в основном соответствовало половозрастной структуре населения. Из приведенных в таблице 2 данных видно, что во всех областях БРУП количество женатых мужчин выше за количество замужних женщин. По нашим подсчетам эта разница нарастает, начиная с возрастной группы 24–29 лет, и достигает значительного перевеса в возрастной группе 60 лет и старше. В последней возрастной группе в белорусских областях было в 1,8–2,2 раза больше женатых мужчин на 1 000 населения, чем замужних женщин; в российских – в 2,2–2,3 раза, в украинских – в 2,2–2,8 раза. Наши расчеты позволили установить закономерность: чем меньше численность мужчин конкретной возрастной группы, тем больше их число состоящих в браке. Уменьшение начинается после 60 лет, когда намечается общая тенденция резкого уменьшения численности мужчин. Это последствия Первой мировой и гражданской войн, революционных лет, высокая смертность (общая и травматизм), последствия репрессий, последствия голода 1932–1933 гг. и в целом сокращение продолжительности жизни мужского населения. Это приводило к сокращению возможности вступления в брак женщин. Доля вдовых и незамужних женщин значительно начинает увеличиваться после 60 лет.

Общие среднестатистические показатели, представленные в таблице 2 обусловлены, прежде всего преобладанием титульных этносов, которых было большинство в своих этнических территориях. Некоторую специфику в эти показатели вносили и представители других национальностей. Учет показателей по национальностям и возрастам дает более адекватную картину состояния брачности сельского населения, что хорошо видно из таблицы 3 [7, л. 29; 17, л. 29] на примере Гомельской и Черниговской областей. Данные и этой таблицы подтверждают тенденцию роста доли мужчин, состоящих в браке после 30 лет. Сравнение данных таблиц 2 и 3 показывает, что некорректно считать и отражать процесс изменения семейно-брачных отношений только по среднестатистическому показателю для обоих полов и только в возрасте 15 лет и старше. В браке состояли в абсолютном большинстве лица в возрасте 25–39 лет.

Данные таблицы 4 [2, л. 2; 6, л. 2; 7, л. 2; 9, л.2; 10, л. 2; 11, л. 2; 14, л. 4; 16, л.2] свидетельствуют, что большие крестьянские семьи стали уходить в прошлое. Подсчеты, по данным этой таблицы, позволяют установить, что в конце 1930-х годов в белорусских областях сельские семьи уже на 55–59 % состояли из 2–4 человек, в российских – на 50–56 %, в украинских – на 62–70 %. По среднестатистическому показателю эти данные можно сгруппировать / классифицировать следующим образом. В первую группу входили украинские области с показателем – 65,1 %, во вторую группу – белорусские 56,6 % и третью – российские 52,9 %. Это свидетельствует о том, что у более половины семей в сельской местности установилась устойчивая тенденция к малодетным семьям, хотя видна и некоторая специфика. Выявление общего и особенного в семейно-брачных отношениях требует специального исследования.

Даже такой краткий анализ позволяет сделать следующие выводы. Впервые в отечественной историографии доказано, что к концу 1930-х годов в составе сельского населения под воздействием советской модернизации деревни стал очевидным процесс коренного изменения его семейно-брачного состава. Есть все основания считать, что в межвоенный период рост уровня грамотности, образования, общей культуры в крестьянской среде (об этом автор уже писал), возможные перспективы расширения сферы профессиональной занятости привели к резкому сокращению числа лиц, особенно женщин, вступающих в брак в возрасте 15–19 лет. Необходимо учитывать факторы, (учеба, работа, служба в армии мужчин) определившие тенденцию уменьшения заключающих браки (особенно мужчин) в возрасте 20–24 года.

Таблица – 3 Состоящее в браке сельское население Гомельской и Черниговской областей по отдельным национальностям и возрастам в 1939 г. на 1 000 человек.

Возрастные группы		Гомельская область					
		Белорусы			Русские		
		Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
15–19 лет	Всего	25 887	28 200	54 087	973	812	1 785
	В браке	637	1 958	2 595	13	76	89
	На 1000	25	69	48	13	94	50
20–29 лет	Всего	34 028	48 641	82 669	14 056	1 865	15 921
	В браке	22 658	34 580	57 238	4 892	1 404	6 296
	На 1000	666	711	692	348	753	395
30–39 лет	Всего	35 988	42 206	78 194	2 145	1 285	3 430
	В браке	34 924	35 927	70 851	2 013	1 075	3 088
	На 1000	970	851	906	938	837	900
40–49 лет	Всего	22 463	27 438	49 901	867	860	1 727
	В браке	21 776	21 915	43 691	843	659	1 502
	На 1000	969	799	876	972	766	870
50–59 лет	Всего	14 828	21 308	36 136	457	762	1 219
	В браке	14 055	13 932	27 987	423	460	883
	На 1000	948	654	774	926	604	724
60 лет и старше	Всего	18 777	27 397	46 174	723	1 037	1 760
	В браке	14 650	11 277	25 927	558	383	941
	На 1000	780	412	562	772	369	535
Итого 15 лет и старше	Всего	151 971	195 190	347 161	19 221	6 621	25 842
	В браке	108 700	119 589	228 289	8 742	4 057	12 799
	На 1000	715	613	658	455	613	495
Возрастные группы		Черниговская область					
		Украинцы			Русские		
		Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
15–19 лет	Всего	67 058	71 837	138895	3 013	260	3 273
	В браке	997	4 706	5 703	73	57	130
	На 1000	15	66	41	24	22	40
20–29 лет	Всего	86 472	123646	210118	26 794	1 004	27 793
	В браке	58 007	84 416	142423	10 453	706	11 159
	На 1000	671	683	678	390	703	409
30–39 лет	Всего	99 470	116086	215556	12 030	740	12 770
	В браке	94 511	95 188	189699	9 775	574	10 349
	На 1000	950	820	880	813	776	810
40–49 лет	Всего	63 397	80 576	143973	6 259	522	6 781
	В браке	60 721	60 403	121124	5 709	355	6 064
	На 1000	958	750	841	912	680	894
50–59 лет	Всего	40 442	62 491	102933	3 184	383	3 567
	В браке	37 420	34 952	72 372	2 828	198	3 026
	На 1000	925	559	703	888	517	848
60 лет и старше	Всего	41 693	63 571	105264	985	332	1 317
	В браке	29 875	21 493	51 368	802	95	897
	На 1000	717	338	488	816	286	681
Итого 15 лет и старше	Всего	398 532	518 207	25 842	52 265	3 241	55 506
	В браке	281 531	301 158	582 689	29 640	1 985	31 625
	На 1000	706	581	636	567	613	570

Примечание: в российской составляющей БРУП национальный состав по брачности не выделен, т. к. 98–99 % сельских жителей составляли русские

Таблица 4 – Распределение сельского населения областей БРУП по числу членов семьи в 1939 г. (абс., %)

Размер семьи	Витебская		Гомельская		Могилевская	
	Число семей	Процент к итогу	Число семей	Процент к итогу	Число семей	Процент к итогу
Из 2-х человек	32 190	15,8	21 327	15,0	31 758	13,7
Из 3-х человек	42 229	20,7	27 080	19,0	43 477	18,8
Из 4-х человек	46 043	22,6	32 295	22,7	51 413	22,2
Из 5-ти человек	37 660	18,5	27 353	19,2	45 286	19,5
Из 6-ти человек	24 468	12,0	18 415	12,9	31 157	13,5
Из 7-ми человек	12 688	6,2	9 526	6,7	16 899	7,3
Из 8-ми человек	5 683	2,8	4 121	2,9	7 634	3,3
Из 9-ти человек	2 259	1,0	1 597	1,2	2 876	1,2
Из 10-ти и более человек	871	0,4	606	0,4	1 185	0,5
Всего семей	204 091	100,0	142 320	100,0	231 685	100,0
	Полесская		Орловская		Смоленская	
Из 2-х человек	18 539	14,5	77 129	12,8	73 683	14,9
Из 3-х человек	25 009	19,5	101 326	16,9	94 510	19,2
Из 4-х человек	28 915	22,6	123 039	20,5	106 236	21,5
Из 5-ти человек	24 709	19,3	116 892	19,5	93 175	18,9
Из 6-ти человек	16 065	12,5	88 476	14,7	64 334	13,1
Из 7-ми человек	8 746	6,8	52 736	8,8	35 518	7,2
Из 8-ми человек	3 945	3,0	25 694	4,3	16 401	3,3
Из 9-ти человек	1 631	1,3	10 326	1,7	6 188	1,3
Из 10-ти и более человек	617	0,5	4 874	0,8	3 003	0,6
Всего семей	128 176	100,0	600 492	100,0	493 048	100,0
	Житомирская		Киевская		Черниговская	
Из 2-х человек	49 652	16,8	111 970	20,5	53 713	16,0
Из 3-х человек	65 475	22,1	134 142	24,5	74 987	22,3
Из 4-х человек	69 697	23,5	133 949	24,5	83 931	25,0
Из 5-ти человек	54 002	18,2	91 188	16,7	63 420	18,9
Из 6-ти человек	32 091	10,8	47 029	8,6	35 804	10,7
Из 7-ми человек	15 530	5,3	18 921	3,5	15 515	4,6
Из 8-ми человек	6 409	2,2	6 753	1,2	5 811	1,7
Из 9-ти человек	2 253	0,8	2 141	0,4	1 876	0,6
Из 10-ти и более человек	919	0,3	744	0,1	670	0,2
Всего семей	296 028	100,0	546 837	100,0	335 727	100,0

Это привело к тому, что более половины сельских семей к концу межвоенного периода состояли из двух-четырех человек. Белорусская специфика в исследуемом регионе: это ниже удельный вес семей 2–4 человека. Надо учитывать, что переход от традиционного к индустриальному обществу в условиях советской мобилизационной модернизации и значительное расширение сферы занятости женщин, развитие и совершенствование системы здравоохранения, отход от традиционного взгляда на семью как воспроизводство рабочих рук, существенно повлиял на семейно-брачные отношения. На эти изменения повлияли и изменения внутрисемейных отношений, новое понимание роли женщины в семье и обществе. Следует отметить, что произошедшие изменения сопряжены с социально-экономической политикой государства, общим подъемом грамотности и культуры, расширением профессиональной сферы сельского населения,

особенно в возрасте до 49 лет, некоторым улучшением его благосостояния, развитием системы здравоохранения и др. Особенно заметными были изменения у восточнославянского этноса и белорусов, прежде всего.

Список источников и литературы

1. Веселкова, И.Н. Демографическое районирование // Народонаселение. Энциклопедический словарь / гл. ред. Г.Г Меликьян, ред. колл. А.Я. Кваша [и др.]. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 112 с.
2. Витебская область. Российский государственный архив экономики (РГЭА). – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 375.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXVI. – М.: Планхозгиз, 1930. – 293 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XLIV. – М.: ЦСУ СССР, 1929. – 203 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XLV. – М.: Планхозгиз, 1930. – 288 с.
6. Гомельская область / РГЭА. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 376.
7. Гомельская область / РГЭА. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
8. Житомирская область / РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 358.
9. Киевская область / РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 361.
10. Могилевская область / РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 379.
11. Орловская область / РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 317.
12. Полесская область / РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 380.
13. Рашин, А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). Статистические очерки. Под ред. акад. С.Г. Струмилина. – М.: Госстатиздат, 1956. – 352 с.
14. Смоленская область / РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 325.
15. Уипшль, Дж.Ч., Новосельский, С.А. Основы демографической и санитарной статистики. – М.: Госмедиздательство, 1929. – 685 с.
16. Черниговская область / РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 373.
17. Черниговская область / РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 545.

Mikhail Staravoytau. Changes in rural population marriage and family structure on Belarusian-Russian-Ukrainian borderlands in 1920–1930-ies. For the first time in the national historiography the author established reasons for the sharp reduction in the number of persons, especially women who marry at the age of 15– 19. The tendency to a decrease in marriage (less married men of non-titular ethnic groups) in the age of 20– 24 is found out. Within the following age groups the correlation of the married basically correspondet gender and age structure of the population. The author is the first to establish that in the Belarusian part of the frontier there were 56.6 % of rural households consisting of 2–4 persons, in Russia – 52.9 %, in Ukrainian – 65.1 %. The rural family on the quantitative composition was intensively approaching to urban standards.

УДК 341.43«1939–1941»(438)(476)

Д.М. Толочко, Е.И. Шестопапов
Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

ПОХОД КРАСНОЙ АРМИИ В ПОЛЬШУ ОСЕНЬЮ 1939 Г. В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ БССР

В статье рассматривается реакция и отношение жителей БССР на проведение Красной армией боевых действий на территории Польши в сентябре 1939 года. Через информацию из донесений Народного комиссариата внутренних дел авторы предлагают ознакомиться с различными позициями относительно указанного события.

В своем исследовании мы выделили два основных направления для изучения восприятия населения БССР похода Красной Армии по критерию отношения – это позитивное и негативное. В каждом из этих направлений нельзя четко выделить их представителей по социальной принадлежности, так как даже в самой идеологизированной структуре общества того времени – армии – мы можем наблюдать разногласия в оценках похода. Причину этого явления мы видим в том, что даже на конец 1930-х годов среди населения БССР еще присутствовали люди, которые были способны и готовы открыто высказывать своё личное мнение о событиях в государстве и давать адекватную оценку самостоятельно, даже находясь под гнетом официальной пропаганды, а в этот предвоенный период она входила в свой апогей развития.

14 сентября газета «Правда» опубликовала подготовленную А.А. Ждановым статью «О внутренних причинах военного поражения Польши» [1], в которой главными причинами поражения польской армии назывались угнетение украинского и белорусского национальных меньшинств. Эта статья стала программным документом советской пропаганды, обосновывавшим действия СССР в отношении его западного соседа, а ее идеи были немедленно положены в основу политработы во всем СССР. За границей передовая статья газеты «Правда» от 14 сентября 1939 г. была однозначно истолкована как сигнал к подготовке занятия Советским Союзом Западной Украины и Западной Белоруссии [2, с. 97]. Как покажут дальнейшие события, население БССР отреагировало на данную статью в таком же духе – что война будет, но против Польши, более слабого противника, чем Германия. И это давало населению БССР надежду на лучшее.

17 сентября 1939 года началась операция Красной армии в Западной Беларуси и Западной Украине. В этот же день по радио состоялось выступление председателя СНК СССР В. Молотова, в котором глава советского правительства объяснил этот внешнеполитический шаг желанием «протянуть руку братской помощи трудящимся Западной Беларуси и Западной Украины» [3]. Вместе с тем, 19 сентября 1939 года в «Правде» и других центральных советских газетах было опубликовано германо-советское коммюнике, в котором, в частности, говорилось: «Правительство СССР и Правительство Германии заявляют, что действия этих войск [имеется в виду операция Советских и германских войск в Польше] не преследует каких-либо цели, идущей вразрез интересам Германии и Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении» [4]. Все это в значительной мере повлияло на настроение жителей Советской Беларуси, так как до этой публикации население республики было озабочено возможностью германо-советской войны. Теперь опасения войны с Германией, что были вызваны подписанием пакта, мобилизацией, передачей предметов двойного назначения, ушли на второстепенные позиции, люди задумались о перспективах и возможностях, что давало присоединение Западной Беларуси и Западной Украины. В обкомах и райкомах республики 17 сентября 1939 года были созваны совещания первичных партийных организаций, актива городов, районов, областей, на которых обсуждалось решение Советского Правительства начать операцию в Западной Беларуси и Западной Украине. Партийными органами были выделены агитаторы для организации митингов [5, Л. 1].

17–18 сентября во всех колхозах, предприятиях, учреждениях республики были проведены многочисленные митинги и собрания, лекции [6, Л. 1–2]. Только по Жлобинскому району Гомельской области митингами было охвачено порядка 15 тысяч человек. Так, уже в 5 часов вечера 17 сентября 1939 года в городе Жлобине на стадионе был проведен общегородской митинг с охватом до трех тысяч человек. На нем в частности с докладом выступил секретарь Жлобинского райкома Коссой. В принятой резолюции говорилось следующее: «Мы очень рады оказываемой помощи нашим братьям украинцам и белорусам... Мы надеемся на скорую победу Красной Армии и освобождение наших братьев белорусов и украинцев Запада» [5, Л. 2].

По Брагинскому району было проведено 89 митингов, на которых присутствовало 22 тыс. человек [7, Л. 22]. В целом же по Полесской области в указанный период было проведено 1257 митингов, на которых присутствовало 26361 человек [8, Л. 299].

Официальная периодика сообщала о радости и ликовании, которые царствовали среди жителей столицы БССР в связи с тем, что их братья – жители Западной Беларуси – будут освобождены от польского гнета. Говоря об отношении рабочих Минска приведем пример публикаций газеты «Звезда» от 17 сентября 1939 г. на первой странице которой были помещены материалы под такими заголовками: «Резолюция собрания минского партийного актива», «Резолюция собрания комсомольского актива гор. Минска», «Резолюция собрания рабочих завода «Большевик» и др. В этих заявлениях почти теми же самыми словами сообщалось: «Мы горячо приветствуем распоряжение Советского Правительства об оказании помощи нашим западным братьям. Мы свято верим, что никакие границы, никакие пограничные столбы больше не разделят, не рассекут на части нашу родную земельку Беларусь» [9].

Большинство населения БССР, как сообщалось в многочисленных донесениях секретарей райкомов, обкомов, органов госбезопасности в ЦК КП(б)Б, «с нескрываемой радостью и ликованием встретили по радио речь главы Советского Правительства т. Молотова об оказании братской помощи западным украинцам и белорусам» [10, Л. 1]. Для иллюстрации данного тезиса приведем фрагменты из выступлений на митингах колхозников, рабочих. На митинге в совхозе «Ведрич» Василевичского района тракторист Кухаренко заявил: «Я от души рад, что наше правительство протянуло руку братской помощи угнетенным братьям белорусам и украинцам, населяющим Польшу. Я готов в любую минуту и горю желанием сменить трактор на боевую машину – танк и защищать страну социализма» [8, Л. 299]. В сообщении заведующего пропаганды и агитации г. Жлобина секретарю Гомельского обкома КП(б)Б подчеркивалось обратные эмоции и действия рабочих и служащих. Слесарь-комсомолец Жлобинского железнодорожного узла Манкевич сказал: «Товарищ Молотов в своей речи выразил всю волю советского народа. Наша задача – помочь нашим братьям по классу в деле освобождения от ига капитала. Для этого мы должны еще лучше работать, изучать военное дело» [11, Л. 51]. Но в то же время заведующий депо Жлобин Северный – коммунист «на митинге вообще не присутствовал, но при этом находился в депо» [11, Л. 51]. Колхозник колхоза «Красная Армия» Копаткевичского района Шевко в выступлении отметил: «Мы колхозники колхоза «Красная Армия», как весь многомиллионный народ, единодушно одобряем решение советского правительства об освобождении трудящихся Западной Белоруссии и Западной Украины. Довольно угнетать наших братьев польским панам!» [12, Л. 27].

Также позитивно восприняла освободительный поход Красной Армии часть интеллигенции республики. Например, режиссер Белорусского драматического театра К. Санников по этому поводу отметил: «Послушав по радио сообщение председателя Совнаркома ССР и наркома иностранных дел тов. В.М. Молотова, я почувствовал еще и еще раз радость за мою родину, которая создала непобедимую Красную Армию» [13]. Президент Академии наук БССР К.В. Горев подчеркнул в этой связи следующее: «З пачуццем гістарычнага задавальнення ўспрыняў калектыў работнікаў Акадэміі Навук БССР паведамленне главы Савецкага ўрада аб аказанні дапамогі нашым братам з Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. Гэта рашэнне ... выразіла мыслі кожнага з нас: 20 год таму назад штучна, супраць волі саміх працоўных былі далучаны да польскай дзяржавы народы Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны ... І гэты дзень вызвалення настаў...» [14].

Горячо отозвались на сентябрьские события поэты, писатели Советской Беларуси. Так, Петрусь Бровка посвятил этому событию следующие строки:

«Вас люто жгли огнем, рублили вас мечом,
Лишили права говорить на языке родном,
Лилась под панской плетью ваша кровь

рекой.
За вас болели мы и сердцем и душой,
Довольно слушать стоны, плач своих
детей!
Вы встали на борьбу за волю нив и сел.
Во веки не расправить крыльев
и когтей
Кровавому орлу, упавшему на дол.
Довольно мучил вас проклятый польский кат!
Прими же руку братскую, товарищ наш
и брат...» [15].

Операцию Красной Армии в Западной Беларуси и Западной Украине приветствовали также уроженцы этих регионов. Среди этой категории и людей была не редкостью такая реакция, как, например, у жителя г. Мозыря Шикруто: «Как рад, что и на моей родине будет советская власть» [16, Л. 72].

Свидетельством позитивного отношения населения БССР к данному событию является тот факт, что проходивший в БССР с 15 сентября 1939 года по конец октября месяца, то есть в период проведения операции, призыв военнообязанных в БССР был отмечен: «общеполитическим подъемом сознательности и активности масс, огромным подъемом советского патриотизма трудящихся БССР» [10, Л. 1]. За все время призыва, как сообщали органы НКВД БССР П.К. Пономаренко, «отказов от явки призывников на сборные пункты не было». Среди последних было зафиксировано всего только два антисоветских высказывания и два случая симуляции болезни [17, Л. 31].

Более того, фиксируется большое количество заявлений от военнообязанных БССР, имеющих льготы по призыву, девушек, с просьбой отправить их в действующую армию для участия в операции в Польше. Так, призывник Ворошиловского района Минской области Новицкий отказался от предоставленной ему льготы, как имеющему малолетних детей. В военкомате он заявил, что его жена работает и в состоянии воспитать детей такими же патриотами, как и он сам, а ему в связи с создавшейся международной обстановкой не время сидеть дома [18, Л. 264]. Аналогичных примеров можно привести десятки. Для людей армия могла стать тем мостом, что позволил бы вырваться из колхозов, заводов, из восточных областей БССР в бывшую восточную Польшу, т. е. Западную Беларусь. А вырвавшись, была надежда и устроится там, остаться навсегда, перевезти семью и т. д.

Кроме того, имели место случаи, когда в военкоматы обращались родители, жены призывников с просьбами о зачислении их в ряды РККА. Так, призывнику Полоцкого района Ловкину была предоставлена льгота, на следующий день в призывную комиссию было получено заявление от его родителей: «Мы огорчены, что нашему сыну предоставлена льгота и просим послать его в ряды РККА» [19, Л. 143]. Житель Гомельского района Громько, отец четырех сыновей, на призывном пункте заявил следующее: «Мне 65 лет, жене моей 59 лет, старший сын лейтенант Красной Армии, сейчас призываются в РККА еще три сына. Я прошу призывную комиссию ... направить всех четверых моих сыновей в бронетанковую часть на один танк. От полагающейся им льготы, ввиду преклонного моего возраста, а так же моей жены, я отказываюсь» [20, Л. 63]. Весьма характерным, на наш взгляд, является следующий пример. На призывной пункт Сталинского райвоенкомата г. Минска явилась мать четверых детей Е.Максимова (трое из них к этому времени уже находились в рядах Красной Армии) и попросила зачислить своего последнего сына во флот [18, Л. 100].

Органы НКВД сообщали в ЦК КП(б)Б в начале октября 1939 года следующее: «Население Советской Белоруссии с величайшим воодушевлением встречает каждое мероприятие советского правительства, направленное на укрепление силы и мощи нашего

государства... Горячо при этом одобряя сталинскую политику мира, оказание братской помощи народам Западной Украины и Западной Белоруссии, заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Эстонией, Латвией, Литвой. Все это является предметом самого широкого обсуждения среди трудящихся г. Минска, которые расценивают эти события как величайшие победы Советского Союза, одержанные им во внешней политике. Поступающие к нам агентурные данные свидетельствуют о том, что основная часть населения положительно отзывается о событиях последних дней» [21, Л. 202].

Наряду с этим следует отметить, что часть населения Советской Беларуси отнеслась к вышеуказанным событиям с определенной долей тревоги. Что касается основной массы крестьянства, то, вопреки сообщениям с мест в обкомы и райкомы КП(б)Б о сотнях митингов в поддержку внешней политики СССР, значительная из них отнеслась к событиям 17 сентября довольно холодно. Конечно, были те, кто был рад освобождению западных братьев. Люди, находясь под влиянием советской пропаганды, были уверены, что в Польше население живет еще хуже, чем в СССР. Но среди крестьянства, как части населения, что подверглось наибольшему давлению и ущемлению со стороны государства преобладало негативное отношение. Люди были обеспокоены другим: приближающейся войной, отсутствием в магазинах продуктов питания и т.д. Приведем характерные примеры. 17 сентября 1939 г. колхозница Жлобинского района прямо на митинге, посвященном началу операции Красной Армии в Польше, вступила с критикой председателя колхоза. Критика была связана с тем, что она с ребенком вынуждена проживать в сарае, и колхоз не помогает ей в постройке дома. В Староруденском сельском совете Жлобинского района после окончания митинга по поводу начала операции Красной Армии в Западной Беларуси местный учитель заявил, что Молотов, кроме всего прочего, говорил о введении карточной системы в СССР. После чего среди женщин и детей начался плач [5, Л. 3, 33].

В этой связи следует также отметить, что после окончания митингов агитаторам нередко задавались вопросы, которые свидетельствуют об определенной доле тревоги у населения республики в связи со вступлением СССР в Польшу: «Не нарушили ли договор о ненападении? Как будет смотреть на это Германия? Будем ли мы воевать с Англией и Францией?» и т.д. Об этих фактах агитаторы сообщали в докладных по поводу проведения митингов. Более того, некоторые из них даже указывали на то, что райкомам необходимо специально направить докладчиков с лекциями о международном положении [5, Л. 5, 25].

Часть оппозиционно настроенной к советской власти интеллигенции БССР, часть представителей польской национальности, проживающей в БССР, некоторые из единоличников, в целом те, кто был недоволен Советской властью, восприняли поход Красной Армии в Польшу не столь позитивно. Приведем в этой связи наиболее характерные высказывания, которые отмечали органы НКВД БССР среди этих социальных слоев. Гражданка Шабловская, проживающая в городе Минске заявила: «Напали на Польшу и разбили ее. Как только смотрят на это другие страны. Это равносильно тому, что приду к вам, ограблю и выгоню вас, а потом буду смеяться. Посмотрим, что будет дальше» [21, Л. 203]. Житель Калинковичей Роде (учитель, немец по национальности) сказал: «Развесили уши и слушают доклад Молотова о переходе нашими войсками границы Польши и избавления братьев белорусов и украинцев от угнетения польских панов, а где наше правительство было 20 лет, а где делись слова: Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира, чужой земли не хотим, но и своей не отдадим, а когда Германия начала брать, тогда наши пошли добывать убитого» [16, Л. 73]. Колхозник Полесского с/с Полесской области Запотылок подчеркнул: «СССР в газетах всегда писал, что мы не хотим воевать, а теперь пошел на Польшу войной. Это хитрая политика СССР, где можно одно говорить, делая другое» [16, Л. 16]. Проживающие на пристани «Пхов» Полесской области гражданки Тарасовы по национальности польки ходили по хатам и жаловались на то, что Германия и СССР разбили Польшу [16, Л. 35].

Конец 1930-х – начало 1940-х гг. – важная веха в развитии тоталитарной системы в целом и ее пропагандистского механизма, в частности. В этот период большевистское руководство ставило перед собой важные внутривнутриполитические и внешнеполитические задачи, при решении которых пропаганда использовалась как своеобразный «приводной ремень» между властной элитой и обществом. Польский поход в сентябре 1939 г. стал не только выражением внешнеполитических амбиций, но и своеобразным новым «испытательным полигоном» для большевистской пропаганды. Агрессия против Польши, армия и народ которой уже вели борьбу против германского нашествия, представлялась в советских пропагандистских материалах как «справедливая наступательная война» по освобождению единокровных братьев – белорусов и украинцев.

Мнение населения Восточной Беларуси по вопросу вхождения в состав Советского Союза новых территорий в целом и проведении мобилизации, похода РККА в Польшу в сентябре 1939 года в частности не было единым. 17 сентября, начало похода в Польшу, стало моментом, когда общественно-политические настроения претерпели перемены – от паники и неприятия, сопротивления к поддержке и соучастию. В основном были распространены положительные, но также были и негативные мнения с элементами недоверия и сомнения в правильности проводимой руководством страны политики в отношении Польши. По всей стране проходили многолюдные митинги и собрания. В своих выступлениях и резолюциях красноармейцы, рабочие, служащие и колхозники горячо приветствовали решение советского правительства об оказании братской помощи Западной Беларуси и Западной Украине. Люди выражали готовность в едином порыве, вместе со всей страной усиленно работать, чтобы обеспечить высокую производительность труда, досрочно выполнить все государственные задания, осуществить ещё больший подъём стахановского движения, сделать всё возможное, чтобы помочь присоединённым территориям. Люди стремились воспользоваться ситуацией, сменить своё место жительства, работы на работу и жизнь в Западной Беларуси. И для этого использовали все возможные пути – участие в войне, советизации, бегство через границу и т. д. Ранее колеблющиеся, сомневающиеся теперь стали на сторону поддержки похода РККА.

Но в БССР были и такие, кто несмотря ни на что неодобрительно воспринимал проводимую политику в отношении западных государств-соседей. Это были группы изначально оппозиционные власти – семьи раскулаченных, репрессированных, часть интеллигенции и т. д. Некоторые из них расценивали поход РККА как агрессию Советского Союза, подвергая сомнению правильность и целесообразность подобных действий; для других было непонятным, почему вокруг говорят о миролюбивой политике СССР, а в действительности происходит всё наоборот; третьи считали приход советской власти на новые территории началом их оккупации. Однако, большого размаха подобные настроения не получили, и в большинстве своём люди положительно воспринимали события на западных рубежах СССР.

Как вывод, надо отметить, что успехи СССР в ходе похода сделали ещё отчётливее и яснее образ Красной армии в сознании народа. Эта внешнеполитическая акция убедила народ в правильности выбранного стратегического направления и укрепила веру в талант и гений его лидера. В массовое сознание внедрился оптимистический прогноз будущей войны, мысль о многократном превосходстве над потенциальным противником превалировала. И чем сильнее были подобные явления в обществе, тем болезненнее воспринималось то, как неудачно развивались военные действия против Финляндии в марте 1940 года.

Список источников и литературы

1. Правда. – 1939. – 14 сентября.
2. Документы внешней политики СССР: в 24 т. – М.: Международные отношения, 1992. – Том 22. В 2 кн. – Кн. 2.: 1 сентября – 31 декабря 1939 г. – 688 с.

3. Правда. – 1939. – 17 сентября.
4. Правда. – 1939. – 19 сентября.
5. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАГОО). – Ф. 349. – Оп. 3а. – Д. 327.
6. Государственный архив Минской области (далее ГАМО). – Ф. 1. – Оп. 4а. – Д. 37.
7. ГАГОО. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 41.
8. ГАГОО. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 59.
9. Звезда. – 1939. – 17 верасня.
10. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 14701.
11. ГАГОО. – Ф. 349. – Оп. 3а. – Д. 310.
12. ГАГОО. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 48.
13. Правда. – 1939. – 18 сентября.
14. Звезда. – 1939. – 20 верасня.
15. Советская Белоруссия. – 1939. – 18 сентября.
16. ГАГОО. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 64.
17. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 16871.
18. ГАМО.– Ф. 1. – Оп. 1а. – Д. 60.
19. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 14620.
20. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 14679.
21. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 14662.

Dzmitry Tolochka, Yahor Shastapalau. The march of the Red Army into Poland in the autumn of 1939 in the perception of the population of the Byelorussian SSR. The article deals with the reaction and attitude of the inhabitants of the Byelorussian SSR to hold the Red Army fighting in Poland in September 1939. Through information from the reports of the People's Commissariat of Internal Affairs of the authors propose to get acquainted with different positions regarding this event.

УДК 94(477.43/.44=411.16)''1941''

В. В. Кононенко

Вінницький державний педагогічний
університет імені ім. М. Коцюбинського

ЕВАКУАЦІЯ ЄВРЕЙСЬКОГО НАСЕЛЕННЯ ПОДІЛЛЯ ПІД ЧАС ДРУГОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ У ЧЕРВНІ–ЛИПНІ 1941 Р.

У статті досліджується особливості евакуації єврейського населення Подолля у червне–липні 1941 г. Автор характеризує евакуаційну політику радянської влади щодо єврейського населення на початковому етапі Другої світової війни. У статті аналізуються аспекти організації евакуації єврейського населення і його самостійні дії. Автор визначає причини втрати єврейського населення у перші місяці війни і характеризує їх наслідки для переважної більшості єврейського населення Подолля.

Друга світова війна стала випробуванням як для влади, так і для суспільства СРСР. Проте для єврейської національної меншини вона мала катастрофічні як демографічні, так і ментальні наслідки. Євреї Поділля по завершенню війни в багатьох колишніх єврейських містечках так і не змогли відновити свою меншину. Велика частина єврейського населення була знищена німецькою окупаційною владою під час планомірного та цілеспрямованого геноциду цього народу – Голокосту. Однією з причин великих жертв серед євреїв Поділля стало те, що переважна більшість з них залишилася на окупованих

німецькою армією та її союзниками територіях, у тому числі й через неефективну евакуацію населення на початковому етапі війни.

Питання евакуації євреїв в сучасній історіографії дуже часто виглядає більше політичним і досліджується в контексті «єврейського питання» в СРСР. Оцінки евакуаційної та національної політики радянської влади стосовно євреїв на початку війни є різко діаметральними. Одні дослідники вказують на злочину національну політику сталінського керівництва в роки війни [1], інші прямо звинувачують комуністичну владу у відсутності будь-якої державної підтримки щодо евакуації єврейського населення [2] або визначають, що основна маса євреїв на початку війни рятувалися виключно самостійною втечею [3], а окремі дослідники цього питання, маніпулюючи цифрами, активно доводять у публіцистичній літературі, що до східних районів СРСР було евакуйовано ледь не все єврейське населення окупованої зони. Лише окремі дослідження розглядають евакуацію євреїв через призму національних аспектів евакуації та відносин у тилу [4]. На нашу думку, праць, які б комплексно досліджували дану проблему на основі архівних матеріалів, вітчизняних та іноземних праць, на жаль немає.

На початок Другої світової війни на території Вінницької та Кам'янець-Подільської областей, які більшою мірою представляють подільський регіон, проживало 263 160 євреїв, тобто 6,4 % усього населення (4083819 осіб) [5, с. 403]. В межах цих областей на початок Німецько-радянської війни (1941 р.) було зосереджено дев'ять частин усіх євреїв УРСР. Проте, якщо на 1939 рік у Вінницькій області проживало 142 тис. євреїв, а у Вінниці їх було 33 150 осіб, то на 1 квітня 1944 р. в обласному центрі їх залишилося лише 76 осіб [6, с. 9, 42]. Дослідник Голокосту євреїв в Україні А. Круглов вважає, що лише на території Вінницької області було знищено біля 160000 євреїв (включно зі 45 тис. євреїв з Буковини та Бессарабії), що складало близько 80 % єврейського населення довоєнного періоду [7, с. 181]. Таким чином переважна більшість євреїв Поділля не була евакуйована та й самостійно не змогла врятуватися перед загрозою фашистського винищення.

Дослідити точну кількість евакуйованих євреїв з Поділля фактично неможливо. Цих даних немає ні в архівних документах, ні в науковій літературі. Це пояснюється рядом причин. По-перше, в офіційних владних документах, що підтверджують партійні звіти та статистика, не ставилось завдання евакуації євреїв чи представників інших національностей, оскільки це б заперечувало основну підвалину радянської влади та СРСР як союзної держави, де відповідно до ст. 123 Конституції 1936 р. існувала «рівність громадян СРСР, незалежно від національності і раси». По-друге, плани евакуації на початковому етапі війни передбачали евакуацію у першу чергу цінних матеріально-технічних, продовольчих ресурсів, державно-партійної еліти та кваліфікованого персоналу (інженерів, лікарів високої кваліфікації, кваліфікованих робітників), щоб зберегти економіку країни в умовах війни. По-третє, евакуація населення у перші дні війни була обмежена та стримувалась, щоб не провокувати паніку серед цивільного населення. По-четверте, евакуація навіть цих ресурсів багато в чому була зірвана швидким наступом німецької окупаційної влади. Саме часовий фактор, на нашу думку зіграв основну роль проти евакуації та самостійної втечі переважної більшості єврейського населення Поділля. Окупанти вже протягом 5-7 липня 1941 р. окупували західні райони Поділля (південно-східні райони сучасної Тернопільської області) (5 липня – Підволочийськ, 7 липня – Бучач, Чортків, Гусятин). З кінця червня по середину липня 1941 р. була окупована Кам'янець-Подільська область (8 липня – Городок, Проскурів, 9 липня – Чемерівці, 10 липня – Кам'янець-Подільський, 11 липня – Деражня, Віньківці, Дунаївці, 12 липня – Нова Ушиця, 17 липня – Летичів). З 15 по 29 липня 1941 р. була окупована Вінницька область (16 липня – Бар, Жмеринка, 17 липня – Літин, Хмільник, 19 липня – Вінниця, Могилів-Подільський, 22 липня – Шаргород, Немирів, 27 липня – Гайсин, Теплик, 29 липня – Бершадь). 22 липня була окупована Кодима, а 5 серпня 1941 р.

Балтський район Одеської області – крайній південно-східний регіон Поділля. Таким чином, переважна більшість території Поділля була окупована фашистськими та румунськими окупаційними військами протягом липня 1941 р.

У перші дні війни значний відсоток євреїв серед евакуйованого з Поділля населення пояснюється не відповідними планами влади щодо евакуації єврейського населення, а тим, що значна частина євреїв Поділля представляли собою керівний, партійний, радянський апарат та кваліфікованих фахівців у промисловості та на виробництві. Крім того, дана національна меншина за чисельністю на Поділлі поступалася лише українцям.

За підрахунками М. Потьомкіної серед евакуйованих на Урал на 15 вересня 1941 р. з окупованих територій (без дітей з евакуйованих дитячих закладів) доля євреїв складала 24,8 % і це була друга за кількістю після росіян евакуйована національна меншина. На її думку євреї і росіяни склали основну частину робітників на евакуйованих заводах [4, с.150]. Підтверджує цю думку і В. Гриневич, який стверджує, що, незважаючи на прорахунки влади при евакуації євреїв серед національного складу евакуйованих громадян України були другими після росіян [8, с. 51]. Проте, дослідник зазначає, що особливістю евакуаційної політики на початковому етапі війни було те, що вона через загрозу стрімкого німецького наступу була переважно зорієнтована не на порятунок людей (на це не було ані часу, ані практичних можливостей), а на порятунок техніки, обладнання, сировини тощо [8, с. 48–51].

Вже 24 червня 1941 року було утворено Раду з евакуації (очолював нарком шляхів сполучення Л. Каганович), 26 червня 1941 р. в УРСР створено Республіканську комісію з евакуації на чолі із заступником голови РНК УРСР Д. Жилою, а 27 червня прийнято постанову ЦК ВКП(б) і РНК СРСР «Про порядок вивозу й розміщення людських контингентів», яка була доповнена вже 5 липня постановою «Про порядок евакуації населення у воєнний час». Проте, у той час, коли склалися плани евакуації, ворог блискавичним ударом захопив Західну та Правобережну Україну, тому здебільшого вдалося евакуювати промислові підприємства лише м. Києва, Київської області та Півдня України [8, с. 48].

Інші дослідники стверджують, що масова евакуація підприємств (65 %) в Україні розпочалася лише з жовтня 1941 р. Як видно із «Інструкції ЦК КП(б)У та РНК УРСР секретарям обкомів і головам облвиконкомів про заходи з евакуації та знищення майна сільського господарства прифронтових областей України» від 3 липня 1941 р. влада передусім звертала увагу на евакуацію та знищення майна, але ніяк не прореагувала на вивезення цивільного населення [9, арк. 38–40]. Серед документів ЦК КП(б) у України, які зберігаються у теперішньому архіві громадських об'єднань України (ЦДАГО України) на даний час лише одна справа, що стосується питань евакуації. Проте, перші документи у ній датуються лише 28 серпня 1941 р. У цій справі містяться звіти про проведення евакуації виключно на території Чернігівської, Сумської, Полтавської, Дніпропетровської, Сталінської, Запорізької та Миколаївської областей [9, арк. 1–119]. Таким чином, дані документи підтверджують нашу думку, що у червні-липні планової евакуації з районів Поділля які потрапляли в зону окупації не тільки населення (тим більше євреїв), але й матеріально-технічних ресурсів не було. Зі статистичних звітів можна проаналізувати категорії громадян, які потрапляли під евакуацію. Так, згідно Довідки про евакуацію населення м. Харкова за час з 18 по 29 серпня 1941 р. з міста було евакуйовано 61 314 громадян. З них: 1 026 працівників науки і мистецтва, 17 266 членів сімей залізничників, 2736 членів сімей партійних працівників і керівних працівників радянського апарату, 13 146 членів сімей військовослужбовців (керівного складу), 5 038 членів сімей НКВС, 3 865 членів сімей обласного і партійного активу, 8 100 представників евакуйованих з інших окупованих областей, 8 600 членів сімей робітників і службовців м. Харкова, 1 537 дітей та педагогічних працівників [9, арк. 87].

Таким чином, ніякої евакуації за національною ознакою у цей період не було, навіть незважаючи на те, що про факти масового винищення єврейського населення як на території Польщі, так і на території окупованих районів СРСР влада очевидно знала.

За час евакуації було евакуйовано лише біля третини українських євреїв. Загалом з України (у кордонах 1939 р.) було евакуйовано у східні райони СРСР до 700 тис. євреїв [10, с. 85]. За оцінками дослідників, загальна кількість євреїв серед усього евакуйованого населення СРСР сягала 26,9 % [11, с. 389]. Проте відкритим залишається питання чи всі із них були евакуйовані, чи влада зараховувала до них також біженців, які тікали під тиском наступаючої окупаційної армії, і яких потім розселили в інших регіонах СРСР.

Є. Розенблат та І. Єленська, що досліджували динаміку змін єврейського населення у Білорусії, стверджують, що у період окупації (а він у часовому проміжку фактично збігається з окупацією досліджуваного регіону України) з районів, захоплених до кінця червня 1941 року, було евакуйовано лише близько 11% євреїв; з районів, окупованих до середини липня 1941 року – 43–44 %, і, нарешті, зі східної частини республіки врятувалося близько 63–64 % [12, с. 42]. Отже, через швидкий наступ окупаційних військ під час якого усього за три тижні була окупована більша частина Західного та частина Східного Поділля, більшість єврейського населення не могла бути евакуйована.

Крім того, Поділля у своїй більшості – аграрний регіон, де підприємств, які б мали стратегічне оборонне та економічне значення у порівнянні зі Східними та Південними районами України було набагато менше, а отже кількість кваліфікованої робочої сили, серед яких євреї склали вагомий частку, яка б потребувала евакуації, була меншою у порівнянні з промисловими регіонами республіки. Тим більше не може йти мова про організовану евакуацію з Подільського регіону тільки єврейського населення. Якщо зважати на те, що більша частина євреїв Поділля жила в невеличких містах і селищах аграрного типу, відсоток евакуйованих з них буде невисоким. Нашу думку підтверджують автори монографії «Трансформація міграційних процесів на пострадянському просторі», які стверджують, що з липня по грудень 1941 р. з міст України, Білорусії та західних районів Росії було евакуйовано понад 1,5 тисяч лише великих підприємств. З них 1/5 частина була перебазована в Центральну Азію. У тиллові райони було переселено 12 млн. осіб. Чисельність евакуйованих на початку війни на схід тільки з України становила 1,9 млн. осіб, проте, 95 % з них були жителями Харківської, Донецької, Луганської та інших східних областей... [13, с. 394].

З огляду на зазначені причини, для більшості єврейського населення єдиним шляхом порятунку став лише самостійний відхід з зони окупації разом з відступаючими радянськими військовими підрозділами. Але й тут влада іноді не тільки не допомагала, а й заважала. Через деморалізацію окремих керівників швидким відступом Радянської армії, постановами уряду, які були іноді суперечливими, було втрачено час.

Спроби евакуації, іноді, проходили в суцільному хаосі. Про це згадують учасники тих подій. Так, у с. Котюжани Мурованокуріловецького району Вінницької області влада «забула» евакуйовати 130 дітей, серед яких були і єврейські діти. Директор дитячого будинку О. Єджієвська ціною величезних зусиль опікувалася дітьми протягом усього періоду евакуації і змогла їх врятувати. Проте вже у 1944 р. була заарештована за доносом, а у 1945 р. страчена радянською владою нібито за те, що у 1942 р. видала окупантам з інтернату 6 єврейських дітей, які були розстріляні [14, с. 224].

Найбільше непокоїла населення подільських єврейських містечок відсутність будь-якої інформації. Переважна більшість представників єврейського населення не знала, що робити. З одного боку з'являлась неофіційна інформація про винищення євреїв фашистськими військами, з іншого, як згадує єврей селища Іллінці Вінницької області А. Шарнопольський, «ніколи ще життя не ставило батьків в таке скрутне становище, коли розбіжності в думках навколишніх, страх невідомості, брак необхідної і достовірної

інформації про стан справ, розгубленість влади та її байдужість до долі єврейського населення, тієї самої влади, якій це населення звикло довірятися у всьому, змушувало батьків у болісному пошуку виходу із становища покладатися виключно на свою інтуїцію... До від'їзду готувалося кілька сімей, проте велика частина єврейського населення, обтяжена дітьми, людьми похилого віку, інвалідами та хворими, не наважувалася на радикальні зміни у своєму житті» [15].

Упорядник збірника свідчень і документів «Живими остались тільки ми. Свідчення і документи» Б. Забарко (сам колишній в'язень гетто у м. Шаргороді Вінницької області) стверджує, що швидкий наступ окупантів поставив перед євреями дилему – залишити все і тікати чи ризикнути та залишитись. Про ці внутрішні переживання розповідають більшість учасників тих подій. Основна причина – брак інформації. Про придушення повстання в Варшавському гетто чи про винищення євреїв на території Польщі інформацію доносили лише біженці з Західної України, офіційна влада мовчала. Євреї ж старшого покоління ще пам'ятали німецьку окупацію України 1918 р. і сподівались на лояльну політику цієї «культурної нації». Велика частина єврейського населення навіть не збиралася тікати, не наважуючись залишити хворих, іноді німецьких своїх родичів похилого віку. І навіть багато з тих, які спробували втекти, через швидкий рух німецько-радянського фронту змушені були повернутися назад [16, с. 14–15].

Відомий український письменник, кінорежисер Б. Хандрос, відповідаючи на питання «чому з моїх Озаринець (Могилів-Подільський район Вінницької області – від автора), інших містечок і міст густо заселених євреями, врятувалися одиниці, а більшість залишилось, щоб невдовзі опинитися в гетто, заповнити своїми тілами великі і малі Бабині Яри» вважає, що відповідальність з Гітлером і його бандою розділяє Сталін і його оточення. На його думку, система, яка в 1933 р. організувала голод, а потім стала співучасницею геноциду євреїв через замовчування гітлерівських планів по вирішенню «єврейського питання», через мовчання про гетто, табори смерті, масові розстріли євреїв у Польщі, через небажання не тільки сприяти евакуації населення, а й попередити його про небезпеку. Крім того, незважаючи ні на що, євреї безмежно довіряли радянській владі – його батько йдучи на фронт був переконаний, що «сім'ю у біді радянська влада не залишить» [17, с. 101, 106–107].

З'ясувати окремі тенденції евакуації, у тому числі з Подільського регіону, можна використовуючи матеріали Меморіального музею Холокосту США (United States Holocaust Memorial Museum) [18]. Серед колекції документів знаходяться опрацьовані архівні матеріали Центрального Державного архіву Республіки Узбекистан (Фонд РГ-Р-864, Реєстрація та довідки бюро комісаріату внутрішніх справ (НКВС) Узбецької РСР). Фонд складається з оригіналів більш ніж 250 000 карток про 339 250 евакуйованих до Узбецької РСР громадян, у тому числі з УРСР, які були зареєстровані до лютого 1942 р. Серед цих карток були відібрані 156 тис. реєстраційних карток евакуйованих євреїв та євреїв-біженців. Це були євреї, які прибули в Ташкент, були зареєстровані, а потім переміщені в інші регіони Узбекистану.

За даними карток (інформація згенерована на сайті за критерієм «Вінницька область», «Кам'янець-Подільська область») усього серед евакуйованих євреїв та євреїв-біженців у Узбецькій РСР на лютий 1942 р. було з Кам'янець-Подільської області – 2 614 осіб, Вінницької області – 2 354 осіб. Більш точну інформацію можна отримати лише після розгляду кожної з 156 тис. карток. Облікові картки на евакуйованих були двох видів: одна без назви з відміткою «місце проживання до евакуації» (таких була переважна більшість і очевидно вони заповнювались на біженців), інша – «Карточка на евакуйованного (ную)» з відміткою про час евакуації у вигляді набору цифр – 123-127-2437; 36-614-10910, 127-80-1690 тощо, що очевидно означає номер партії евакуації.

В зазначений період в Узбецьку РСР було відправлено лише частину евакуйованих та біженців. Евакуація проходила також в інші райони Середньої Азії, на Урал, Поволжя, до Сибіру та Казахстану. Проте, із опрацьованих реєстраційних карток можна зробити певні висновки. По-перше, переважна більшість євреїв з подільських міст, що прибули до Узбекистану були біженцями, а не евакуйованими. По-друге, до Узбекистану вивезено лише мізерну частину населення у порівнянні з тією кількістю єврейського населення, що були у цих містечках на час перепису 1939 р. По-третє, серед них окрім представників органів влади, кваліфікованого технічного персоналу, інженерів були представники різних професій. Так, із 47 євреїв м. Немирова Вінницької області (2 евакуйованих, і 45 біженців) було 3 керівника установ, 4 бухгалтера, 2 лікаря, 3 фармацевта, 4 педагогічних працівника, 5 робітників, 7 учнів, 1 студент, 2 службовця, 2 працівники сфери послуг, 14 непрацюючих.

На думку окремих істориків у цілому з території, яка була окупована до кінця липня 1941 р. (Мінська, Вітебська, Могилівська, Смоленська, Житомирська, Кам'янець-Подільська, Вінницька, західні райони Київської області (без Києва), вдалося евакуювати або залишили цю територію з 763 000 (24,6 % євреїв СРСР) 304 000-308 000 євреїв (близько 40 %) і на окупованій території щонайменше залишилося близько 60 % єврейського населення [18, с. 143, 146], а А. Круглов вважає, що змогли евакуюватися не більше 20 % єврейського населення Поділля. На його думку навіть після масштабних злочинів проти єврейського населення протягом літа-осені 1941 р. в межах Поділля було 175–180 тис євреїв. Лише у Вінниці на 1 січня 1942 р. було 5 505 євреїв з 35 618 тогочасних мешканців міста [7, с. 72]. Г. Костирченко вважає будь-які розмови про те, що Кремль планував спеціальні акції по врятуванню від фашистського терору єврейського населення СРСР є «політичною міфотворчістю». На його думку, на територіях, які були приєднанні до СРСР після 1939 р. вдалося врятуватися не більше 10–12 % євреїв і значно більше повезло єврейському населенню, яке проживало східніше кордону 1939 р. де вдалося врятуватися до половини євреїв [20, с. 223].

Таким чином, можемо стверджувати, що на початку німецько-радянської війни, більшість євреїв подільських населених пунктів не були евакуйовані, а рятувалися втечею самостійно і лише згодом були відправлені до інших регіонів СРСР. Значна частина з них через брак інформації або через обтяженість побутовими проблемами залишилася на окупованих територіях, що стало для них фатальною помилкою. На нашу думку, у цілому з подільських регіонів було евакуйовано та врятувалися втечею не більше третини подільських євреїв. Цей відсоток був дещо вищим на території Східного Поділля, яке було окуповане у другій половині липня – на початку серпня 1941 р. Проте, й ця цифра, очевидно, потребує корегування й дослідження. Автором у дослідженні зазначенні переважно основні особливості проведення евакуації з Поділля у перші дні війни. Навіть після роботи з архівними джерелами, спеціальною науковою літературою встановити точну кількість евакуйованих та євреїв-біженців з Поділля, не вдалося.

Список джерел та літератури

1. Бакунин, А.В. История советского тоталитаризма: в 2-х кн. Кн. 2. – Екатеринбург: Апогей, 1997. – 225 с.
2. Швейбиш, С. Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы // Вестник Еврейского университета в Москве. – 1995. – № 2(9). – С. 36–55.
3. Левин, Д. Судьбоносное решение: бегство евреев во внутренние районы СССР летом 1941 года // Яд Вашем: Исследования. Вып. 1 / Составители Даниил Романовский, Давид Зильберкланг. – Иерусалим, 2009. – 240 с. – С. 43–71.

4. Потемкина, М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. – 2002. – № 3. – С. 148–156.
5. Рубльова, Н. Анतिकостольна кампанія в УСРР: причини, інструментарій, перебіг (кінець 20–30-ті рр.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 1999. – № 1/2. – С. 388–405.
6. Жизнь в оккупации. Винницкая область. 1941 – 1944 гг. / сост. В.Ю.Васильев, Р.Ю. Подкур, С.Д. Гальчак, Д. Байрау, А. Вайнер. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С.41. Жизнь в оккупации. Винницкая область. 1941–1944 гг. / сост. В.Ю. Васильев, Р.Ю. Подкур, С.Д. Гальчак, Д. Байрау, А. Вайнер. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 856 с.
7. Круглов, А. Хроника Холокоста в Украине. – Запорожье: Премьер, 2004. – 208 с.
8. В.Гриневиц. Поперед батька в пекло. Радянська евакуація 1941 року охопила передусім апарат влади, майно, худобу. Тільки не простих українців // Український тиждень. – № 34 (199) 19 – 25.08.2011. – С.48-51.
9. Центральний державний архів громадських об'єднань України. – ф.1. – оп. 23. – спр. 24. – арк. 38-40.
10. Енциклопедія історії України: Т. 3: Е-Й / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. – К.: В-во «Наукова думка», 2005. – 672 с.
11. 22. И.Альтман. Жертва ненависти: Холокост в СССР 1941-1945 гг. – М.: Фонд «Ковчег»; Коллекция «Совершенно секретно», 2002. – 543 с.
12. Е. Розенблат та И. Еленская. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке // Диаспора. – 2002. – № 4. – С. 27–52.
13. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / под ред. Л.Л. Рибаківського – М.: Академия, 2009. – 432 с.
14. Ревуцький, В. Снітків. Історія без акцентів. Історичний нарис. Друге видання. Перероблене і доповнене. – К.: Ін-т перед. технологій, 2013. – 444 с.
15. Шарнопольский, А. То, что не сотрется с моей памяти // Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. Эвакуация. Проект «Опаленное детство». Режим доступа: <http://www.lost-childhood.com/index.php/evrejskie-bezhentsy/46-avraam-sharnopolskij>
16. Живыми остались только мы. Свидетельства и документы / ред. и сост. Б. Забарко. – К., Задруга, 1999. – 568 с.
17. Хандрос, Б. Местечко, которого нет. Штетл. Часть 1. – К.: Альтерпрес, 2002. – 368 с.
18. Evacuees in Uzbekistan: Resources from the Central State Archives of the Republic of Uzbekistan available in the USHMM Archives // United States Holocaust Memorial Museum. Режим доступа: <http://resources.ushmm.org/uzbekrefugees/>
19. Арад Ицхак Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945). – Д.: Центр «Ткума»; Д.: ЧП «Лира ЛТД»; М.: Центр «Холокост», 2007. – 816 с.
20. Костырченко Г. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2003. – 784 с.

Valeriy Kononenko. The evacuation of the jewish population of Podillya during the German-Soviet war in june-july 1941. Annotation. The peculiarities of the evacuation of the Jewish population of Podillya in June-July of 1941 are analyzed in the article. Author characterizes evacuation politics of the soviet authority power in connection to the Jewish population on the initial stage of the german-soviet war. In the article the differences between organized evacuation of population and its by individual escape are analyzed. The author determines reasons of the failure of the evacuation of the Jewish population in the first months of the war and characterizes its consequences for vast majority of the Jewish population of Podillya.

И. В. Ковальчук

Житомирский государственный
университет имени Ивана Франко (Украина)

**БОРЬБА МЕЖДУ УКРАИНСКИМИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМИ
СТРУКТУРАМИ И СОВЕТСКИМИ ПОДПОЛЬЩИКАМИ И ПАРТИЗАНАМИ
НА ТЕРРИТОРИИ ЖИТОМИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ
ОККУПАЦИИ: ПРИЧИНЫ, ХАРАКТЕР, ПОСЛЕДСТВИЯ
(ПОПЫТКА ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА)**

В статье исследуется вопрос становления в Украине двух тоталитарных идеологий – коммунистической и националистической. Определено, что они с момента своего становления находились в противостоянии. На примере территории Житомирской области в годы нацистской оккупации, используя архивные источники, прослеживается борьба между советскими подпольщиками и партизанами и украинскими националистами. Установлено, что эта борьба нанесла дополнительные страдания и потери украинскому народу и была выгодна прежде всего нацистскому оккупационному режиму.

Политическая история человечества в XX веке прошла под знаком утверждения двух доктрин, которые олицетворяли не только политические идеи, а стали мировоззренческими позициями для сотен миллионов людей, – национализма и коммунизма. Эти две идеологии, по определению немецкого философа, социолога и экономиста Вернера Зомбарта, являются плюсами, между которыми разворачивается история. В истории Украины XX века указана полярность прежде всего определена кровавой борьбой между носителями этих политико-мировоззренческих ориентаций.

В течение 1919–1920 гг. произошло падение возрожденного в марте 1917 г. Украинского государства. На территории Надднепрянщины утвердилась советская власть партии большевиков. Классовая борьба как один из основных тезисов марксизма-ленинизма в конечном итоге привел к диктатуре пролетариата. Однако за диктатурой пролетариата на самом деле скрывалась диктатура партии большевиков, а точнее ее верхушки. Большевицкое руководство четко осознавало, что средством утверждения диктатуры является террор. Необходимость применения террора и насилия для захвата и удержания власти была теоретически обоснована В. Лениным еще до осени 1917 г. [24], а 5 сентября 1918 г. – издан специальный декрет «О красном терроре». Дальнейшая большевицкая практика убедительно продемонстрировала, что террор и насилие были направлены не только против классовых и идеологических врагов – буржуазии, эксплуататоров, но и относительно отдельных рабочих и крестьян, которых обвинялись в контрреволюционной деятельности, «потере классовой бдительности» и т. п. Так началось построение тоталитарного советского режима.

Молодое поколение деятелей украинского национального движения искало новой государственной идеологии и ответа на вопрос: как достичь государственной независимости? Собственный, достаточно простой, радикальный и действенный ответ предложил Дмитрий Донцов. Его идеи, которые содержали элементы творческого насилия, иррационализма, витализма, догматизма, антиинтеллектуализма, действенности, признание «закона борьбы» и «закона вечного соперничества наций» стали фундаментальными для доктрины украинского национализма.

В течение 28 января – 3 февраля 1929 г. в одном из отелей Вены состоялся Первый конгресс (Большой сбор) Организации украинских националистов (ОУН). Конгресс избрал руководителем полковника Сечевых стрелцов Евгения Коновальца, принял устав

и утвердил основные положения политической, военной, экономической, культурной и идеологической доктрины ОУН. Главной задачей националистического движения было создания независимого Украинского государства. Предполагалось, что в период национального освобождения (первый этап государственного строительства – И. К.) в Украине будет установлена диктатура, созданная при национальной революции и будет действовать до тех пор, пока украинское государство не окрепнет настолько, что сможет дать отпор возможной внешней агрессии [19, с. 286].

Итак, украинские националисты, как и большевики, считали диктатуру эффективным средством удержания власти на начальном этапе. Соответственно террор оуновцы также активно применяли против врагов, которые препятствовали образованию Украинского государства. Такими врагами прежде были правительства Польши и Советского Союза. В частности 21 октября 1933 г. во Львове боевик ОУН Николай Лемик совершил покушение на секретаря консульства СССР Алексея Майлова (на самом деле это был сотрудник Иностранного отдела ОГПУ по имени Андрей Павлович Майлов). Оуновцы совершили это убийство как символический акт мести за Голодомор 1932–1933 гг. в Советской Украине [18, с. 20–21]. Такие действия ОУН, а также ее стремление распространить агентурное влияние на территорию Советской Украины, серьезно встревожили советские спецслужбы. Было принято решение ликвидировать руководителя украинских националистов Е. Коновальца. 23 мая 1938 г. в голландском городе Роттердам агент НКВД Павел Судоплатов передал ему замаскированный под коробку подарочных конфет с Украины пакет со взрывчаткой. В результате взрыва Е. Коновалец погиб на месте [22, с. 25–26]. Потеря лидера в конце концов привела к расколу ОУН на две отдельные организации – во главе с Андреем Мельником – ОУН (М) и Степаном Бандерой – ОУН(Б).

Таким образом, уже в начале Второй мировой войны советская власть и украинские националисты находились в открытой борьбе, направленной на взаимное уничтожение.

В течение июля 1941 г. походные групп ОУН (Б) прибыли в Бердичев, Винницу, Житомир, Кривой Рог, Николаев, Херсон. Отчет советской подпольной группы г. Житомира без эмоциональных оценок и уничижительной риторики освещает приход украинских националистов: «С первых дней прихода немцев в Житомир – 9 июля 1941 г. приехали из Львова и других западных областей много украинских националистов-бандеровцев... К бандеровцам присоединились остатки местных петлюровцев и националистов» [7, л. 14–15]. Советская пропаганда подавала украинских националистов исключительно как прислужников нацистских оккупантов. Подпольщики районного центра Коростышева указывали: «Ставленники немцев – украинские националисты, заняли все руководящие должности, повели тотальную агитацию против Советского государства, восхваляя принесенный фашистскими варварами «новый порядок в Европе» [9, л. 20]. Или: «Этих людей (бандеровцев – И. К.) Житомирская область будет помнить как предателей родины и преданных пособников фашизма». Особенно подчеркивалось враждебное отношение оуновцев к носителям коммунистической идеологии: «Националисты направляли народ на борьбу с остатками коммунистов и советским активом, используя для этого радио и местную прессу» [8, л. 12–13].

Начиная с сентября 1941 г. нацистские карательные органы начали репрессии по отношению к членам украинского националистического движения, сначала бандеровцам, затем – мельниковцам. Коммунисты-подпольщики так осветили эту ситуацию: «Немцы повели борьбу с украинскими националистами (бандеровского направления), преследуя и арестовывая их. Последние ушли в подполье, продолжая свою борьбу против Советского государства и против немцев» [8, л. 14]. Указанная ситуация была выгодна советской стороне, ведь нацисты направили свои карательные меры на конкурента по Движению Сопротивления и устраняли его «начались аресты националистов. <...> Уменьшилось гонения на коммунистов» [10, л. 47].

Уже по состоянию на 1943 г. в докладной записке в ЦК КП(б)У военный корреспондент газеты «Правда» Л. Коробков сообщал, что в январе 1942 г. националисты поняли, какое истинное отношение к ним немцев. Немцам не удалось использовать националистов в борьбе с советскими партизанами, потому что они не смогли найти с ними контакта [26, л. 6–7]. Последняя информация особенно ценна, поскольку опровергает предыдущие свидетельства об «угодничестве» немцам украинских националистов.

Украинские националисты в начальный период своей деятельности также обращали особое внимание на советских подпольщиков. Александр Яценюк – с 1 августа 1941 г. председатель Житомирского областного управления, местный житель и член ОУН(М) издал устное распоряжение ряду председателей районных управлений об установлении надзора за бывшим партийно-советским активом, чтобы они не занимались вредительством и другой подрывной деятельностью [2, л. 46].

В общем, вторая половина 1941 г. на оккупированной территории Житомирской области явно засвидетельствовала откровенно враждебное отношение советских подпольщиков и украинских националистов друг к другу. Однако в то время еще не имели место вооруженная конфронтация и кровопролитие.

В 1942 г. ситуация на оккупированных территориях значительно усложнилась. Гражданская нацистская администрация установила жесточайший оккупационный режим, одной из задач которого была борьба с советским и националистическим движением.

Сообщение немецкой полиции утверждает, что начиная с апреля 1942 г. в окрестностях Каменец-Подольского и Житомира появились малые вооруженные отделы ОУН(Б) [20, с. 63]. А. Кентий отмечает: «бандеровская ОУН с середины лета 1942 г. приступила к подготовке вооруженной борьбы за Украинское самостоятельное соборное государство (УССД) при благоприятных условиях» [17, с. 120].

Отчет о деятельности подпольной группы с. Турчиновка Чудновского района указывает: «Подпольная группа боролась против бандеровщины <...> крестьяне Петр Кривоцюк, Иосиф Развод, Александр Задоенко были бандеровцами и распространяли в селе листовки, которые им каждую субботу привозил из Бердичева велосипедист. Подпольщики решили <...> запугать родителей Кривоцюка и Задоенко. После этого в селе были только большевистские листовки» [11, л. 121–122].

В 1943 г. бандеровская ОУН стала лидером украинского национального подполья, концентрируя вокруг себя его деятельность. Разведка советских партизан докладывала руководству СССР, что на территории Западной и Правобережной Украины оуновцы ежедневно усиливают свои позиции и разворачивают вооруженную борьбу против немцев за создание независимой Украины [21, с. 8, 4]. Фактически одновременно с этим произошла активизация деятельности советских партизан, целью которой, среди прочего, было противодействие и борьба с украинскими националистами. Противостояние между носителями коммунистической и украинской националистической идеологии вошло в финальную фазу.

Летом 1943 г. руководители оуновского подполья Пулинского района Владимир Харько и Елена Зборовская скрывались на конспиративных квартирах жительниц села Ивановичи Ольги Власенко и Домны Крыжовой. Впоследствии, О. Власенко за сотрудничество с оуновцами была убита советскими партизанами [3, л. 18–20].

На территории Житомирской области создавались подразделения украинских националистов из местных жителей. Так, 8 августа 1943 произошла стычка вооруженного отряда под руководством «Жука» (Петр Музычка(о) – уроженец с. Староселье Андрушевского района) с советской диверсионно-подрывной группой «Паука» (Ивана Богорада). А уже 1 сентября 1943 эта партизанская группа убила в с. Зарубинцы Андрушевского района руководителя крупного полутысячного отряда бандеровцев «Богдана». Чтобы ослабить бандеровское движение на территории своей деятельности советские партизаны прибегли к уничтожению их сторонников из числа местного

населения [12, л. 28, 30]. По приказу И. Богорада было расстреляно 18 местных жителей, связанных с украинскими националистами [12, арк. 58].

Украинские повстанцы применяли такие же методы по отношению к советским подпольщикам и партизанам. В августе 1943 г. бойцы боевки «Жука» организовали побег из Бердичевской тюрьмы СД полковника Красной Армии Довгополова, надеясь применить его знания военного дела для своей борьбы, но за советскую агитацию среди бойцов Украинской повстанческой армии (УПА) он был казнен [4, л. 8].

В октябре 1943 г. в селе Верховня Вчорайшенского района силами местных украинских националистов были убиты 4 советских партизан. Уже в ноябре 1943 г. националисты Верховни осуществили диверсии – подожгли здания общественного хозяйства. Целью диверсий было переложить вину на советских партизан и тем самым спровоцировать против них карательные действия немцев [1, л. 25 об.–26]. Советские партизаны в декабре 1943 г. и январе 1944 г. убили местных оуновцев Степана Волынца и Александра Юрченко. В отчете Ружинского партизанского отряда отмечается, что всего было уничтожено около 80 украинских националистов и один руководитель ОУН [14, л. 2].

В июне – июле 1943 г. в Андрушевский и Коростенский районы Житомирской и в Фастовский район Киевской областей из территории Ровенской области прибыли второй и третий отделы группы УПА «Тютюнник» под командованием «Верещака» (Федора Воробца) [16, с. 377]. Они имели столкновения с советскими партизанами, в частности большой бой состоялся возле с. Заблоцкая (вероятно, с. Заболоть Радомышльского района. – И. К.). В конце июля 1943 г. украинские повстанцы находились в лесах Чоповицкого и Миланского районов, где произошел очередной бой с партизанами. На этот раз с отрядом лейтенанта Гречова – местного минера и диверсанта, который в результате столкновения погиб [15, с. 534]. Во время своего отхода отряд УПА провел несколько небольших боев с советскими партизанами, в частности, вблизи сел Катериновка Эмильчинского и Красиловка Ярунского районов [5, с. 640–641]. В документах Новоград-Волыньских подпольщиков имеется информация о погибших в противостоянии с бандеровцами Кирилле Ющенко и Федоре Лопатюке [13, л. 49–50] и партизан с. Красиловка Александре Загрывном и Феодосие Тимощуке [6, л. 63].

Отчет от 29 июля 1943 г. информирует о рейде южной частью Житомирской области сотни «Гордиенко» (Гордей Вротновський) из группы УПА «Богун». Войдя со стороны Ровенщины на территорию Житомирской области, сотня 17 июля 1943 г. близ сел Каменка и Жолобное Ярунского района провела два боя: первый с советскими партизанами, а второй – с немецкими войсками. 26 июня в с. Вишневычи Радомышльского района над р. Тетерев бандеровцы совершили обстрел отряда советских партизан [25, л. 12].

По воспоминаниям куренного УПА «Макса» (Максим Скорупский), в начале октября 1943 г. из с. Сторожив Корецкого района Ровенской области в четырехнедельный рейд отправились курень «Кватиренка» (сотни «Льва», «Буревия», «Скирды») группы УПА «Заграва» и две сотни «Негус» и «Макса» из группы «Богун», которые составляли второй курень. Общее руководство походом осуществлял «Верещака». Во время рейда указаны курени практически ежедневно имели вооруженные конфликты с советскими партизанами. Сначала Служба безопасности (СБ) ОУН казнила пленных партизан, впоследствии же, по постановлению старшинского совета, всех пленных, независимо от национальности, разоружали и отпускали. Однако, эта норма не распространялась на комиссаров и членов ВКП(б) [23, с. 171–175].

Дополнительный фронт борьбы был обременительным для обоих его участников. Поэтому между отдельными представителями украинских националистов и комиссарами партизанских соединений Сидора Ковпака, Александра Сабурова, Алексея Федорова и Якова Шкрябача во второй половине 1943 г. происходили переговоры (в том числе и на территории группы «Тютюнник» (фактически соответствовала территории Житомирской

области). – И. К.) относительно нейтралитета обеих сторон по отношению друг к другу во время их борьбы с немецкими оккупантами. Однако реальных практических последствий эти переговоры не имели [16, с. 387].

Противостояние между украинскими националистами и носителями коммунистической идеологии началось еще перед Второй мировой войной. Однако в настоящую бескомпромиссную и беспощадную борьбу оно переросло во время нацистской оккупации территории Украины. Эта борьба стала еще одним, так сказать, внутренним фронтом для народа Украины. При помощи источниковедческого анализа в масштабах только Житомирской области засвидетельствовано ее неоднородный характер на протяжении всего периода нацистской оккупации. Эта борьба принесла потери, страдания и уменьшала шансы на выживание прежде всего отягощенным жестоким нацистским оккупационным режимом рядовым украинским крестьянам.

Список источников и литературы

1. Архив Управления Службы безопасности Украины в Житомирской области (далее – АУ СБУ ЖО). – Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 4167.
2. АУ СБУ ЖО. – Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 8868.
3. АУ СБУ ЖО. – Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 28871.
4. АУ СБУ ЖО. – Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 32527.
5. Волинь і Полісся : УПА та запілля 1943–1944: [документи і матеріали] / [упоряд.: О. Вовк, І. Павленко]. – Київ – Торонто, 1999. – 724 с. (Літопис УПА. Нова серія ; т. 2).
6. Государственный архив Житомирской области (далее – ГАЖО). – Фонд П–1376. – Оп. 1. – Д. 1.
7. ГАЖО. – Фонд П–1376. – Оп. 1. – Д. 2.
8. ГАЖО. – Фонд П–1376. – Оп. 1. – Д. 3.
9. ГАЖО. – Фонд П–1376. – Оп. 1. – Д. 8.
10. ГАЖО. – Фонд П–1376. – Оп. 1. – Д. 30.
11. ГАЖО. – Фонд П–1376. – Оп. 1. – Д. 38.
12. ГАЖО. – Фонд П–1376. – Оп. 1. – Д. 43.
13. ГАЖО. – Фонд П–1376. – Оп. 1. – Д. 89.
14. ГАЖО. – Фонд П–1376. – Оп. 1. – Д. 144.
15. Історія українського війська (1917–1995) / [упоряд.: Я. Дашкевич]. – Львів: Світ, 1996. – 840 с.
16. Кентій, А. Війна без пощади і милосердя: Партизанський фронт у тилу вермахту в Україні (1941–1944) / А. Кентій, В. Лозицький. – Київ: Генеза, 2005. – 408 с.
17. Кентій, А. В. Нариси історії Організації українських націоналістів в 1941–1942 рр. / А. В. Кентій. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 1999. – 201 с.
18. Киричук Ю. Український національний рух 40–50-х років ХХ століття : ідеологія та практика / Ю. Киричук. – Львів: Добра справа, 2003. – 464 с.
19. Конгрес Українських Націоналістів 1929 р.: [документи і матеріали] / [упоряд. В. Муравський]; НАН України, ЛНБ ім. В. Стефаника; Центр досліджень визвольного руху. – Львів, 2006. – 420 с.
20. Косик, В. УПА в німецьких документах / В. Косик // Український визвольний рух. – № 1. – Львів, 2003. – С. 57–86.
21. ОУН і УПА в 1943 році: [документи]. / [упоряд.: О. Веселова, В. Дзьобак, М. Дубик, В. Сергійчук; відп. ред. С. Кульчицький]. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2008. – 347 с.
22. Патриляк, І. К. «Встань і борись! Слухай і вір...»: українське націоналістичне підпілля та повстанський рух (1939–1960 рр.): [монографія] / І. К. Патриляк. – Львів: Часопис, 2012. – 592 с.

23. Скорупський, М. Туди де бій за волю: (спогади курінного УПА Максима Скорупського – Макса) / М. Скорупський. – Київ: Козаки, 1992. – 352 с.

24. Хомизури, Г.П. В. И. Ленин о терроре (теория и практика) (Цитаты без комментариев) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.scribd.com/doc/66462468/В-И-ЛЕНИН-О-ТЕРРОРЕ-ТЕОРИЯ-И-ПРАКТИКА>

25. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). – Фонд. 3833. – Оп. 1. – Д. 112.

26. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАОО Украины). – Фонд 62. – Оп. 1. – Д. 220.

Ivan Kovalchuk. The fighting between Ukrainian nationalist structures and Soviet underground forces and partisans in the territory of Zhytomyr region during the nazi occupation: reasons, nature, the effects (the attempt of source analysis). The article deals with the question of formation in Ukraine of two totalitarian ideologies – Communist and nationalist. It's quite evident that they were from the time of its formation in opposition. For example, the territory of the Zhytomyr region in the years of Nazi occupation, using a broad base of sources, traced the struggle between Soviet partisans and underground forces and Ukrainian nationalists. It was found this struggle had caused further suffering and loss of the Ukrainian people, and was beneficial primarily to the Nazi occupation regime.

УДК 930:94:341.485(430:(47+57))«1941 - 1944»

В.А. Латышева

Белорусский государственный университет

ЖЕРТВЫ НАЦИСТСКОЙ ПРОГРАММЫ УМЕРЩВЛЕНИЯ “Т-4” НА ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ: К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

В предлагаемом материале сфокусировано внимание на генезисе и современном состоянии проблемы исследования такого объекта как жертвы нацистской программы умерщвления “Т-4” на оккупированных советских территориях в годы Второй мировой войны в рамках отечественного и зарубежного научного дискурса проблемы.

Евгений Георгиевич Габричевский – один из советских учёных, получивший известность в 1920-ых гг. не только в ещё молодом государстве – Советском Союзе, но и за его пределами. Он стал первым из отечественных биологов, кому была присвоена премия Международного совета по образованию, как и стипендия Рокфеллерского фонда. В 1924 г. по специальному разрешению Наркомпроса РСФСР Е.Г. Габричевский уехал в США, где работал в лаборатории прородителя генетики Т.Х. Моргана в Колумбийском университете. По ряду причин успешный биолог не вернулся в СССР, он связал свою дальнейшую жизнь уже с Западной Европой. В 1930-ые гг. психическое расстройство вынудило Е.Г. Габричевского отказаться от научной деятельности. Он был госпитализирован в специализированную клинику в пригороде Мюнхена. Однако болезнь не помешала Е.Г. Габричевскому приобрести мировую известность как талантливому художнику. В 2014 г. И.Б. Якушев, кандидат медицинских наук, врач-психиатр реконструируя биографию Е.Г. Габричевского, отмечает следующую деталь из сложной жизни Евгения Георгиевича : «В середине 1930-х гг. к власти в Германии пришли национал-социалисты. После издания приказа Гитлера об уничтожении душевнобольных, младший брат художника Юрий тайно вывез его из клиники и в течение всех лет гитлеровского режима прятал в подвале своего дома в Мюнхене – осинном гнезде нацистов» [23].

В одном И.Б. Якушев заблуждается. «Приказ Гитлера об уничтожении душевнобольных», официальное название документа «Указ об эвтаназии», распространялся на более широкий круг граждан Германии. Он включал в себя не только душевнобольных, но и людей с ограниченными физическими возможностями, болевших продолжительное время либо не имевших шанса на выздоровление, а также и другие группы населения из числа тех, кого нацистская пропаганда в Германии активно преподносила обществу как «лишних едоков». Они, по мнению нацистов, были «недостойны жить». В целом преступная политика унесла жизни 216 тыс. граждан Германского рейха, страдавших психическими, умственными и физическими заболеваниями [2, с. 227]. Однако катастрофа, постигшая больных людей, была более масштабной: несмотря на то, что программа по их ликвидации имела своей целью «очищение арийской нации», она «успешно» была перенесена нацистами и на оккупированные ими территории, в том числе Советского Союза.

Вместе с тем, несмотря на особый трагизм, подобные жертвы нацизма на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны по ряду причин не удостоивались должного внимания в историографии. Ряд современных исследователей проблемы отмечают, что связанные с «эвтаназией» преступления повсеместно вытеснялись из общественного сознания. Однако нельзя согласиться с тем, что данная тематика была полностью лишена научного дискурса, особенно по отношению к такой категории как душевнобольные пациенты специализированных учреждений.

Так, среди исследователей проблемы уничтожений на оккупированных советских территориях в сфере научного обсуждения проблемы ветку первенства принято отдавать видному психиатру и организатору системы советского здравоохранения профессору Д.Д. Федотову. Именно он в 1965 г. обратил внимание на подобные факты уничтожений и на территории советских республик. Правда, следует отметить, что публикация этого автора «О гибели душевнобольных на территории СССР, временно оккупированной фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны» [19] увидела свет в специализированном журнале – «Вопросы социальной и клинической психоневрологии», доступном только довольно узкой профессиональной аудитории.

Определённую публичность в обществе статья Д.Д. Федотова приобрела в 1970-ые гг. благодаря ставшей откровением рецензии советского правоведа Н.С. Алексеева на работу «Nazimordaktion, T. 4. Ein Bericht uber die erste industrimabig durchfuhrte Mordaktion des Naziregimes. Berlin. VEB Verlag Volk und Gesundheit»(1973 г.). Она принадлежала Ф. Каулю, известному адвокату, неоднократно выступавшего обвинителем на процессах нацистских преступников в ФРГ, талантливого журналисту, профессору права. Н.С. Алексеев обратил внимание на следующую мысль коллеги из Германии, который отметил, что: «Если в самой Германии [в 1941 г.] число подобных акций резко сократилось, то во временно оккупированных странах, в том числе на территории Советского Союза, они продолжали осуществляться» [6, с. 123].

Как доказательство справедливости замечания Ф. Кауля, советский юрист привёл факты из публикации Д.Д. Федотова. В частности, об уничтожениях 900 неизлечимых пациентов из Гвардейска (Ленинградская обл.), 100 больных женщин из 4-ого отделения больницы им. Кашенко в г. Гатчина (Ленинградская обл.), 210 пациентов специализированного санатория в г. Ейске [там же]. Кроме того, Н.С. Алексеев сослался и на опубликованные в 1960-ых гг. документы в том числе из фондов ЦГАОР СССР (с 1992 г. Государственный архив Российской Федерации), среди которых также были и переводы немецких отчетов, содержащих данные и об уничтожениях душевнобольных пациентов, включая осуществлённые в Риге [15, с. 116].

Кроме того, в это же время в научном дискурсе проблема уничтожения душевнобольных пациентов из специализированных учреждений на оккупированных территориях СССР приобрела характер акцентирования внимания на раскрытии локальных аспектов.

Именно в 1970-е гг. появляются отдельные публикации, отражающие преступления нацистов в годы оккупации против душевнобольных из специализированных учреждений на примере отдельных республик. Так, в 1970-ом г. пожалуй, впервые появилась возможность говорить среди прочих и о бесчеловечных преступлениях нацистов в Беларуси против пациентов из специализированных учреждений благодаря диссертационному исследованию психиатра Л.А. Костейко [11]. Однако сам текст диссертации так и не был опубликован.

Спустя несколько лет, в 1974 г. уроженец г. Лиды Э.А. Вальчук, организатор здравоохранения в БССР, тогда уже будущий доктор медицинских наук, профессор стал первым, кто обратил внимание широкой общественности на факт уничтожения душевнобольных из медицинского учреждения, располагавшегося в Лидском районе. Правда, в публикации в основном речь шла о медицинских работниках этого района, часть из которых была уничтожена вместе с пациентами больницы для душевнобольных [8, с. 35].

В 1980-е гг. тенденция, отмеченная в предыдущем десятилетии, получила своё продолжение благодаря выпуску специализированного сборника «Советская психиатрия в годы Великой Отечественной войны». На страницах издания были отражены трагедии, разыгравшиеся как на территории отдельных советских республик, как, например, в Латвии [18], так и отдельных населённых пунктов СССР – Житомире [16], Одессе [12], Гатчине [10].

В дальнейшем в историографии вопроса получил своё продолжение «республиканский» вектор. Так, например, начиная с 1990-ых гг. проблема уничтожения больных на оккупированной территории Беларуси привлекла пристальное внимание коллег из Германии. В частности, в 1999 г. увидело свет ставшее впоследствии широко известным исследование К. Герлах. Кроме решения основной задачи его монографии, К. Герлах расширил географию преступлений, включая в неё уничтожения в районе Белостока, а также в Червене [4, с. 1070–1086].

В 2000-ых гг. вновь был поднят вопрос о подобных уничтожениях на территориях бывших Прибалтийских республик. Если в 1960-х гг. были опубликованы документы, содержащие факты уничтожения душевнобольных из числа пациентов специализированных учреждений в Риге, а в 1980-х годов на более длинный список учреждений, пациенты которых подверглись подобным преступлениям на территории оккупированной в годы Второй мировой войны Латвии, указала З.Г. Сочнева [18, с. 119–121], ранее возглавлявшая Рижскую республиканскую психоневрологическую больницу (сегодня «Рижский центр психиатрии и наркологии»), то благодаря ряду работ, вышедших с 2000-ых гг. и принадлежащие историку из Германии Б. Фельдеру, сегодня не только известны, но и досконально исследованы факты уничтожения душевнобольных пациентов из клиник Латвии, Литвы и Эстонии [см., например: 3].

В это же время в центре внимания публикаций выпускников исторического факультета БГУ О. Голеты [9] и А. Фридмана [20, 21] оказались пусть и опубликованные, но не исследованные ранее факты уничтожения больных в Беларуси – в Минске и Могилеве. Указанные авторы попытались придать известным фактам должное научное звучание. В частности А. Фридман указал на тесную взаимосвязь уничтожения людей с ограниченными возможностями и Холокоста на примере судеб душевнобольных евреев из Могилёва.

В 2010-х гг. исследование проблемы приобретает новый вектор. В сферу объекта исследования пытаются быть вовлечёнными факты как о локальных особенностях политики уничтожения душевнобольных из числа пациентов специализированных учреждений, так и результаты более детализированного анализа проблемы на территории всех оккупированных республик. В частности, немецкий историк медицины Г. Хоендорф также обратился к проблеме уничтожения пациентов из Минска и Могилёва. Вместе с

тем, он рассмотрел эти преступления бесчеловечного характера в системе им подобных, отметив: «Смертельная война против Советского Союза была направлена не только против Красной Армии, но и против гражданского населения, против той его части, которая была враждебна с политической точки зрения и считалась неполноценной с точки зрения наследственности и расовой принадлежности» [22]. Он остановился на подобных преступлениях в таких населённых пунктах Латвии как Аглоне, Даугавпилс (Дюнабург), Елгава (Митау), а также места уничтожений пациентов на территории Литвы, как, например, в Мариямполе.

Кроме того, также в 2010 г. в соавторстве с историком У. Винклер увидела свет и другая публикация Г. Хоэндорфа. Её авторы добавляют к подобным, но выявленным ранее местам массовых убийств, совершённых нацистами, ещё Волковыск и Гродно, где больных также постигла трагедия [5, с. 77–80].

В 2012 г. в широком доступе оказались материалы, подготовленные П.Т. и А.П. Петренками, коллегами из Украины. На страницах журнала «Психічне здоров'я» авторы обобщают известные ранее материалы: уничтожения осуществлённые нацистами в Литве и Латвии, а также в таких населённых пунктах как Черняковичи под Псковом, в Лотошинске (Московская обл.), Сапогова под Курском и др., дополняя их ранее менее известными фактами подобных уничтожений в Воронеже и в Бурашево (Тверская обл.). Более детально украинские коллеги останавливаются на акциях уничтожения душевнобольных пациентов в Киеве, Житомире, Виннице, Полтаве, Игрине, (Днепропетровская обл.), Харькове, Преславле (Запорожская обл.), Одессе и др. [13], [14].

В целом, несмотря на перечисленные работы рассматриваемая проблема не получила уровня самостоятельного монографического исследования, в большей степени сегодня её продолжают составлять отдельные публикации на страницах специализированных профильных газет, журналов и сборников. Представляется, что современное состояние проблемы требует как минимум исследовательской работы в двух направлениях. Во-первых, дальнейшее выявление и анализ неизвестных ранее акций уничтожения.

Например, территория преступлений в Беларуси не ограничивается убийствами в годы оккупации наименее защищённых социальных групп в указанных коллегами населённых пунктах. В частности реконструкция довоенной сети психиатрической помощи, оказываемой в БССР в межвоенный период указывает на необходимость исследования судеб душевнобольных из одного из старейших центров по оказанию им помощи – в г. Витебске, а также ещё только формировавшимся с 1940-ого года аналогичного центра в г. Пинске.

Ещё в 2003 г. знания о судьбе пациентов из областной психиатрической больницы под Смоленском заключались в фразе «В период Великой Отечественной войны больница была разрушена, ее восстановление завершилось к середине 60-х гг.» [17, с. 366 – 367]. Однако уже в 2006 г. одна из юбилейных публикации, посвящённая столетию учреждения, включила следующую информацию. «1 января 1942 года, когда немцам понадобились помещения для раненых и сыпнотифозных больных, доктор Мельман заявил и. о. гл. врача психбольницы П.Н. Кулику, чтобы он искал себе квартиру вне стен больницы. На вопрос врача П.Н. Кулика, кто же будет обслуживать психически больных, он со смехом заявил, что «эти больные ни в каких услугах больше нуждаться не будут, и в то время, когда мы вас освобождаем, вы с вашими идиотами больными будете занимать корпуса больницы, которые пригодятся для немцев проливающих за вас свою кровь». Других документальных сведений о судьбе больных и персонала не сохранилось» [7, с. 20].

Документы о трагической судьбе пациентов Черниговской психиатрической больницы представлены для доступа исследователей как минимум копиями допросов многочисленных свидетелей, актами Чрезвычайной государственной комиссии, в том

числе в Национальном архиве Республики Беларусь. Однако до сих пор они так и не введены в научный оборот.

Во-вторых, с целью реконструкции полной картины преступлений и сохранения памяти о них необходим анализ и синтез выявленных фактов на всех оккупированных территориях. В этой связи нельзя не отметить уже предпринятые шаги, в частности, успешные результаты белорусско-немецкого проекта «Уничтожение душевнобольных на территории Беларуси: 1941–1945», курируемого профессором Р. Худеманном (Сорбонна, Париж). При поддержке фонда Г. Хенкель, в январе 2016 года в Германии вышла книга «Diskriminiert – vernichtet – vergessen. Behinderte in der Sowjetunion, unter nationalsozialistischer Besatzung und im Ostblock 1917–1991» [1], отразившая не только новые результаты постсоветских и зарубежных исследований в отношении территории Беларуси, но также оккупированных в годы войны территорий России, Украины, Латвии, Литвы и Эстонии. Возможно, проект получит и русскоязычное звучание, став более доступным для широкого круга не только исследователей. Видится, что рассматриваемая тема является ещё одной из общих задач, решить которую надлежит совместными усилиями как минимум исследователей из Беларуси, России, Украины, Латвии, Литвы и Эстонии.

Список источников и литературы

1. Diskriminiert – vernichtet – vergessen. Behinderte in der Sowjetunion, unter nationalsozialistischer Besatzung und im Ostblock 1917 – 1991. Herausgegeben von Alexander Friedman und Rainer Hudemann. Frany Steiner Verlag, Stuttgart 2016. – 564 s.

2. Faulstich, Heinz, Die Zahl der „Euthanasie-Opfer“. In: Euthanasie und die aktuelle Sterbehilfedebatte. Die historischen Hintergründe medizinischer Ethik, hrsg. v. Frever, Andreas und Clemens Eickhoff, Frankfurt a. M. 2000. – S. 218–234.

3. Felder, M. Björn, Für eine Stalinismusforschung jenseits der Regionalgeschichte: Eine Antwort auf Olaf Mertelsmann und Kaspars Zellis (S. 234–241) Forschungen zur baltischen Geschichte 5 (2010).

4. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg, 1999. – 1234 s.

5. Winkler, U., Hohendorf, G. «Nun ist Mogiljow frei von Verrückten». Die Ermordung der PsychiatriepatientInnen in Mogilew 1941/42 / U. Winkler, G. Hohendorf // Krieg und Psychiatrie 1914–1950 / Hrsg. von B. Quinkert, Ph. Rauh und U. Winkler. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2010. – S. 75–103.

6. Алексеев, Н. С. F. Kaul. Nazimordaktion, Т. 4. Ein Bericht über die erste industriemäßig durchgeführte Mordaktion des Naziregimes. Berlin. VEB Verlag Volk und Gesundheit, 1973. :[Рецензия] / Н. С. Алексеев. // Правоведение. – 1977. – № 1. – С. 122–124.

7. Андреев, И. В., Окружная, Т. В. Из истории Смоленской областной клинической больницы / И. В. Андреев, Т. В. Окружная // Социальная и клиническая психиатрия, № 2, том 16, 2006. – С. 18 – 24.

8. Вальчук, Э. А. Медицинские работники Лидского района в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками / Э. А. Вальчук // Здравоохранение Белоруссии, № 8, 1974 г. – С. 35–37.

9. Голета, В. «Lebensunwertes Leben»: лёс пацыентаў псіхіятрычных клінік Беларусі ў 1941–1944 гг. / В. Голета // АРСНЕ. – 2010. – № 7–8. – С. 610, 617.

10. Зайцев, А. П. Ленинградская психиатрическая больница им. П.П. Кащенко в военные годы / А. П. Зайцев // Советская психиатрия в годы Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов / Под общ. ред. Кабанова, В.В. Ковалёва. – Л.: Ленинградский НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1985. – С. 111–114.

11. Костейко, Л. А. Развитие психиатрии в Белоруссии (конец XVIII века – 1960 г.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук: специальность 767 Психиатрия; Минский государственный медицинский институт, 1970.
12. Пасечников, А. М. Одесская областная психиатрическая больница № 1 в 1941–1945 гг. / А. М. Пасечников // Советская психиатрия в годы Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов / Под общ. ред. Кабанова, В.В. Ковалёва. – Л.: Ленинградский НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1985. – С. 115–117.
13. Петренко, П. Т., Петренко А. П. Психиатрия при нацизме: убийства душевнобольных на временно оккупированных территориях СССР. Сообщение 6. / П. Т. Петренко, А. П. Петренко // Псіхічне здоров'я. – 2012. № 1. – С. 88–92.
14. Петренко, П. Т., Петренко А. П. Психиатрия при нацизме: убийства душевнобольных на временно оккупированных территориях СССР. Сообщение 7. / П. Т. Петренко, А. П. Петренко // Псіхічне здоров'я. – 2012. № 2. – С. 77-89.
15. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1968.
16. Ройтельман, А. Г. Из истории психиатрического дела на Житомирщине (1941–1945 гг.) / Ройтельман А. Г. // Советская психиатрия в годы Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов / под общ. ред. Кабанова, В.В. Ковалёва. – Л.: Ленинградский НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1985. – С. 118–119.
17. Смоленская область: Энциклопедия: В 2 т./ Отв. ред. Г. С. Меркин; Смоленский гос. пед. ун-т (СГПУ). – Смоленск, 2001 – 2003. Т. 2: А – Я. – 2003. – С. 366–367.
18. Сочнева, З. Г. Психиатрическая помощь в Латвии в годы Великой Отечественной войны / З. Г. Сочнева // Советская психиатрия в годы Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов / Под общ. ред. Кабанова, В.В. Ковалёва. – Л.: Ленинградский НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1985. – С. 119–121.
19. Федотов, Д.Д. О гибели душевнобольных на территории СССР, временно оккупированной фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны / Д.Д. Федотов // Вопросы социальной и клинической психоневрологии. – 1965. – № 12, С. 443–459.
20. Фридман, А. Могилёв – возможный центр уничтожения европейского еврейства? / А. Фридман // История могилевского еврейства. Документы и люди / под ред. А. Литина. Т. 2. Ч. 2. Могилев, 2009. – С. 146–147.
21. Фридман, А. Уничтожение пациентов могилёвской психолечебницы – путь к созданию нового поколения «душегубок» / А. Фридман // Там же. – С. 190–193.
22. Хозндорф, Г. Убийства под знаком эвтаназии при нацистском режиме / Г. Хозндорф // Новости медицины и фармации. – 2010. – № 329.
23. Якушев, И. Б. Мухи и бабочки / И. Б. Якушев // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. – 2014. – № 1 (3) [Электронный ресурс]. – <http://medpsy.ru/climp>. Дата доступа: 15.03.2015.

Viktorya Latyshava. Victims of the nazi slaughter programm «Т-4» within the occupied Soviet territories: to the problem of the reseach state. Amid the native and foreign scientific discourses of the problematic the article pays attention on genesis and a present state of such of the an object of the research as victims of the Nazi slaughter program «Т-4» within the occupied soviet territories during the years of World War II.

Л.В. Гавриловец
Мозырский государственный педагогический
университет имени И.П. Шамякина

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГГ. XX В. – НАЧАЛЕ XXI В.*

В статье анализируется состояние и перспективы гуманитарного сотрудничества Беларуси и Польши в 1996–2006 гг., определены конкретные направления гуманитарного взаимодействия двух стран и факторы, оказывающие влияние на состояние связей в этой сфере. Среди субъектов гуманитарного сотрудничества активную роль осуществляли общественные организации, в первую очередь национальные объединения, союзы, научно-образовательные и творческие коллективы. Их деятельность была направлена на расширение взаимодействия двух стран в гуманитарной сфере.

Первая половина 1990-х гг. характеризовалась довольно активными обменов и взаимодействием между Беларусью и Польшей в области культуры, искусства, образования и науки. Во второй половине 1990-х гг. ситуация изменилась и наблюдается падение темпов взаимодействия двух государств в гуманитарной сфере. В 1997 г. была создана Консультативная польско-белорусская комиссия в культурной сфере, председателем которой стал А. Цехановецкий. Во главе польской делегации стал уполномоченный представитель Правительства Республики Польша в культурной сфере зарубежом С. Журовский, а белорусской - уполномоченный представитель Правительства Республики Беларусь, Председатель Государственной инспекции Республики Беларусь по охране историко-культурного наследия Д.С. Бубновский. Однако на этом польско-белорусское культурное сотрудничество закончилось [1, с. 323]. Безусловно, на это отрицательно повлияло финансовое состояние в двух государствах, но главная причина заключалась в политических отношениях между Беларусью и Польшей. Подтверждением тому являлись события, произошедшие 12 сентября 1998 г. в Новогрудке. На празднование 200-летия со дня рождения А. Мицкевича в Новогрудок из Варшавы приехала делегация, в которую входили представители «другого значения». Правда, необходимо отметить, что во время торжественного закрытия Года Мицкевича в Варшаве президент Польши А. Квасьневский отметил, что юбилею поэта на территории Беларуси было уделено огромное внимание [2, с. 19].

Относительно поздно, в марте 1995 г. (вступило в силу в 1997 г.) было заключено польско-белорусское Соглашение о сотрудничестве в области защиты историко-культурного наследия. В нем предусматривалось проведение совместных регистрационных и исследовательских работ с целью определения ценности и состояния, находящихся на территории обоих государств культурных ценностей [3, с. 63]. Тем не менее, Варшавский университет, прежде всего студенческая научная секция по истории искусства под руководством М. Каламайской-Саед без участия белорусской стороны начала инвентаризацию памятников архитектуры, истории и культуры на территории Беларуси, а Бюро уполномоченного представителя правительства Польши в культурной сфере зарубежом профинансировало реставрационно-строительные работы. Как отмечал Т. Поляк, возникла новая концепция реставрации памятников архитектуры: охрана через инвентаризацию [1, с. 324].

*Работа выполнена в рамках гранта БРФФИ № Г15М-138

На территории Польши действовало образовательное Общество «Польша - Беларусь», которое инициировало и организовало ряд культурных мероприятий, а также участвовало во многих акциях, проводимых Посольством Республики Беларусь в Варшаве. Так, в июле-августе 1996 г. в Поморском воеводстве была организована выставка на тему «Живопись и народное ремесло Беларуси»; в 1998 г. в Варшаве и других городах Польши при содействии общества состоялась выставка художников Белорусской академии искусств В. Славыка, В. Висьневского. Значительным мероприятием в мае 1997 г. стали Дни белорусской культуры в Польше, активное участие в организации которых приняли Общество сотрудничества «Польша - Восток» и «Польша - Беларусь» [4, с. 70]. В 1999–2002 гг. действовала частная радиостанция «Рацыя» в Белостоке, Бяло-Подляске, финансируемая из средств польского МИДа. Радиостанция вещала программы на белорусском языке, предназначенные для белорусского меньшинства в Польше [5, s. 151].

В первой половине 2000-х гг. между белорусской и польской стороной произошло недопонимание в связи с заявлениями руководства Союза поляков на Беларуси о нарушении прав польского национального меньшинства. Согласно утверждениям председателя СПБ Т. Гавина, они были вызваны отсутствием гармонии в белорусско-польских отношениях. Частично Т. Гавин объяснял это прозападной ориентацией Польши, которая сказывалась и на представителях национальных меньшинств. Председатель СПБ заявлял, что белорусские власти не выполняют положения Договора о дружбе и добрососедстве, которые гарантировали создание условий для проживания 400 тыс. поляков на территории Беларуси. Трудности, возникшие при перерегистрации СПБ в Министерстве юстиции, отозвались кампанией в польских СМИ, которые писали об угрозе роспуска этого объединения. Белорусские власти в свою очередь ссылались на отсутствие внимания польского центрального и местного руководства к проблемам действующего преимущественно на Белосточчине Белорусского общественно-культурного товарищества. Так, товарищество уже не первый год находилось в тяжелом финансовом состоянии. Задолженность организации перед властями Белостока за аренду здания на начало 2000 г. составила 50 тыс. долл. Существовала реальная угроза потери очень важного культурного центра белорусов в Польше [2, с. 20].

В сложившейся ситуации важную роль в развитии двусторонних отношений сыграли неправительственные организации Польши, например, фонд им. С. Батория. Так, в рамках научного и культурного обмена ряд белорусских студентов получили стипендии в Польше. Весной 1999 г. польские и белорусские власти определили основные направления активизации культурных отношений между государствами, в том числе проведение Дней польской культуры в Беларуси и визит польского министра культуры и искусства И. Внук-Назаровой. Однако данные мероприятия не были реализованы. Также на несколько лет затянулось согласование документов об официальном статусе Культурного центра Беларуси в Варшаве и Польского института в Минске. Процесс открытия данных учреждений начался еще в 1994 г., но фактически был приостановлен из-за охлаждения белорусско-польских отношений. Польский институт работал в Минске с осени 1997 г., не имея официального статуса. Сейчас институт имеет дипломатический статус и входит в число польских институтов, которые представляют польскую культуру более чем в 20 странах мира.

Некоторые проблески в культурных отношениях Польши и Беларуси проявились в 2003 г., когда Беларусь посетил маршал Сената Л. Пастусяк в связи с открытием памятника А. Мицкевичу в Минске, а также прошли торжественные мероприятия, посвященные 60-летию со дня битвы под Ленино с участием польского премьер-министра Л. Миллера, возглавившего официальную делегацию Польши. В состав делегации вошли также Министр национальной обороны Польши Е. Шмайдиньский, 131 ветеран войны, рота почетного караула, военный оркестр и хор министерства обороны, а также делегация польского города-побратима Гарволина [1, s. 325].

Традиционной в польско-белорусских отношениях в 1996–2006 гг. остается и проведение олимпиады по белорусскому языку на территории Польши. Олимпиада проходила ежегодно, в общей сложности уже состоялось 12 олимпиад, ведущая тематика которых - известные белорусские классики литературы. Так, IV олимпиада по белорусскому языку (1998 г.) была посвящена идее романтизма в жизни и творчестве Я. Барщевского, Я. Чечота, В. Дунина-Марцинкевича, критике царской системы в творчестве Ф. Богусевича, К. Калиновского, а также концепции позитивизма в литературе периода «Нашей Нивы». В 2000 г. VI олимпиада посвящена поэме Я. Коласа «Новая земля» как образу белорусской крестьянской жизни. В 2002 г. (VIII олимпиада) – творчеству М. Танка, 2004 г. (X олимпиада) – известной эмигрантке-писательнице Н. Арсеньевой (100-летие со дня рождения), 2005 г. (XI олимпиада) – творчеству В. Быкова (в связи с 80-летием со дня рождения), 1999, 2006 г. (VIII, XII олимпиады) – М. Богдановичу (110-летие и 115-летие со дня рождения).

Запоминающимся для лауреатов и финалистов стало подведение итогов олимпиады, которое на протяжении восьми лет проходило в Беларуси. Вначале победителей олимпиады и их учителей принимали в Гродненской области, затем заключительные мероприятия были перенесены в Минск, в Дом дружбы и Белорусский государственный университет. Так, польские старшеклассники – лауреаты XII ежегодной олимпиады по белорусскому языку в Польше, 14 июня 2006 г. посетили Белорусский государственный университет. В составе группы 27 школьников и 5 членов Главного комитета олимпиады: преподаватели кафедры белорусской филологии Варшавского университета и лицеев из польских городов Бяло-Подляска и Гайновка. Среди польских гостей – и один из первых почетных докторов БГУ, известный ученый, специалист по белорусскому языку и литературе профессор Варшавского университета А. Борщевский. В этом же году олимпиада была включена в план сотрудничества Варшавского университета и Белорусского государственного университета [6, с. 54]. Главными организаторами заключительных мероприятий были Белорусское товарищество дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Товарищество Польша - Беларусь, Министерство образования Республики Беларусь, представители Министерства иностранных дел Республики Беларусь, Комитета по делам религий и национальных меньшинств Совета Министров Республики Беларусь, Белорусского фонда культуры, а также писатели, ученые, учителя и журналисты. Памятные подарки для победителей олимпиады учредили также Посольство Республики Беларусь в Польше и Посольство Республики Польша в Беларуси.

Кроме того, согласно Закону Республики Польша «О системе образования» от 7 сентября 1991 г. права лауреатов и финалистов предметных олимпиад определяет министр образования. Так, Министр образования и спорта Польши К. Лыбацкая 20 февраля 2004 г. издала распоряжение, согласно которому лауреаты и финалисты олимпиады по белорусскому языку получают отметку «отлично» за данный учебный год; освобождаются от экзамена на аттестат зрелости по белорусскому языку на основе справки председателя Главного комитета олимпиады; получают аттестат зрелости с отметкой о звании лауреата или финалиста олимпиады по белорусскому языку, а вместо результата выпускного экзамена по языку получают запись «освобожден» [7, с. 1475]. Эти же права были подтверждены в новом распоряжении Министра образования и спорта Польши М. Савицкого 7 сентября 2004 г. [8, с. 3991]. Таким образом, на протяжении 12 лет на всех этапах соревнований (школьных, окружных, центральных) приняли участие около 1 500 учащихся. Среди них звание лауреата и финалиста получили более 300 человек. Лауреаты и финалисты олимпиады по белорусскому языку получили возможность глубже познакомиться с национальной культурой и историей белорусского народа во время посещения Беларуси, встретиться с белорусскими учащимися и студентами в школах, клубах, различных культурных учреждениях, что, несомненно, содействовало установлению и развитию дружеских контактов между молодежью двух государств.

Огромную роль в развитии культурных польско-белорусских контактов отыгрывает самая крупная организация белорусского меньшинства в Польше – Белорусское общественно-культурное товарищество. Польско-белорусское культурное сотрудничество в рамках деятельности БОКТ проявляется на уровне обмена фольклорными коллективами (финансирование происходит частично за счет белорусской стороны), организации культурных мероприятий и научных конференций, издании литературы. БОКТ сотрудничает с СПБ, с которым ежегодно проводят совместную научную конференцию «Шлях да ўзаемнасці» (ГрГУ им. Я. Купалы), а также артистические встречи в Белостоке и Гродно [5, s. 154].

Важным вопросом в польско-белорусских отношениях остается проблема польского меньшинства в Беларуси, его численный состав и условия для развития национального языка и культуры. Согласно переписи населения Республики Беларусь за 1999 г. наибольшая группа польского населения проживает в Гродненской области (294 090 чел.), а самая малочисленная в Могилевской области (2798 чел.). Абсолютное большинство поляков проживает в трех городах - Гродно, Лиде и Минске, а также в пяти районах Гродненской области и одном районе Минской области (от 11 148 до 66 787 тыс. чел.). Наименьшая группа поляков проживает в Краснопольском районе Могилевской области (7 чел.). Практически на территории Беларуси нет районов, где бы ни проживали лица польской национальности [9, s. 38]. Среди польского населения по количественным показателям 1999 г. преобладали городские жители - 215 129 чел. (54,4 %), сельские составили 180 583 человека (45,6 %). Что касается уровня образованности среди польского меньшинства Беларуси, то согласно статистическим данным в 1999 г. на территории Беларуси проживало 89 человек с высшим образованием и 657 человек со средним и неполным средним образованием, в общей сложности 746 человек [9, s. 50]. Из 395 712 поляков, проживающих на территории Беларуси, 16,5 % или 65 455 человек считали родным языком - польский. Более чем в 300 школах на территории Беларуси польский язык оставался одним из учебных предметов. Были открыты две польские школы в Гродно и Волковыске, создано несколько десятков польских коллективов, выдаются газета «Głos znad Niemna» (Голос из-за Немана) и ежеквартальник «Magazyn Polski» (Журнал польский) [9, s. 84]. Все эти процессы способствовали распространению польского языка среди польского населения Беларуси.

Необходимо отметить, что в наибольшей степени гуманитарные контакты поддерживаются на белорусско-польских приграничных территориях. Так, 26 марта 1996 г. соглашение о культурном сотрудничестве на 1996-1998 гг. подписали управление культуры Гродненского облисполкома и отдел культуры, спорта и туризма воеводской управы в Белостоке; в 1997 г. заключен договор о культурной деятельности между Брестской областью и Бяло-Подляским воеводством. В рамках партнерских отношений между городами двух государств на основе заключенного Договора о сотрудничестве и партнерстве между Кобрином и Мендзыжец-Подляский от 12 декабря 2000 г., Соглашения о сотрудничестве между Барановичи и Бяла-Подляска от 16 мая 2001 г. также осуществлялся постоянный обмен творческими коллективами [10, с. 67]. Региональные соглашения создали прочный фундамент для сотрудничества в гуманитарной сфере, тем самым расширяя возможности, заложенные в межправительственных соглашениях.

Таким образом, в середине 1990-х – начале 2000-х гг. Беларусь и Польша поддерживали диалог в гуманитарной сфере на областном и региональном уровнях. Была сделана ставка на развитие двусторонних контактов на уровне как неправительственных организаций и объединений, так и отдельных граждан. В 2005 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области образования между Министерством образования Республики Беларусь и Министерством образования и спорта Республики Польша. В соответствии с соглашением о сотрудничестве создана совместная консультативная комиссия, которая координирует работу школ для польского меньшинства в Беларуси и

белорусского меньшинства в Польше. В целом гуманитарное сотрудничество двух стран было направлено на достижение общей цели межгосударственных отношений - укрепления добрососедства.

Список источников и литературы

1. Matelski, D. Miejsce Białorusi i Białorusinów w programie Partnerstwa Wschodniego Unii Europejskiej / D. Matelski // *Studia Gdańskie. Wizje i rzeczywistość*. – 2012. – Т. 9. – S. 320–348.

2. Часноўскі, М.Э. Беларуска-польскія адносіны ў 1996–1999 гг. / М.Э. Часноўскі // *Беларус. гістарычны часопіс*. – 2000. – № 3. – С. 16–21.

3. Воляньски, М. Обзор польско-белорусских двусторонних договоров / М. Воляньски // *Журнал междунар. права и междунар. отношений*. – 2007. – № 1. – С. 62–63.

4. Хмелиньски, Б. Деятельность Общества «Польша – Беларусь» в области науки, просвещения и культуры / Б. Хмелиньски // *Журнал междунар. права и междунар. отношений*. – 2007. – № 1. – С. 70–71.

5. Barwiński, M. Stosunki międzypaństwowe Polski z Ukrainą, Białorusią i Litwą po 1990 roku w kontekście sytuacji mniejszości narodowych / M. Barwiński // *Studia z Geografii Politycznej i Historycznej*. – 2012. – Nr. 1. – S. 139–166.

6. Хмяліньскі, Б. Гісторыя алімпіяды па беларускай мове ў Польшчы / Б. Хмяліньскі // *Веснік БДУ. Серыя 3. Гіст. Філасоф. Псіх. Паліт. Сацыял. Экан. Права*. – 2006. – № 2. – С. 51–54.

7. Rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej i Sportu z dnia 20 lutego 2004 r. w sprawie warunków i trybu przyjmowania uczniów do szkół publicznych oraz przechodzenia z jednych typów szkół do innych // *Dziennik Ustaw*. – 2004. – Nr. 26. – Poz. 232. – S. 1473–1479.

8. Rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej i Sportu z dnia 7 września 2004 r. w sprawie warunków i sposobu oceniania, klasyfikowania i promowania uczniów i słuchaczy oraz przeprowadzania sprawdzianów i egzaminów w szkołach publicznych // *Dziennik Ustaw*. – 2004. – Nr. 199. – Poz. 2046. – S. 3976–4018.

9. Gawin, T. Polskie odrodzenie na Białorusi 1988–2005 / T. Gawin. - Białystok: WSAP im. S. Staszica, 2010. – 406 s.

10. Бурик, Е.А. Феномен добрососедства: культурные контакты в белорусско-украинском и белорусско-польском приграничье (конец XX–начало XXI в.) / Е.А. Бурик // *Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя 2. Гіст. Эканом. Права*. – 2012. – № 2. – С. 65–74.

Ludmila Haurylavets. Humanitarian aspects of the Belarus-Polish interaction in second half 90-th XX – the beginning of XXI century. In article the condition and prospects of humanitarian cooperation of Belarus and Poland in 1996–2006 is analyzed, concrete directions of humanitarian interaction of two countries and the factors influencing a condition of communications in this sphere are defined. Among subjects of humanitarian cooperation the active role was carried out by public organizations, first of all national associations, the unions, scientifically-educational and creative collectives. Their activity has been directed on expansion of interaction of two countries in humanitarian sphere.

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

- Чаропка Станіслаў
Аляксандравіч** загадчык кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
- Сцепанчук Юрый
Сцяпанавіч** дацэнт кафедры гісторыі і культуры Украіны Вінніцкага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэту імя М. Кацюбінскага, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
- Кротаў Андрэй
Міхайлавіч** дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
- Альгіс Повілас
Каперавічус** дацэнт Вільнюскага ўніверсітэта, доктар гуманітарных навук (г. Вільнюс, Літва)
- Мігун Дзмітрый
Адамавіч** дацэнт кафедры гісторыка культурнай спадчыны Беларусі рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск, Беларусь)
- Змітровіч Ігар
Алегавіч** дацэнт кафедры ўсеагульнай і славянскай гісторыі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт (г. Гродна, Беларусь)
- Рубан Анатоль
Аляксеевіч** дацэнт кафедры гісторыі славян і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
- Бароўская Вольга
Мікалаеўна** навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кандыдат гістарычных навук (г. Мінск, Беларусь)
- Мязга Мікалай
Мікалаевіч** дэкан гістарычнага факультэта Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
- Елізараў Сяргей
Аляксандравіч** прафесар Гомельскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта імя П.В. Сухого, доктар гістарычных навук, прафесар (г. Гомель, Беларусь)
- Янушэвіч Іван
Іванавіч** навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі, (г. Мінск, Беларусь)
- Загідулін Аляксей
Мікалаевіч** дацэнт кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Гродна, Беларусь)

Горны Аляксандр Сяргеевіч	выкладчык-стажор кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы (г. Гродна, Беларусь)
Тугай Уладзімір Васільевіч	прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі і метадыкі выкладання гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. Танка, доктар гістарычных навук, прафесар
Старавойтаў Міхаіл Іванавіч	дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Талочка Дзмітрый Міхайлавіч	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Шастапалаў Ягор Іванавіч	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), магістр гістарычных навук
Кананенка Валерый Васільевіч	дацэнт Вінніцага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Кацюбінскага (г. Вінніца, Украіна), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Кавальчук Іван Васільевіч	дацэнт кафедры гісторыі Украіны Жытомірскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Івана Франка, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Жытомір, Украіна)
Латышава Вікторыя Аляксандраўна	дацэнт кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск, Беларусь)
Гаўрылавец Людміла Ёладзіміраўна	дацэнт Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна (г. Мазыр, Беларусь), кандыдат гістарычных навук

SUMMARY

- Stanislau Czaropka, Ph.D.** **The international situation of the Polish-Lithuanian Commonwealth as a catalyst for the Cossack peasant war 1648–1651.** This article presents an analysis of the influence of foreign factors in the process of deploying the Cossack and peasant war in Belarusian part of the Grand Duchy of Lithuania. This article deals with the international position of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 20–40-ies of the 17 century, highlights the major nodes of contradictions between the Polish-Lithuanian Commonwealth and Sweden, the Ottoman Empire and the Russian State. 10
- Yuriy Stepanchuk, Ph.D.** **The reasons of B. Khmelnytskyi view transformation concerning to the Pereiaslav and Moscow agreement in modern historiography.** Considering the reasons and circumstances of the Cossacks' foremen at the head with B. Khmelnytskyi view variation on relationships with Moscow after Pereiaslav, that eventually, has led to the Ukrainian – Russian war in 1658–1659. 17
- Andrey Krotau, Ph.D.** **Monuments of oral national creativity of Belarusians as the source on studying the Belarusian stereotype of the Pole.** Monuments of oral national creativity of Belarusians as a source on studying the Belarusian stereotype of the Pole are characterized in article, and is listed the basic publications of them. The conclusions are drawn, that these sources comprise the basic elements of the given stereotype that defined its character and the vector of its further evolution. 23
- Algis Kasperavičius, D.Phil.** **To the question of the Lithuanian-Belarusian relations in 1915–1940 GG.** The problem of the Lithuanian-Belarusian relations in the period named associated statehood by both peoples and the establishment of borders. The article is, first and foremost, the Lithuanian-Belarusian relations in 1915–1922 and 1938–1940, when the first serious contradictions on borders and ethnicity of the peoples in the border areas. Presented point of view on the problem of Lithuanian historians in their latest works. 30
- Dzmitry Mihun, Ph.D.** **The German-Soviet relations after the signing of the treaty in Brest-Litovsk.** The paper examines in detail the political and military implications for Belarus of the Bolshevik leadership of Soviet Russia and Imperial Germany negotiations in Brest-Litovsk the spring of 1918. The object of the author's research plans become Bolshevik and German guidance on the territory of Belarus. Based on a thorough analysis of policy documents and theoretical concepts of the parties, the author concludes that the concept of the production was influenced by numerous factors. 36
- Ihar Zmitrovich, Ph.D.** **The Problem of Future State and Political Status of Czechia and Slovakia during World War I.** The paper deals with the essence and dynamics of the issue on the future state and political status of Czech and Slovakian lands during the years of the World War I. Main importance is given to the analysis of the leading national political forces positions, both in emigration and at home country, as well as their complicated way to taking decision on creation of the united Czechoslovakian state after the war. 40

- Anatoly Ruban, Ph.D.** **M.S. Hrushevsky and the problems of the nation-state development of Ukraine (1917–1918).** 45
The Ukrainian political program by M.S. Hrushevsky, which he developed in the course of the revolution of 1917, was considered. It was analyzed the main practical activities that he carried out until the end of April 1918, being the chief ideologist, initiator, author of the basic documents of the Central Rada.
- Volha Barouskaya, Ph.D.** **Baltic conference and the Belarusian issue (September 1919 – September 1920).** 50
The article draws attention to the peculiarities of convening and holding of the Baltic conferences September 1919–September 1920 Reported meetings were held in extremely difficult foreign policy and internal political atmosphere. National state education incurred in the territory of the former Russian Empire, sought to secure its sovereignty and independence, to solve territorial disputes and establish bilateral relations with its neighbors. Creation of the Union of the Baltic States could contribute in achieving these objectives. However, the existence of numerous conflicts between member states are not allowed to come to a compromise, to put into practice the idea of the Baltic Entente.
- Mikalay Miazga, Ph.D.** **Belarusian matters during the Polish-Soviet War of 1919–1920 as described in Soviet and Polish Interwar historiography.** 55
The article explains the content of the Soviet Interwar historiography, that studied Belarusian matters related to the Polish-Soviet War of 1919–1920. Also it states and describes various concepts that were developed by the researchers who were working on this problem.
- Siarhey Yelizarau, D.Phil.** **Gomel nomenklatura: formation (the second half of the 1920 's.)** 60
The article attempts to analyze the processes of formation of bureaucratic system in the second half of the 1920-ies. in Gomel district of BSSR. Institutionalized nomenclature starts with g. 1923 Officially appearance Institute nomenclature refers to the autumn of 1925 g. Special party accounting and distribution structures are formed item lists. The analysis of qualitative composition of Gomel nomenclature (party seniority, age, nationality, language, social status), 1927.
- Ivan Yanushevich, Ph.D.** **The formation of anti-religious agitation and propagandistic system in BSSR (1919–1923).** 65
The article analyzes the initial stage of formation of anti-religious propaganda activity of the Soviet state toward religion and the church. It was determined that the formation of a system of ideological anti-religious work was a coercive measure. It analyzes the organizational capacity of the performers from the Communist Party and Communist Youth League. The features of the organisation of anti-religious work in the field were described.
- Aliaksey Zahidulin, Ph.D.** **Activities of polish propaganda in Western Belarus (1921–1939).** 70
Promotion of the Polish state was carried out by public authorities. The main instrument to promote was the political press, the education authorities. The propaganda carried out also through culture and art, especially the construction of monuments and memorials, using spiritual institutions, and not only the Catholic Church but also of the Orthodox Church.

- Alaksiey Horny** **Cultural and educational activities "Belarusian sanacyja" in interwar Poland.** The article highlights the cultural and educational activities of the group Luckievic-Astrouski or "The Belarusian sanacyja" in Western Belarus in the interwar period, connected with the organization of various cultural events and the creation of a number of educational institutions. The conclusion of the specific merits of this group in the expansion of the Belarusian culture in the polonization population. 74
- Uladzimir Tuhay, D.Phil.** **Features ethnic culture and daily life Germans Belarusian Polesie. 1920-30s.** The article tells about the German colonists, who at various times have moved on land Polesie. In 1920-ies. National village councils, national collective farms and schools were established on the basis of the German colonies. Examples of the economic sphere of life of the Germans Polesie, as well as cultural. Attention is paid to some of the features of everyday life and everyday life of the Germans of the Belarusian Polesie. 80
- Mikhail Staravoytau, Ph.D.** **Changes in rural population marriage and family structure on Belarusian-Russian-Ukrainian borderlands in 1920–1930-ies.** For the first time in the national historiography the author established reasons for the sharp reduction in the number of persons, especially women who marry at the age of 15–19. The tendency to a decrease in marriage (less married men of non-titular ethnic groups) in the age of 20–24 is found out. Within the following age groups the correlation of the married basically correspondet gender and age structure of the population. The author is the first to establish that in the Belarusian part of the frontier there were 56.6 % of rural households consisting of 2–4 persons, in Russia – 52.9 %, in Ukrainian – 65.1 %. The rural family on the quantitative composition was intensively approaching to urban standards. 87
- Dzmitry Talochka, Ph.D.** **The march of the Red Army into Poland in the autumn of 1939 in the perception of the population of the Byelorussian SSR.** The article deals with the reaction and attitude of the inhabitants of the Byelorussian SSR to hold the Red Army fighting in Poland in September 1939. Through information from the reports of the People's Commissariat of Internal Affairs of the authors propose to get acquainted with different positions regarding ukazannogo sobytiya. 93
- Yahor Shastapalau, M.A.**
- Valeriy Kononenko, Ph.D.** **The evacuation of the jewish population of Podillya during the German-Soviet war in june-july 1941.** Annotation. The peculiarities of the evacuation of the Jewish population of Podillya in June-July of 1941 are analyzed in the article. Author characterizes evacuation politics of the soviet authority power in connection to the Jewish population on the initial stage of the german-soviet war. In the article the differences between organized evacuation of population and its by individual escape are analyzed. The author determines reasons of the failure of the evacuation of the Jewish population in the first months of the war and characterizes its consequences for vast majority of the Jewish population of Podillya. 99

- Ivan Kovalchuk,
Ph.D.** **The fighting between Ukrainian nationalist structures and Soviet underground forces and partisans in the territory of Zhytomyr region during the nazi occupation: reasons, nature, the effects (the attempt of source analysis).** The article deals with the question of formation in Ukraine of two totalitarian ideologies – Communist and nationalist. It's quite evident that they were from the time of its formation in opposition. For example, the territory of the Zhytomyr region in the years of Nazi occupation, using a broad base of sources, traced the struggle between Soviet partisans and underground forces and Ukrainian nationalists. It was found this struggle had caused further suffering and loss of the Ukrainian people, and was beneficial primarily to the Nazi occupation regime. 104
- Viktorya
Latyshava, Ph.D.** **Victims of the nazi slaughter programm «T-4» within the occupied Soviet territories: to the problem of the reseach state.** Amid the native and foreign scientific discourses of the problematic the article pays attention on genesis and a present state of such of the an object of the research as victims of the Nazi slaughter program «T-4» within the occupied soviet territories during the years of World War II. 110
- Ludmila
Haurylavets,
Ph.D.** **Humanitarian aspects of the Belarus-Polish interaction in second half 90-th XX – the beginning of XXI century.** In article the condition and prospects of humanitarian cooperation of Belarus and Poland in 1996–2006 is analyzed, concrete directions of humanitarian interaction of two countries and the factors influencing a condition of communications in this sphere are defined. Among subjects of humanitarian cooperation the active role was carried out by public organizations, first of all national associations, the unions, scientifically-educational and creative collectives. Their activity has been directed on expansion of interaction of two countries in humanitarian sphere. 115

Навуковае выданне

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ

Зборнік навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 5

Падпісана да друку 03.10.2016. Фармат 60x84 1/8
Папера афсетная. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 13,95.
Ул.-выд. арк. 12,15. Тыраж 100 экз. Заказ 570.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі
“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/87 ад 18.11.2013.
Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330 / 450 ад 18.12.2013.
Вул. Савецкая, 104, 246019, Гомель.